ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Moscow FSBEI HE MSLU 2021

Печатается по решению Ученого совета Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор

доктор филологических наук, профессор Г.Г. Бондарчук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

Бубнова Г. И., д-р филол. наук, проф. (МГУ им. М. В. Ломоносова)

Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф. (РУДН)

Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)

Глушак В. М., д-р филол. наук, проф. (МГИМО)

Голубина К. В., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)

Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

Гусейнова И.А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)

Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)

Егорова О. Г., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

Захари Михайлов Захариев, д-р ист. наук, проф.

(Федерации дружбы с народами России и СНГ, Болгария)

Захарова Н. В., канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник (ИМЛИ РАН)

Зусман В. Г., д-р филол. наук, проф. (НИУ «Высшая Школа Экономики» в Н. Новгороде)

Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)

Космарская И. В., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)

Краева И. А., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)

Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

Малыгина И. В., д-р философ. наук, проф. (МГЛУ)

Осьминина Е. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)

Порохницкая Л. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)

Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

Семина И. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)

Силантьев Р.А., д-р истор. наук (МГЛУ)

Сомова Е. В., д-р филол. наук, доц. (МПГУ)

Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

Травников С. Н., д-р филол. наук, проф. (Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина)

Трыков В. П., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)

Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф. (Минский гос. линг. ун-т, Беларусь)

Хитина М. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)

Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам

(Свободный университет, Амстердам, Нидерланды; МГЛУ)

Черноземова Е. Н., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)

Янулевичене В., д-р филол. наук, проф. (Университет им. М. Ромериса, Вильнюс, Литва)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ДИРЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН Анищенко А. В., Ларина Т. С	9
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЮДВИГА ТИКА Башилова Ю.В.	22
КРИЗИСНАЯ ГЕТЕРОТОПИЯ В АЛЬПИЙСКОЙ ПРОЗЕ Воронина А. И	33
РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА UMGANG IN DER FAMILIE / ОБЩЕНИЕ В СЕМЬЕ В НЕМЕЦКИХ РОМАНАХ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ КОНЦА XX-НАЧАЛА XXI ВВ. Привалова Е. П., Воронина Г. Б.	44
ГЕНДЕР КАК КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ФАКТОР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ Гусейнова И. А.	59
ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ МНОГОКОМПОНЕНТНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПО ТЕМЕ «КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ» <i>Данилин А</i> . С.	75
СИНОНИМИЯ ИНТОНАЦИОННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПОВЕСТОВОВАТЕЛЬНЫХ И ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ <i>Ефремова М. Ю.</i>	84
ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ БРЕНДА «ГЕРМАНИЯ – СТРАНА ИДЕЙ» КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ГЕРМАНИИ Завьялова М. И.	98
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ПАРТИЙНОГО ИМИДЖА (на материале немецкого медиадискурса) Клиновская А. А., Стрельцова В. В	. 112
ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММНЫХ РЕШЕНИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА (на материале лексики подъязыка «логистика») <i>Кузьмин О. И.</i>	127
ПЕРЦЕПТИВНО-СЛУХОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ (лингвокриминалистический аспект) Курьянова И. В	137
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «ПРОСОДИЯ», «ИНТОНАЦИЯ» И СМЕЖНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ В ЛИНГВИСТИКЕ	150

ПЛУБИННОЕ АННОТИРОВАНИЕ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ: К МЕТОДУ АНАЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА Потапова Р. К., Потапов В. В., Джунковский А. В.	161
ЭЛЕМЕНТЫ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЩЕНИЯХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРЕЗИДЕНТА ГЕРМАНИИ Романова 3. С.	168
СОЦИОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТОВ ПРОЕКТА <i>ORAL HISTORY</i> Фадеева Г.М.	180
ДИСКУРС В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (терминологический аспект) Яковлева В.В.	191
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
КУЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ Х. ЯНАГИХАРЫ «МАЛЕНЬКАЯ ЖИЗНЬ» Демина Д. А.	204
ГЕОПОЭТИКА КАК СПОСОБ ПРОЧТЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (на материале немецкого языка) Карпенко Е.И., Любимова Н.В.	215
<u>КУЛЬТУРОЛОГИЯ</u>	
ДИАГНОСТИКА ДИНАМИКИ БАЗОВОЙ ЦЕННОСТИ <i>LEBEN</i> В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ <i>Хлопова А. И.</i>	230
ЭГАЛИТАРНЫЕ ЦЕННОСТИ В КУЛЬТУРАХ ХАДЗА И ШВЕДОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	246

CONTENTS

LINGUISTICS

DIRECTIVE SPEECH ACTS AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON Anishchenko A. V., Larina T. S	9
LANGUAGE OF SPATIAL REPRESENTATION IN THE WORKS BY LUDWIG TIECK Bashilova Yu. V.	. 22
THE CRISIS HETEROTOPIA IN THE ALPINE PROSA Voronina A. I.	. 33
IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT UMGANG IN DER FAMILIE / COMMUNICATION IN THE FAMILY IN NOVELS FOR TEENAGERS OF THE LATE XX-EARLY XXI CENTURIES Privalova E. P., Voronina G. B	. 44
GENDER AS A CONFLICTOGENIC FACTOR OF INSTITUTIONAL COMMUNICATION Guseynova I. A	. 59
THE ISSUE OF TRANSLATING ENGLISH MULTI-COMPONENT TERMINOLOGY ON THE TOPIC OF CYBERSECURITY Danilin A. S.	. 75
THE SYNONYMY OF INTONATION CONSTRUCTIONS IN NARRATIVE AND INTERROGATIVE SENTENCES <i>Efremova M. Yu.</i>	. 84
LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE BRAND "GERMANY – LAND OF IDEAS" AS A "SOFT POWER" TOOL Zavyalova M. I.	. 98
LINGUISTIC METHODS OF A PARTY IMAGE CREATION (based on German Media Discourse) Klinovskaya A. A., Streltsova V. V	112
THE EXPERIENCE OF USING SOFTWARE SOLUTIONS TO IMPROVE THE QUALITY OF TRANSLATION (based on the vocabulary of the sublanguage «logistics») Kuzmin O. I.	
PERCEPTIVE-ACOUSTIC PERCEPTION OF FOREIGN LANGUAGE SPEECH (linguocriminalistic aspect) Kuryanova I. V	137
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPTS OF "PROSODY", "INTONATION" AND RELATED SPECIAL TERMS IN LINGUISTICS Popova M. V	
DEEP POLYCODE TEXT ANNOTATION: TO ANALYTICAL TRANSLATION METHOD Potapova R. K., Potapov V. V., Dzhunkovskiy A. V	161

ELEMENTS OF RELIGIOUS DISCOURSE IN GERMAN PRESIDENT'S CHRISTMAS MESSAGE Romanova Z. S.	. 168
SOCIO-STYLISTIC POTENTIAL OF <i>ORAL HISTORY</i> PROJECT TEXTS Fadeeva G. M	180
DISCOURSE IN EDUCATIONAL ACTIVITIES (terminological aspect) Iakovleva V. V.	. 191
LITERARY STUDIES	
CULINARY DISCOURSE IN THE NOVEL "A LITTLE LIFE" CY H. YANAGIHARA Demina D. A	. 204
GEOPOETICS AS A MEANS OF LITERARY SPACES INTERPRETATION: LINGUISTIC ASPECTS (on the German language) Karpenko E. I., Lyubimova N. V.	. 215
CULTUROLOGY	
DIAGNOSTICS OF BASIC VALUE DYNAMICS OF <i>LEBEN</i> IN GERMAN LINGUISTIC CULTURE Khlopova A. I.	. 230
EGALITARIAN VALUES IN THE HADZA AND SWEDISH CULTURES. COMPARATIVE ANALYSIS Rafier T.O.	246

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 811.11

DOI 10.52070/2542-2197_2021_11_853_9

ДИРЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

А. В. Анищенко¹, Т. С. Ларина²

 1 Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, allan031@yandex.ru

²Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел России, Москва, Россия, t.larina@my.mqimo.ru

Аннотация. Цель статьи – выявить лингвокультурные характеристики директивных речевых актов, отраженные в общественных знаках немецкоязычного культурного пространства. Обращение к теории поля позволило установить общие и вариативные (культурно обусловленные) особенности текстовой реализации директивных речевых актов в типе текста «общественный знак». Исследовательский корпус составили общественные знаки Германии, Австрии и Швейцарии, репрезентирующие правила, принятые в немецкоязычном лингвокультурном пространстве.

Ключевые слова: директивные речевые акты, культурная информация, лингвокультура, вариативность, общественный знак

Для цитирования: Анищенко А. В., Ларина Т. С. Директивные речевые акты как лингвокультурный феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 9–21. DOI: 10.52070/2542-2197 2021 11 853 9

Original article

DIRECTIVE SPEECH ACTS AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON

A. V. Anishchenko¹, T. S. Larina²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, maya29347@gmail.com

²Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia t.larina@my.mqimo.ru

Abstract. The article aims to identify the linguocultural characteristics of directive speech acts, reflected in the public signs of the German-speaking cultural space. The appliance of the field theory made it possible to establish general and variable (culturally determined) features of the textual implementation of directive speech acts in the "public sign" text type. The research corps was composed of public signs of Germany, Austria and Switzerland, representing the rules adopted in the German-speaking linguocultural space.

Key words: directive speech acts, cultural information, linguoculture, variability, public sign

For citation: Anishchenko, A. V., Larina, T. S. (2021). Directive speech acts as a linguocultural phenomenon. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 9–21. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_9

Введение

Трансляция культурных ценностей, традиций, запретов и предпочтений, социальное навязывание оценок и представлений, а также идеологическое принуждение к принятию определенных моделей, соответствие и следование им влияют на сообщество, его культуру и лингвокультуру и обусловливают научную актуальность и практический интерес к изучению семиотики директивности [Красных, 2016]. Предлагаемое исследование направлено на рассмотрение директивности как комплексного лингвокультурного и лингвосемиотического феномена, отраженного в общественных знаках немецкого культурного пространства. При этом мы исходим из того, что общественный знак, с одной стороны, конвенционализирует коммуникацию и поэтому обладает межкультурной универсальностью, а с другой – фиксируя накопленный опыт конкретного социума, его сложившиеся на протяжении истории и действующие в настоящий момент правила и регламенты, содержит культуроспецифические черты и транслирует культурную информацию.

Универсальность общественного знака предполагает его стереотипность. Таким образом, механизмом категоризации директивности в общественном знаке выступает, как и в некоторых других типах креолизованных текстов, стереотипизация, которая обеспечивает узнаваемость общественного знака и однозначность интерпретации реализуемого в нем директивного речевого акта (ДРА) [Анищенко, 2018].

Целью статьи — характеристика немецкоязычных ДРА как лингвокультурного феномена, т. е. выявление их универсальных и культуроспецифичных черт. Общественный знак будет рассмотрен как семиотический комплекс, транслирующий культурную информацию.

Знание культурной информации как ценностного содержания культуры определенного сообщества, образующегося в результате познания представителями этого сообщества мира и составляющего одновременно его (т. е. познания) основу, позволяет осуществить адекватный выбор тех или иных языковых средств в коммуникации в соответствии с решаемыми прагматическими задачами [Зыкова, 2017].

Директивные речевые акты в коммуникативно-прагматической парадигме

Предлагаемое исследование выполнено в русле коммуникативнопрагматического подхода – междисциплинарной интеграции методик, приемов и процедур, используемых для изучения употребления языка говорящими в процессе коммуникации в единстве с прагматическими свойствами языковых единиц в связи с ситуацией общения для достижения успешности коммуникации и регулирования коммуникативного (речевого) поведения людей с целью координации все усложняющейся человеческой деятельности [Комарова, 2013]. Для реализации любого коммуникативного намерения коммуникаты пользуются определенным набором языковых средств, выбор которых определяется той коммуникативной ситуаций, в которой они находятся. Правильное понимание языковых средств, выражающих директивность в немецкоязычной лингвокультуре, важно, в противном случае можно иметь дело с прагматическими последствиями [Ларина, 2018]. Плюрализм мнений относительно того, что является составляющими коммуникативной ситуации, привел к возникновению большого количества классификаций речевых актов, отличающихся по таким параметрам, как количество выделяемых в классификации речевых актов, специфика разных классов речевых актов, а также сравнение отдельных типов речевых актов в рамках одного класса речевых актов.

Коммуникативно-прагматический подход к рассмотрению общения как деятельности, осуществляемой посредством языка и направленной на достижение коммуникативных и внекоммуникативных целей, позволил выделить ограниченное число классификаций

речевых актов, где директивы выделяются в отдельный класс. Так, для настоящего исследования релевантны классификации речевых актов Е. И. Беляевой (1992), А. П. Володина, В. С. Храковского (2001), М. Д. Городниковой, Д. О. Добровольского (2002), Г. Г. Почепцова (1981), Ц. Саранцацрал (1993), Дж. Серля (1986), Е. А. Филатовой (1997), Н. И. Формановской (2002), Ю. Хабермаса (1976), У. Энгеля (1988), К. Унрат-Шарпенак (2000). Анализ классификаций речевых актов в исследованиях вышеперечисленных ученых позволил выявить однозначное сходство мнений в выделении пяти типов ДРА – «Веfehl / Приказ», «Verbot / Запрет», «Віttе / Просьба», «Rat / Совет» и «Vorschlag / Предложение».

Будучи самым сильным типом речевого воздействия, ДРА играют важную роль в актуальном коммуникативно-прагматическом пространстве, вербализованные фрагменты которого могут быть рассмотрены на примере типа текста «общественный знак», включающего также невербальные элементы деятельности участников коммуникации. Как показало исследование, общественный знак обнаруживает культурную специфику и вариативность даже в пределах одного лингвокультурного пространства — немецкоязычного.

В ходе лингвокультурологического и функционально-прагматического анализа немецкоязычных общественных знаков, однако, было установлено, что такие типы ДРА, как «Rat / Cobem» и «Vorschlag / Предложение» в немецкоязычных общественных знаках не представлены. Побуждение адресата к выполнению или невыполнению определенного действия выражается посредством таких типов ДРА, как «Befehl / Приказ», «Verbot / Запрет», «Bitte / Просьба», а также диффузного ДРА «Warnung / Предупреждение», связанного с «Verbot / Запрет» и «Befehl / Приказ», находящих отражение как в вербальной, так и в невербальной составляющих общественного знака.

Общественный знак как текстовая реализация директивности

В современном мире цифровых технологий наблюдается смещение акцентов с вербальной на визуальную коммуникацию и, как следствие, возрастание исследовательского интереса к иконическому коду как совокупности коммуникативных единиц, репрезентирующих невербальную информацию.

В лингвистике отсутствует единое мнение в вопросе номинации знаков, представляющих сложный семиотический комплекс, встречающихся в общественных местах и содержащих побуждение, т. е. ДРА. В отечественных исследованиях, посвященных этому типу текста, можно встретить термины общественные знаки, публичные директивы, информативно-регулирующие указатели, информативнозапретительные знаки, инструктивные общественные указатели, публичные надписи, публичные объявления. Немецкоязычные лингвисты предлагают следующие обозначения знаков, регламентирующих общественное поведение – Hinweisschild, Hinweiszeichen, Infoschild, Sperrschild, Stoppschild, Verbotsschild, Verbotszeichen, Warnungsschild, Warnzeichen, Warnungszeichen. Для настоящего исследования релевантным является термин «общественный знак», который определяется как особый тип текстов, которые отличает ряд лингвистических и экстралингвистических характеристик: краткость объема, стандартизированность, однозначность, императивность, обобщенность адресата, бессубъектность, отсутствие эмоционально-экспрессивной окрашенности, функциональная направленность на регулирование поведения граждан в общественных местах путем информирования или напоминания потенциальным адресатам о необходимости соблюдения принятых в обществе норм поведения [Медведева, 2008].

Языковое оформление общественного знака, его структура, различающаяся в зависимости от реализуемого в нем ДРА, используемые синтаксические конструкции, наличие / отсутствие изображения, особенности шрифта, пространственная организация текста являются основополагающими для достижения того дополнительного коммуникативного эффекта, который возможен лишь при синергии вербальной и невербальной частей общественного знака и который не может быть достигнут путем последовательной реализации функций, выполняемых языковыми и неязыковыми средствами.

Поскольку рецепция общественного знака подразумевает задействование только одного коммуникативного канала – зрительного, а количество семиотических составляющих в общественном знаке равно двум, целесообразно будет определить общественный знак как дикодовый текст, т. е. текст, включающий в себя коды не более двух семиотических систем — вербальной и невербальной. Отдельные компоненты невербальной составляющей дикодового текста могут заменяться или отсутствовать. Восприятие дикодового текста осуществляется только

с помощью одного канала — зрительного. Общественный знак, в котором при наличии невербальной составляющей отсутствует вербальная или наоборот, классифицируется нами как монокодовый текст. Общественные знаки, являющиеся монокодовыми текстами, были исключены из нашего исследования в связи с тем, что они, как правило, содержат универсальные признаки выражения директивности, закрепленные в международных стандартах ISO 7010¹.

Согласно стандарту ISO 7010, все общественные знаки подразделяются на группы запрещающих, предупредительных, предписывающих знаков, знаков спасения и знаков противопожарной защиты и имеют присущие соответствующей группе знаков цвета и форму. Это определяет их коммуникативно-прагматическую направленность и не приводит к коммуникативным сбоям на межкультурном уровне, поскольку такая стандартизация является единой и понятной для всех. Интерес для нас представляют случаи смешения вербального и иконического компонента в разных категориях знаков, что будет являться национально-специфической чертой той или иной лингвокультуры, в нашем случае немецкоязычной.

Представленность различных типов ДРА в текстовых произведениях, созданных на немецком языке и отражающих менталитет рассматриваемой общности и поэтапный анализ вербальных и невербальных элементов знаков с разной тематической соотнесенностью, позволяет систематизировать полученные результаты, используя метод поля.

Невербальные средства выражения директивности в немецкоязычном пространстве, находящие отражение в общественных знаках, могут быть объединены в пределах функционально-знакового поля, центр которого будут составлять общественные знаки как монокодовые тексты. Общественные знаки как дикодовые тексты будут носить амбивалентный характер и располагаться на периферии поля, образуя пересекающие фрагменты с центром поля. При этом большей близостью к центру поля будут характеризоваться дикодовые тексты, в которых изображение преобладает над вербальным компонентом. Как правило, изобразительный ряд в таких общественных

¹Международная Организация по стандартизации (International Organization for Standardization) является техническим стандартом графических знаков опасности и безопасности, в том числе обозначающих аварийные выходы.

знаках представлен символами или индексами (согласно второй трихотомии знаков по Ч. Пирсу [Пирс, 2000]). Далее будут располагаться общественные знаки, в которых вербальная и невербальная составляющая являются равнозначными и могут существовать друг без друга без изменения функционального потенциала знака. Дикодовые тексты с иконическими изображениями будут располагаться на дальней периферии поля, поскольку их трактовка возможна только совместно с трактовкой вербальной составляющей дикодового текста.

Таким образом, основополагающей характеристикой периферии функционально-знакового поля немецкоязычных директивов будет являться способность невербальных единиц взаимодействовать с вербальными в рамках дикодового текста, чтобы транслировать директивную информацию в определенной коммуникативной ситуации.

Анализ вербальных элементов в 663 общественных знаках Германии, Австрии и Швейцарии, входящих в корпус настоящего исследования, позволяет выявить широкий спектр языковых средств, реализующих тот или иной тип ДРА.

Так, ДРА «Befehl / Приказ» характеризуется:

- побудительными предложениями с инфинитивом, номинативными предложениями, инфинитивом и конструкцией «sein + zu + Infinitiv» (*Hunde sind an der Leine zu führen!*);
- конструкциями «bitte + Infinitiv» (*Bitte Kotbeutel benutzen!*), «bitte + nur» (*Bitte NUR mit Beisskorb u. Leine*).

Для ДРА «Verbot / Запрет» характерны конструкции:

- «etw. ist verboten / -verbot» (Enten und Fische füttern verboten; Auf Kinderspielplätzen Hundeverbot!);
 - «etw. ist untersagt» (Betreten strengstens untersagt!);
- «etw. ist gesperrt» (Gesperrt für Fußgänger, Reiter, Radfahrer und andere Fahrzeuge);
- «nicht + Infinitiv» (Wege nicht verlassen!), «etw. ist unerwünscht» (Zelten austragen ist unerwünscht!);
- «etw. ist nicht gestattet / erlaubt / zulässig» (Das Parken direkt vor dem Casino ist nicht gestattet; Das Abstellen von Fahrrädern im Hausflur ist nicht erlaubt; Die Ausübung des Angelsportes im Naturschutzgebiet ist nicht zulässig);
- «kein + Subst. / kein + Subst. + Infinitiv» (Kein Tauchen; Kein Abfall hier entsorgen).

Отметим, что ДРА «Віttе / Просьба» наименее представлен в общественных знаках исследуемых лингвокультур и выражается с помощью перформативного глагола bitten (Hunde an die Leine – wir bitten um Rücksichtnahme!), а также конструкции «bitte + Imperativ» (Bitte haltet unseren Spielplatz sauber!).

ДРА «Warnung / Предупреждение» в немецкоязычных общественных знаках находит отражение в использовании таких лексем, как «Achtung», «Vorsicht», которые не встречаются в общественных знаках отдельно от конструкций, выражающих другие типы ДРА, в связи с чем ДРА «Warnung / Предупреждение» именуется в статье диффузным типом ДРА.

Вариативность реализации директивных речевых актов в немецкоязычном лингвокультурном пространстве

Широкий ракурс анализа средств выражения директивности в немецкоязычном лингвокультурном пространстве с включением в исследование как вербальных, так и невербальных элементов коммуникации, позволяет объединить выявленные особенности вербальной реализации каждого типа ДРА в рамках функционально-семантического поля директивов. Функционально-семантическое поле – это базирующаяся на определенной семантической категории группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций. В условном пространстве функций и средств устанавливается конфигурация центральных и периферийных компонентов поля, очерчиваются зоны пересечения с другими полями [Бондарко, 1984]. На наш взгляд, оно может быть рассмотрено как макрополе директивов, состоящее из микрополей директивов, центры которых определяет максимальная концентрация базисных семантических признаков, а разреженность таких признаков характеризует периферию микрополей.

Анализ общественных знаков Германии, Австрии и Швейцарии выявил вариативность реализации разных типов ДРА. На рисунках 1 и 3 представлены схемы функционально-семантических полей «Befehl / Приказ» и «Verbot / Запрет» в Германии.

Рисунки 2—4 демонстрируют языковые средства, выражающие ДРА «*Befehl / Приказ*» и ДРА «*Verbot / Запрет*» в Австрии и Швейцарии.

На рисунке 5 представлена схема функционально-семантического поля ДРА «*Bitte / Просьб*а» всего немецкоязычного пространства.

Из рисунков 1–5 следует, что, если за точку отсчета принять такой признак, характеризующий отношение центра и периферии поля, как частотность функционирования исследуемых единиц, а также степень интенсивности ДРА, то не представляется возможным объединить исследование языковых единиц всего немецкоязычного пространства в одном микрополе.

Рис. 1. Схема функциональносемантического поля «Befehl / Приказ» в Германии

Рис. 2. Схема функциональносемантического поля «Befehl / Приказ» в Австрии и Швейцарии

etw. ist unerwünsht
sicht + Infinitiv

etw. ist nicht gestattet etw. ist nicht erlaubt
etw. ist verboten / verbot
etw. ist untersagt
etw. ist nicht zulässig/
etw. ist gesperrt
kein + Subst. kein + Subst. + Infinitiv

Рис. 3. Схема функциональносемантического поля «Verbot / Запрет» в Германии

Рис. 4. Схема функциональносемантического поля «Verbot / Запрет» в Австрии и Швейцарии

Рис. 5. Схема функционально-семантического поля «Befehl / Приказ» в Германии

Например, в центре немецкого микрополя «Befehl / Приказ» (см. рис. 1) по признаку частотности языковых единиц будут находиться единицы, которые одновременно составят периферию австрийского и швейцарского микрополя «Befehl / Приказ» (см. рис. 2) ввиду их меньшей употребительности. Таким образом, выделяя в немецкоязычных общественных знаках четыре типа ДРА, мы можем говорить об универсальном характере реализации директивности. Отметим, что вариативность плана содержания в немецкоязычных общественных знаках проявляется, в первую очередь, в функциональной вариативности и является отражением культурной специфики знака.

В ходе исследования было установлено, что вариативность реализации ДРА в немецкоязычных общественных знаках проявляется на уровне формы и содержания. Возможность каждого элемента в языке иметь несколько функций, и наоборот, свойство нескольких элементов выполнять одну и ту же функцию способствует появлению вариантов. Установлено, что вариативностью общественного знака немецкоязычного лингвокультурного пространства характеризуется формальная сторона, проявляющаяся на:

- **фонологическом** (нем., австр. «sauber», швейц. «suuber»; нем., австр. «ein», швейц. «e» и др.);
- **лексическом** (нем. «Müll», «Abfall», австр. «Mist», швейц. «Kehricht»; нем. «Müllsäcke», «Müllbeutel», швейц. «Züri-Säcke» и др.);
- **морфологическом** (нем. «Parken», швейц. «Parkieren»; нем. «Sack», австр. «Sackerl» и др.);
- синтаксическом уровнях (нем., швейц. «Hunde an die Leine», австр. «Nur mit Beißkorb und Leine» вместо «Bitte leinen Sie Ihren Hund an und führen Sie ihn nur mit Beißkorb» и др.).

Высокий уровень директивности, характеризующийся использованием в знаках побудительных предложений с инфинитивом, номинативных предложений и конструкций «sein + zu + Infinitiv», «etw. ist verboten / -verbot», «etw. ist untersagt», «etw. ist gespertt», «nicht + Infinitiv», может повышаться из-за указаний на последствия нарушения побудительного коммуникативного намерения (polizeilich verfolgt und angezeigt; strafrechtlich verfolgt и др.) и подчеркивать асимметрию в иерархии отношений между адресантом и адресатом, высокую степень дистанцированности (немецкие общественные знаки). Использование в общественных знаках конструкций «bitte + Infinitiv»,

«bitte + nur», «etw. ist unerwünscht», «etw. ist nicht gestattet / erlaubt / zulässig», «kein + Subst. / kein + Subst. + Infinitiv» позволяет сделать вывод о деинтенсификации ДРА «Befehl / Приказ», «Verbot / Запрет», «Bitte / Просьба». Наличие императива второго лица единственного числа в общественных знаках вместо инфинитива или категоричных конструкций с перформативными глаголами поля «Verbot / Запрет», «Befehl / Приказ» может расцениваться как стремление сократить социальную дистанцию с адресатом, как готовность к диалогу, а не как демонстрация авторитета адресанта.

Анализ вербальной и невербальной составляющих общественных знаков выявил некоторые закономерности сочетания в знаках единиц разных семиотических систем с тематической соотнесенностью знака. Таким образом, содержательная сторона общественного знака, являющегося текстовой реализацией ДРА и отражающая его национально-культурную специфику, проявляется в тематической направленности общественных знаков.

Заключение

Директивность в немецкоязычном лингвокультурном пространстве реализуется в общественном знаке как тексте, созданном в определенном культурном сообществе и характеризующемся культурной обусловленностью. Общественный знак как репрезентант правил, установок и регламентов, принятых в культурном пространстве, отражает ценностные ориентиры представителей данной культуры и обладает лингвокультурной спецификой, которая обнаруживается в многообразии языковых реализаций и фиксируется в языке на уровне формы и / или содержания, а директивные речевые акты в немецкоязычном лингвокультурном пространстве, таким образом, могут рассматриваться как форма отражения культуры общества, его национальной уникальности.

Изучение культурной детерминированности и вариативности речевых актов, реализуемых в различных типах поликодовых и полимодальных текстов, имеет практическую ценность, поскольку полученные знания оптимизируют коммуникацию между представителями различных культур и способствуют их взаимопониманию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. М.: Гнозис, 2016.
- 2. *Анищенко А. В.* К вопросу о концептуализации эмоций в немецкоязычном комиксе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 9 (801). С. 69–77.
- 3. *Зыкова И. В.* Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М. : Гнозис, 2017.
- 4. *Комарова 3. И.* Коммуникативно-прагматическая парадигма в дисциплинарно-методологическом пространстве современной лингвистики // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 1 (292), С. 66–71.
- 5. *Ларина Т. С.* Директивные речевые акты в немецкоязычных общественных знаках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 9 (801). С. 102–112.
- 6. *Медведева Д. И.* Языковая реализация концепта «запрет» в общественных знаках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2008.
- 7. Пирс Ч. Начала прагматизма. СПб. : Алетейя, 2000.
- 8. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984.

REFERENCES

- 1. Krasnyh, V. V. (2016). Slovar' i grammatika lingvokul'tury = Dictionary and grammar of linguoculture. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
- 2. Anishhenko, A. V. (2018). On the problem of conceptualizing emotions in German comic strips. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9 (801), 69–77. (In Russ.)
- 3. Zykova, I. V. (2017). Metajazyk lingvokul'turologii: konstanty i varianty = Metalanguage of linguoculturology: Constants and variants. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
- 4. Komarova, Z. I. (2013). The communicative and pragmatic paradigm in the disciplinary and methodological space of modern linguistics. Bulletin of Chelyabinsk State University, 1 (292), 66–71. (In Russ.)
- 5. Larina, T. S. (2018). Directive speech acts in German public signs. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9 (801), 102–112. (In Russ.)
- 6. Medvedeva, D. I. (2008). Jazykovaja realizacija koncepta «zapret» v obshhestvennyh znakah = Linguistic implementation of the concept of "prohibition" in public signs: abstract of PhD in Philology. Izhevsk. (In Russ.)
- 7. Pirs, Ch. (2000). Nachala pragmatizma = The beginning of pragmatism. St. Petersburg: Aletejja Publ. (In Russ.)
- 8. Bondarko, A. V. (1984). Funkcional'naja grammatika = Functional grammar. Leningrad: Nauka. (In Russ.)

Информация об авторах

Анищенко А. В. – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Ларина Т. С. – кандидат филологических наук, преподаватель немецкого языка кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (У) Министерства иностранных дел России

Information about the authors

Anishchenko A. V. – PhD (Philology), Head of the Department of Lexicology and Stylistics of German Language, Faculty for German Language, Moscow State Linguistic University

Larina T.S. – PhD (Philology), Lecturer of the German Language Department of Moscow State Institute of International Relations

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021

Научная статья

УДК 811.112.2

DOI 10.52070/2542-2197_2021_11_853_22

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЮДВИГА ТИКА

Ю. В. Башилова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, j.b-wulf@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале новелл «Белокурый Экберт», «Руненберг» и романа «Странствия Франца Штернбальда» Л. Тика рассматриваются параметры и структура художественного пространства, представленные в текстах с помощью лексико-семантических средств. С целью их выявления проводится лексико-семантический анализ фрагментов, выделенных в тексте методом сплошной выборки. Выделяются две формы организации художественного пространства: ограничение и градация.

Ключевые слова: категория пространства, художественное пространство, хронотоп, немецкий романтизм, Людвиг Тик

Для цитирования: Башилова Ю. В. Лексико-семантическая репрезентация художественного пространства в произведениях Людвига Тика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 22–32. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_22

Original article

LANGUAGE OF SPATIAL REPRESENTATION IN THE WORKS BY LUDWIG TIECK

Yu. V. Bashilova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, j.b-wulf@yandex.ru

Abstract. The article considers the structure of artistic space in the fairy tales «Der blonde Eckbert», «Runenberg» and in the novel «Franz Sternbalds Wanderungen» by L. Tieck. The aim of the research is to analyse by what lexical means the category of space is represented in these texts. Semantic analysis performed on the samples created by the continuous sampling method makes sure that artistic space designed in romantic texts is structured in two ways: limitation and gradation.

Key words: category of space, artistic space, chronotopus, German romanticism, Ludwig Tieck

For citation: Bashilova, Yu. V. (2021). Language of spatial representation in the works by Ludwig Tieck. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 22–32. DOI: 10.52070/2542-2197 2021 11 853 22

Введение

Категория пространства представляет интерес для широкого круга специалистов: лингвистов, литературоведов, искусствоведов, философов. С этим связано многообразие существующих определений пространства. Понятие «пространство» широко употребляется в повседневном, обыденном дискурсе. В научной литературе определение пространства варьирует в зависимости от сферы применения. В философии пространство является одной из базовых категорий и обозначает «протяженность материальных объектов, их величину и расположение относительно друг друга» [Пронина, 2011, с. 384]. В этом определении отражено понимание того, что пространство не является пустотой, оно заполнено объектами. Это понимание важно при рассмотрении художественного пространства, так как пространство конституируется объектами, заполняющими его [Топоров, 1980]. В искусствоведении художественное пространство определяется как «геометрически фиксируемая структура взаимоотношений между предметами» [Мочалов, 1983, с. 10].

Художественное пространство литературного произведения конструируется автором часто по образу реального пространства. Как отмечает Д. С. Лихачев: «...внутренний мир художественного произведения... зависит от реальности, "отражает" мир действительности...» [Лихачев, 1979, с. 335]. В новеллах «Белокурый Экберт» («Der blonde Eckbert», 1812), «Руненберг» («Runenberg», 1812) и в романе «Странствия Франца Штернбальда» («Franz Sternbalds Wanderungen», 1843) Л. Тика прототипом художественного пространства является природное пространство Германии, представляющее смешение равнинного и гористого ландшафта, значительная часть которого покрыта лесами. Необходимость и актуальность исследования структуры художественного пространства объясняются его высокой семиотической плотностью и символизмом, что значимо в рамках проводимого нами лингвосемиотического исследования литературы немецкого романтизма.

Художественное пространство и локальная структура

Исследуя категорию пространства в художественном тексте, необходимо обратиться к понятию хронотопа. Впервые данный термин применительно к литературе употребил отечественный филолог М. М. Бахтин, определивший *хронотоо* как «взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин, 1975, с. 234]. Высказывается точка зрения, согласно которой понятия хронотопа и художественного пространства применительно к литературе «близки по своему смыслу, если не тождественны» [Никитина, 2013, с. 80]. Эта позиция основана на том, что художественное пространство «имеет дело не только с пространством... но и со временем» [там же]. В связи с тем, что в центре нашего исследования находится лингвистическая репрезентация категории пространства в произведениях Л. Тика, мы считаем необходимым использовать понятие локальной структуры текста, предложенное Л. А. Ноздриной [Ноздрина, 2001]. Для описания локальной структуры текста используется понятие текстовой сетки, образованной языковыми средствами разных уровней, среди которых наиболее представлены лексические средства. Локальная сетка является языковым воплощением локальной структуры, а значит, категории пространства. Чтобы выявить лексические средства репрезентации художественного пространства, мы выделили в исследуемых текстах фрагменты, релевантные для раскрытия параметров и структуры художественного пространства.

Параметры художественного пространства

Художественное пространство в произведениях Л. Тика имеет определенные параметры и структуру. Среди параметров художественного пространства мы выделяем следующие: высоту, ширину, глубину. Выделение именно этих параметров обусловлено трехмерностью художественного пространства.

Высота и ширина художественного пространства. В приводимом ниже фрагменте описывается часть художественного пространства, визуально воспринимаемого героем в данный момент. В нем выделяются высота и ширина:

...war die Sonne *tiefer gesunken* und *breite* Schatten fielen *durch das enge Tal* (*L. Tieck. Runenberg*)¹.

...солнце закатилось, и широкие тени легли на (узкую – прим. наше. – Ю. Б.) долину» (Л. Тик. Руненберг).

Вертикальную ось образует движение заходящего солнца по небосводу. Процесс захода солнца описывается глаголом sinken (onyc-каться) в соответствующей временной форме в сочетании с наречием tief в сравнительной степени «глубже, ниже», что подчеркивает постепенность процесса, а также указывает направление движения солнца относительно линии горизонта. Антонимическая пара breit – eng (ши-рокий – узкий) создает в тексте оригинала контраст, акцентирующий внимание на горизонтальной структуре художественного пространства. В этой связи мы считаем нужным восстановить прилагательное eng (узкий), опущенное в переводе А. А. Шишкова.

Одновременная акцентуация высоты и ширины художественного пространства не является обязательной. В следующем фрагменте подчеркивается высота:

Die Sonne war indeß hoch gestiegen... (L. Tieck. Franz Sternbalds Wanderungen). Солнце меж тем поднялось высоко... (Л. Тик. Странствия Франца Штернбальда).

Глагол *steigen* (*noдниматься*) обозначает движение по вертикали, направленное снизу вверх. Наречие *hoch* (*высоко*) характеризует точку положения солнца не небосклоне. Таким образом, акцент смещается на вертикальную структуру пространства.

Глубина и перспектива художественного пространства

Третий параметр художественного пространства – глубина – дополняет высоту и ширину, придавая ему необходимый объем, что соответствует представлениям о трехмерности художественного пространства. Переживание глубины пространства связано с построением *перспективы*. Понятие перспективы принято в живописи, но и в литературе художественное

¹ *Tieck L.* Phantasus. Eine Sammlung von Märchen, Erzählungen, Schauspielen und Novellen. Bd. 1, Berlin, 1812. Перевод на русский язык А. А. Шишкова: Тик Л. Немецкая романтическая повесть. Статья и комментарии Н. Берковского. Т. І. Шлегель, Новалис, Вакенродер, Тик. АСАDEMIA, 1935.

пространство не лишено глубины. Перед автором стоит задача передать средствами языка то, что в живописи передается графическими средствами. В романе «Странствия Франца Штернбальда» при описании заката Л. Тик решает эту задачу, изображая игру света и тени вербальными (лексическими) средствами с целью создания перспективы:

...hier hatte er oft in der stillen Einsamkeit des Abends voll Nachdenken gewandelt, indem die Schatten dichter zusammenwuchsen und das Rot der sinkenden Sonne tief unten durch die Baustämme äugelte (Л. Тик. Странствия Франца Штернбальда).

...здесь часто бродил он один в тихие вечерние часы, когда *сгуща- пись тени* и низко стоящее *солнце багряными* трепетными *лучами* пробивалось меж стволов (*L. Tieck. Franz Sternbalds Wanderungen*).

Объекты, наполняющие пространство, дифференцированы по степени удаленности от наблюдателя: близко расположены стволы деревьев, далеко — солнце над линией горизонта. Линия горизонта находится на максимальном отдалении. Солнце опускается за горизонт и освещает местность розовым вечерним светом. Свет, исходящий из глубины пространства, освещает объекты в непосредственной близости от наблюдателя, пробиваясь сквозь стволы деревьев.

Структура художественного пространства Границы

Характерной чертой художественного пространства в новеллах Л. Тика является его антропоцентричность. Структура пространства передается через призму восприятия персонажей. Учитываются особенности субъективного восприятия пространства человеком: площадь пространства, доступного визуальному восприятию в данный момент, ограничена независимо от его реальной площади. В этой связи представляется актуальной такая форма организации художественного пространства как ограничение. Возвращаясь к рассмотренному ранее фрагменту текста, мы видим, что ограничение художественного пространства предусматривает установление верхней и нижней, а также боковых границ. В соответствии с этим в ограничении художественного пространства задействованы такие параметры, как высота и ширина (ср. приведенный выше пример: «...war die Sonne tiefer gesunken und breite Schatten fielen durch das enge Tal»).

Долина как плоская форма ландшафта формирует нижнюю границу пространства. Поскольку данный микроконтекст содержит описание заката, верхней границей пространства является небо. Таким образом, верх и низ воспринимаемого пространства соотносятся как две параллельных плоскости — долина (поверхность земли) и небо. В этом проявляется влияние традиционных моделей мироустройства на романтическое мышление. В данном случае реализуется бинарная оппозиция «верх / низ», соотносимая с делением пространства на небо и землю. Боковые границы условны, приблизительны. Они создаются за счет противопоставления ширины и узости пространства, что было рассмотрено нами в подразделе «Высота и ширина художественного пространства».

В следующем фрагменте художественное пространство структурируется аналогичным образом. Его верхнюю и нижнюю границы образуют небо и равнина:

Die Ebene, das Schloß... der weite Himmel, der sich ringsum so traurig ausdehnte, und keine Höhe, keinen erhabenen Berg umarmte, alles ward mir noch betrübter und verhaßter (L. Tieck. Runenberg).

Pавнина, замок... высокое небо, столь печально кругом простиравшееся, не покрывая ни гор, ни холмов, — все казалось мне унылым и мрачным (\mathcal{I} . Tик. Pуненберr).

Прилагательное weit (дальний, далекий) акцентирует удаленность неба от земли, вертикальную дистанцию между ними. Возвратный глагол sich ausdehnen (простираться) в сочетании с наречием ringsum (вокруг) создает ощущение простора в горизонтальном направлении, словно раздвигая боковые границы пространства.

Тенденция изображения земли и неба как верхней и нижней границ подтверждается в следующем фрагменте:

Im Wald *legte* er sich in *das Gras nieder* und sah über sich in *den weiten Himmel (L. Tieck. Franz Sternbalds Wanderungen).*

В лесу он *прилег на траву* и, глядя в *высокое небо*, мысленно озирал свой жизненный путь... (*Л. Тик. Странствия Франца Штернбальда*).

Актуализация древних представлений о модели мира, включающей небо и землю как верхний и нижний пределы, в организации художественного пространства в произведениях Л. Тика подтверждает влияние архетипических представлений о мироустройстве на романтическое мировоззрение.

Уровни художественного пространства

Выделение уровней в художественном пространстве мы называем *градацией*. Мы различаем статическую и динамическую градацию. За счет включения в пространство статичных объектов различных по высоте, верхние точки которых маркируют уровни пространства, производится *статическая градация*:

Eine kühlende Dämmerung schlich über den Boden weg, und nur noch die Wipfel der Bäume, wie die runden Bergspitzen waren vom Schein des Abends vergoldet (L. Tieck. Runenberg).

...прохладный мрак спустился *на землю*; одни лишь *вершины дерев* и *круглые маковки гор* горели еще *золотом вечернего солнца* (Л. Тик. Руненберг).

Нижний уровень художественного пространства совпадает с его нижней границей — поверхностью земли. Следующий уровень образуют верхушки деревьев, еще выше расположены вершины гор. Верхний уровень пространства совпадает с верхней границей — небом. Несмотря на отсутствие прямой номинации, верхний уровень художественного пространства обозначен имплицитно: фрагмент содержит описание заходящего солнца, которое окрашивает небо в золотистые тона.

Аналогичным образом представлена градация в следующем фрагменте. Нижний и верхний уровни представляют поверхность земли (поля) и небо, промежуточные уровни образуют крыши жилых построек и верхушки деревьев:

Die dunkelgewordenen Bäume, die Schatten die sich auf dem Felde ausstreckten, die rauchenden Dächer eines kleinen Dorfes und die Sterne, die nach und nach am Himmel hervortraten... (L. Tieck. Franz Sternbalds Wanderungen).

Потемневшие *деревья*, тени, упавшие на *поля*, дымок над *крыша-ми* небольшого селения и звезды, одна за другой загоревшиеся на *небе*» (Л. Тик. Странствия Франца Штернбальда).

Динамическая градация имеет место, когда осуществляются перемещения в горизонтальной и вертикальной плоскости. Для выражения динамического аспекта градации используются глаголы, обозначающие перемещение по наклонной плоскости вверх или вниз

в сочетании с названиями форм ландшафта (холм, долина, пригорок) и предлогами с локальной семантикой:

Wir *stiegen* nun *einen Hügel hinan*, der mit Birken bepflanzt war, *von oben* sah man in ein grünes *Thal* voller Birken hinein (*L. Tieck. Der blonde Eckbert*).

Мы взошли на холм, осененный березами; внизу расстилалась долина... (Л. Тик. Белокурый Экберт).

Глагол hinansteigen (восходить, подниматься) отражает движение наверх по холму. Вершина холма представляет собой второй, более высокий уровень пространства, по сравнению с нижним — зеленой долиной, вид на которую открывается сверху, на что указывает сочетание наречия oben (наверху) с предлогом von (c), указывающим на исходный пункт [Рахманова, Цветаева, 2010]. Сочетание статических и динамических элементов позволяет автору наиболее полно представить структуру художественного пространства.

Заключение

Художественное пространство в новеллах «Белокурый Экберт» и «Руненберг», а также в романе «Странствия Франца Штернбальда» Л. Тика имеет схожие характеристики. Во-первых, оно построено по модели реального природного пространства Германии. Представлены различные типы ландшафта: равнины, холмы и горы средней высоты, покрытые лесом. Во-вторых, оно характеризуется антропоцентричностью. Антропоцентричность художественного пространства в произведениях Л. Тика обусловливает целесообразность установления границ (ограничения) и выделения уровней (градации) художественного пространства. Это позволяет отразить видение той или иной части художественного пространства героем, находящимся в каждый момент действия в определенной точке.

Средством языковой объективации художественного пространства в тексте анализируемых произведений является комплекс языковых единиц, принадлежащих к различным частям речи. Их интегративным (объединяющим) признаком является наличие пространственной семантики.

Ограничение художественного пространства производится в горизонтальном и вертикальном направлениях. Ключевая роль в ограничении пространства принадлежит таким параметрам, как

высота и ширина. *Высому* акцентируют следующие языковые единицы: глаголы *steigen* и *sinken*, обозначающие движение в вертикальном направлении; наречия *hoch* и *tief*, выражающие высоту / глубину, т. е. положение относительно некой точки в вертикальной плоскости; прилагательное *weit*, обозначающее удаленность неба от поверхности земли. *Ширину* подчеркивают прилагательные *breit* и *eng*, обозначающие протяженность в горизонтальном направлении, а также возвратный глагол *sich ausdehnen* в значении «занимать значительное пространство в ширину».

Сверху и снизу художественное пространство ограничено двумя *горизонтальными* плоскостями: поверхностью земли и небом. Так, реализуется универсальная бинарная оппозиция «верх / низ», что соответствует древним представлениям об устройстве мира, включающего небо и землю как верхний и нижний пределы. Следует отметить, что установление *вертикальных* границ (боковое ограничение) в произведениях Л. Тика представлено в наименьшей степени. В этой связи мы предполагаем следующее: преобладание вертикальных структур в художественном пространстве анализируемых произведений связано с тем, что в романтической картине мира значительное место отводится противопоставлению равнинного и горного ландшафтов, восходящее к универсальной бинарной оппозиции «свои / чужие». При этом равнинная местность соотносится с родным, известным, знакомым, в то время как горный ландшафт символизирует чужое, неизведанное, манящее и пугающее одновременно.

Градация представляется актуальной и необходимой в связи с представленностью различных форм ландшафта, характеризующегося перепадом высот в художественном пространстве. Нижний уровень пространства совпадает с его нижней границей. Это — поверхность земли: Boden (земля, почва), Feld (поле), Tal (долина). Верхний уровень — это Himmel (небо). Между ними расположены объекты, образующие по возрастающей промежуточные уровни: Вäume (деревья), Dächer (крыши), Hügel (холмы), Bergspitzen (вершины гор).

Преобладание природной среды в художественном пространстве произведений Л. Тика повлияло на тематическую принадлежность значительной части лексических единиц, объективирующих параметры и структуру художественного пространства: представлены номинации объектов живой и неживой природы, в том числе:

- a) почвы, форм ландшафта Boden (земля), Tal (долина), Hügel (холм), Bergspitzen (вершины гор);
 - б) неба и небесных светил Sonne (солнце), Himmel (небо);
 - в) растительных объектов Baum (дерево), Birke (береза).

Установление лингвистических репрезентантов художественного пространства в новеллах Л. Тика является необходимым этапом для дальнейшей разработки Словаря романтизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Пронина Е. Н. Философия: учебник. М.: Моск. гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2011.
- 2. Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира: Энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев и др. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 320–321.
- 3. *Мочалов Л. В.* Пространство мира и пространство картины. М. : Советский художник, 1983.
- 4. *Лихачев Д. С.* Поэтика художественного времени. Поэтика художественного пространства // Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979.
- 5. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики // Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. М.: Художественная литература, 1975.
- 6. *Никитина И. П.* Художественное пространство как категория современной эстетики // Вестник ВГИК. 2013. № 16. С. 66–85.
- 7. *Ноздрина Л. А.* О категориальном статусе некоторых лингвистических явлений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 39–46.
- 8. *Рахманова Н. И., Цветаева Е. Н.* Немецко-русский и русско-немецкий словарь трудностей. Предлоги. М.: Русский язык Медиа: Дрофа, 2010.

REFERENCES

- 1. Pronina, E. N. (2011). Philosophy: student book for bachelors. Moscow: Mosk. gos. un-t pechati im. Ivana Fedorova. (In Russ.)
- 2. Toporov, V. N. (1980). Prostranstvo (Space). In S. Tokarev (Ed.). Mify narodov mira: Entsiklopediya (pp. 320–321). Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.)
- 3. Mochalov, L. V. (1983). Prostranstvo mira i prostranstvo kartiny = World's space and picture space. Moscow: Sovet. khudozhnik. (In Russ.)
- 4. Likhachov, D. S. (1979). Poetika khudozhestvennogo vremeni. Poetika khudozhestvennogo prostranstva. Poetika drevnerusskoi literatury = The poetics of

- artistic time. The poetics of artistic space. The poetics of early Russian literature. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- 5. Bakhtin, M. M. (1975). Voprosy literatury i estetiki // Formy vremeni i khronotopa v romane = Questions of Literature and Aesthetics. Forms of Time and of the Chronotope in the Novel. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
- 6. Nikitina, I. P. (2013). Artistic space as a modern aesthetical category. Vestnik VGIK, 16, 66–85. (In Russ.)
- 7. Nozdrina, L. A. (2001). On the categorial status of some linguistic phenomena. Proceeding of Voronezh State University. Linguistics and Intercultural Communication, 2, 39–46. (In Russ.)
- 8. Rakhmanova, E. I., Tsvetaeva, E. N. (2010). German-Russian and Russian-German dictionary difficulties. Prepositions. Moscow: Russkij jazyk Media: Drofa. 2010. (In Russ.)

Информация об авторе

Башилова Ю. В. – аспирант кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Baschilova Y. V. – Post-graduate Student, Department of Lexicology and Stylistics of the German language, Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021

Научная статья

УДК 811.112.2

DOI 10.52070/2542-2197_2021_11_853_33

КРИЗИСНАЯ ГЕТЕРОТОПИЯ В АЛЬПИЙСКОЙ ПРОЗЕ

А. И. Воронина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, annworonina@gmail.com

Аннотация. Рассказ швейцарского прозаика Майнрада Инглина «Drei Männer im Schneesturm» (1947) представляет собой яркий пример «альпийского текста». Характерным признаком горной прозы является возникновение в один из кульминационных моментов развития сюжета ситуации, обнаруживающей черты кризисной гетеротопии, анализ признаков которой является главной задачей автора статьи. Особое внимание уделено лингвостилистическим средствам, сигнализирующим переход от «нормы» к кризисной гетеротопии.

Ключевые слова: альпийское пространство, альпийский дискурс, горная проза, кризисная гетеротопия, Майнрад Инглин

Для цитирования: Воронина А. И. Кризисная гетеротопия в альпийской прозе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 33–43. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_33

Original article

THE CRISIS HETEROTOPIA IN THE ALPINE PROSA

A. I. Voronina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, annworonina@gmail.com

Abstract. The story «Drei Männer im Schneesturm» (1947) by the Swiss author Meinrad Inglin (1947) is a prime example of the alpine text. Emergence of a situation that reveals features of crisis heterotopia at a culminating moment in the plot development is typical of texts of mountain prose. The article primarily aims at analysis of these features, linguostylistic means that mark transition from «normal» to heterotopia act as the main focus of attention of the work

Key words: alpine space, alpine discourse, mountain prose, crisis heterotopia, Meinrad Inglin

For citation: Voronina, A. I. (2021). The crisis heterotopia in the alpine prosa. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 33–43.

DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_33

...eine so schöne Tour und ein so trauriges Ende...

M. Inglin

Введение

Тексты горной прозы (романы, повести, новеллы и рассказы), «число которых также велико, как и количество любителей горных походов»¹ [Ebel, 2013], были и остаются популярными жанрами швейцарской литературы. Их сюжеты разворачиваются в альпийском горном пространстве, которое, как правило, документируется авторами до мельчайших подробностей за счет наполнения пространства деталями рельефа, представителями флоры и фауны, погодными явлениями, деталями альпинистского снаряжения и т.д. Такие описания создают у читателя ощущение достоверности. «В современной швейцарской литературе Альпы предстают не только как живописная кулиса, на фоне которой разворачивается действие, хотя и эта декоративная функция пространства успешно освоена. Альпы – это топологический, геологический, а также этический и идеологический водораздел по признакам верх / низ; мы / они; сила / слабость; дикая природа / окультуренное городское пространство и т. д.» [Любимова, 2020, с. 207]. В рассматриваемом жанре горное пространство предопределяет развитие сюжета, позволяет заглянуть во внутренний мир героев, помогает передать их эмоции и ментальные состояния.

Мы исходим из того, что в определенных обстоятельствах альпийское пространство художественного текста может трансформироваться, приобрести черты *кризисной* гетеротопии, которая имеет границы и наделена особыми функциями. Категориальные качества кризисных гетеротопий объективируются разного рода лингвистическими маркерами.

В настоящей статье проводится анализ признаков *кризисной* гетеротопии, возникающей по ходу развития сюжета рассказа немецкоязычного швейцарского прозаика Майнрада Инглина (1893–1971) «Drei Männer im Schneesturm» («Трое в метель»).

 $^{^{1}}$ Зд. и далее перевод наш. – $A.\ B.$

Признаки кризисной гетеротопии в тексте

В основу сюжета рассказа М. Инглина, написанного в 1947 году, положена история троих опытных альпинистов – *tüchtige Bergsteiger*¹, которые одним сентябрьским днем отправились в «длительный пеший поход по отдаленной дикой горной местности» – «nur eine Wanderung, wenn auch eine langwierige durch ein abgelegenes, großartig wildes Gebiet» (*Inglin, M. Drei Männer im Schneesturm, с. 40*). Никто из героев или их близких не мог предположить, что путешествие закончится гибелью одного из молодых людей, хотя всем известно, что в горах часто случаются трагедии. На это обращает внимание и рассказчик в начале повествования:

Ein Unglück in den Bergen war kein seltenes Ereignis, fast jeden Sommer einmal brach die Rettungskolonne auf, um Verletzte oder tödlich Abgestürzte zu bergen ...» (Inglin, M. Drei Männer im Schneesturm, c. 38).

Как выясняется, одной из причин неблагоприятного смертельного исхода послужил тот факт, что молодые люди не взяли с собой надежного альпинистского снаряжения и пренебрегли предметами необходимой экипировки, например, перчатками или специальными очками. Другим роковым фактором стали погодные условия, а именно непредсказуемость погоды в горах. По ходу развития сюжета на высоте более двух тысяч метров герои попадают в снежную ловушку, которую мы и предлагаем рассмотреть как кризисную гетеротопию.

Мишель Фуко – автор термина «гетеротопия» – полагал, что под гетеротопиями следует понимать «места, находящиеся за пределами остальных мест» [Фуко, 2006, с. 196]. Гетеротопии являются реально существующими пространствами, которые, в отличие от утопий, конкретно локализованы. Из этого следует, что гетеротопия является особым воплощением пространства. Гетеротопии не универсальны и могут принимать различные формы в зависимости от конкретной культуры. В работе «Другие пространства» Фуко рассмотрел как наиболее очевидные примеры такие гетеротопии, как корабль, кладбище, сад, ярмарка, психиатрическая клиника и т.д. Там же он выделил шесть принципов, позволяющих определить степень гетеротопичности [Карпенко, 2016].

¹Зд. и далее рассказ цитируется по изданию: Inglin, M. Drei Männer im Schneesturm. In: Über alle Berge. Geschichten vom Wandern. Zürich: Unionsverlag, 2019. S. 38–78.

Описываемый в рассказе синоптический феномен снежной бури (Schneesturm) сигнализирует о переходе реального пространства в гетеропическое, что соответствует первому принципу определения гетеротопии, который Фуко связывает с *кризисными*, или девиационными, характеристиками. «Кризисная гетеротопия предполагает особый, выделенный характер места, пребывающий в котором сам [человек. – A. B.] находится в особом состоянии перехода из одного статуса в другой» [Ананьина, 2010, с. 22]. Например, это может быть человек, который готовится покорить горную вершину и знающий о трудностях, связанных с восхождением, или, в нашем случае, человек, попавший в снежную ловушку и пытающийся выбраться из нее. Девиантность же выражается в образе действий, отличном от поведения в обычной в жизни.

Согласно второму принципу, функционирование гетеротопий зависит от истории развития социальных и этических норм внутри культурного сообщества, хотя в некоторых случаях функции могут изменяться. В рассказе Инглина деревня как «нормальное» пространство и обусловленная метелью снежная ловушка как кризисная гетеротопия противопоставлены друг другу: деревня в долине является оплотом спокойствия и умиротворения, именно туда должны добраться герои, чтобы оказаться в безопасности.

Большое внимание в рассказе уделено эмоциональному состоянию рассказчика, ведь именно ему предстоит решить судьбу раненых и обессиленных товарищей. Кристофер (рассказчик от первого лица) осознает, что тот, кто останется ждать помощи, скорее всего, погибнет. Он наивно полагает, что сравнение личностных характеристик спутников поможет ему сделать правильный выбор:

(1) Karl... war vielleicht *etwas intelligenter* als Otto, dabei sehr *bescheiden*, wenigstens mir gegenüber...

Otto war etwas kleiner und fester, dabei vitaler, warmherziger (М. Инглин, с. 55).

Карл... был, наверное, немного умнее Отто и при этом очень скромным, по крайней мере, по отношению ко мне...

Отто был пониже ростом и покрепче, но более живым и добрым.

Определив характер своих спутников, рассказчик затрудняется принять решение, кого из них оставить ожидать помощи. Он находится в состоянии экзистенциального выбора, и это усугубляет кризисность ситуации:

(2) Kann man entscheiden, welcher von zwei *ungefähr gleichartigen Menschen*, die man schon in allen möglichen Lagen genau kennengelernt hat, *der bessere*, *wertvolle ist*? (М. Инглин, с. 56).

Возможно ли выбрать, кто из двух практически одинаковых людей, которых ты успел узнать во всех мыслимых ситуациях, лучше, пеннее?

(3) Von diesem Augenblick an wurde unser bisher so offenes Verhältnis zueinander peinlich gespannt. Wir wussten alle, dass der *Unglückliche*, der *dabeibleiben musste*, *verloren war*, wenn *kein Wunder* geschah, weil es *fast unmöglich schien*, die Hütte zu finden, und weil der Zurückgebliebene selbst dass, wenn ich sie nach *unvermeidlichen*, *zeitraubenden Irrgängen* gefunden hätte, bis zu meiner Rückkehr es *nicht aushalten würde. Welcher von beiden aber sollte nun dabeibleiben*? (там же, с. 53)

С того момента наши отношения, прежде такие открытые, стали мучительно натянутыми. Мы все осознавали, что несчастный, вынужденный остаться здесь, обречен, если не случится чудо, поскольку казалось почти невозможным найти горную хижину, и оставшийся, даже если бы я отыскал ее после неизбежных длительных скитаний, вряд ли дотянет до моего возвращения. Так кому же из них двоих придется остаться?

Длительные размышления не помогли рассказчику сделать выбор, поэтому он решает довериться воле слепого случая — die blinde Zufallswahl (там же, с. 66): судьбу героев должен решить жребий. Рассказчик признает, что это было самое страшное решение в его жизни — ...die furchtbarste Entscheidung, die ich jemals zu treffen hatte (там же, с. 54).

Третий и четвертый принципы связаны со свойством гетеротопий соединять в одном месте несколько пространств или местоположений, которые сами по себе несовместимы. Кроме того, гетеротопии могут накапливать время, они открыты в сторону гетерохронии, смены восприятия хода времени, которая происходит в момент пересечения героями границ гетеротопии. В анализируемом рассказе время линейно, герои понимают, сколько времени затрачено на то или иное действие, но само время для них течет иначе, в какие-то моменты ускоряя или замедляя свой ход:

(4) Ich war zwölf Stunden durch eine weglose Gegend gewandert, davon fünf Stunden im Schneesturm, ich hatte gefroren wie ein nasser Hund, ich war abgestürzt, hatte mich mit schmerzender Hüfte, ich weiß nicht wie lang, um zwei Männer bemüht und mit geschwollenen Händen Schnee, Dreck und Steine zusammengescharrt, ich hatte einen Mann zwei, drei Stunden weit geführt, gestützt, auf dem Rücken getragen... (Μ. Инглин, с. 71–72).

Двенадцать часов я петлял по непроходимой местности, пять из них сражаясь со снежной бурей, я промерз, как мокрый пес, сорвался с обрыва, с болью в бедре, я бог знает сколько времени ухаживал за двумя мужчинами и опухшими руками сгребал снег, грязь и камни, два, три часа я вел, тащил, нес на спине человека...

Анализируемый рассказ подтверждает идею о том, что гетеротопии «являются реально существующими пространствами, "иными" их делает особое духовное (а иногда и физическое) состояние человека в них» [Карпенко, 2016, с. 148]. Герой рассказа Инглина как раз находится в ситуации той самой *кризисной* гетеротопии и, принимая условия выпавшего жребия, он вынужден преодолеть хотя бы одну из многочисленных границ, которые пронизывают фикциональное пространство текста. Поэтому границу можно считать одним из важнейших признаков гетеротопии. Это соответствует пятому принципу, подразумевающему определенную систему открытости и замкнутости, которая изолирует гетеротопии от остального пространства и одновременно делает их проницаемыми.

Один из героев перед лицом смерти сначала жаловался (klagen) на горькую судьбу, а затем предпринял попытку подкупа отправляющегося в деревню рассказчика, чтобы тот взял с собой именно его (М. Инглин, с. 58). При этом сам рассказчик в большей степени невольно симпатизировал другому спутнику и даже был готов попытаться «обмануть жребий». Подобное поведение героев в рамках кризисной гетеротопии определяется тем, что гетеротопия изолирована за счет ограничения свободного доступа по сравнению с «нормальными» публичными местами, а следовательно, влечет за собой изменения в поведении и даже мышлении [Фуко, 2006].

Согласно шестому принципу Фуко, гетеротопия выполняет специальную функцию по отношению к остальному пространству, находящемуся за ее пределами. Она выполняет функцию изоляции,

это значит, что, чтобы вернуться в «нормальный» мир, нужно снова преодолеть одну из границ. Пребывание в условиях гетеротопии меняет человека, подчининяя его необходимости вести себя определенным образом, общаться на особом языке, т.е. использовать особые языковые средства, как то: эмоционально маркированную лексику, инвертированные синтаксические конструкции, речевые модели, стилистически окрашенные формулировки и т. д.

Лексико-стилистические средства конструирования кризисной гетеротопии

Кризисная гетеротопия сконструирована в рассказе Инглина «Drei Männer im Schneesturm», в первую очередь, с помощью лексических единиц с пространственным значением:

(5) Nach einem dreistündigen *Anstieg* über Alphänge und alte Schneefelder erreichten wir den Grat, auf den wir es vor allem abgesehen hatten, einen mannigfaltigen, bald breiten, bald schmalen Rücken, der auf einer mittleren Höhe von zweitausendfünfhundert Metern sich weit gegen Osten hinstreckt (*M. Инглин*, *c.* 40).

После трехчасового подъема по альпийским склонам и прошлогодним снежным полям мы достигли разноуровневого, то широкого, то узкого, гребня, на который мы с самого начала нацелились, который тянется далеко на восток на средней высоте двух тысяч пятисот метров.

Данный контекст (5) содержит наряду с другими сигналами пространства (Alphänge, Schneefelder, der Grat, der Rücken, mittlere Höhe von zweitausendfünfhundert Metern, gegen Osten, sich hinstrecken) лексему der Anstieg (подъем, восхождение, повышение), которая, хотя и обозначает действие, также является имплицитным маркером пространства, поскольку задает вектор движения, а именно снизу вверх.

Рассмотрим прочие средства, обеспечивающие ощущение кризисной ситуации:

- (а) лексические средства описания снежной бури:
 - körniger Schnee (зернистый снег, фирн)
 - waagrecht geschleuderter Schnee (снег, бьющий в лицо)
 - *atemraubender eisiger Schneesturm* (перехватывающая дыхание ледяная метель)

- der Schneesturm *fegte* mit *unverminderter Wucht* (снежная пурга мела с неослабевающей мощью)
- ...der Wind sei zum Sturm angewachsen, <...>, er sei zum Orkan geworden (ветер усилился до бури, стал ураганом);
- (б) яркие окказиональные сравнения, используемые при динамическом описании ландшафта:
 - (6) Der ziemlich zerrissene Kamm war überall von Schneewehen bedeckt wie von Wellen, die sich schäumend überschlagen (М. Инглин, с. 47). Довольно рваный гребень был повсюду покрыт снежными сугробами, словно накатывающими друг на друга пенящимися волнами.
- (c) лексические единицы, обозначающие психическое, морально-этическое и физическое состояния героев: от радости в начале похода до полного отчаяния в конце:
 - (7) Wir begannen zu beraten, *gleichmütig*, wie es erprobten Bergsteigern ansteht, obwohl uns alles andere als Gleichmut erfüllte (*там же, с. 41*). Мы начали советоваться, невозмутимо, как подобает опытным альпинистам, хотя чувства, которые нас переполняли, можно было назвать как угодно, но не невозмутимостью.
 - (8) Otto blickte mich mit *ungläubig erschrockenen Augen* an, als ob er dies nicht fassen könnte, dann sank er auf eine *ganz besondere*, *verzweifelte Art*, so wie man sich verloren gibt, langsam zurück und legte die Stirn auf den gekrümmten Arm. Ähnlich benahm sich Karl (там же, с. 50).

Отто смотрел на меня невероятно широко раскрытыми глазами, как будто никак не мог этого осознать, а затем откинулся назад тем особенным, отчаянным движением, которое говорит, что человек сдался, и опустил голову на согнутую руку. Похожим образом повел себя и Карл.

Особое внимание следует обратить на следующий контекст (9), в котором сконцентрированы многочисленные лингвостилистические средства, семантически обеспечивающие впечатление усиления кризисной ситуации и нарастающей безысходности:

(9) Man muss sich dies alles zugleich vor Augen halten, um die Verzweiflung meiner Kameraden zu verstehen. Auf einer Höhe von zweitausendvierhundert Metern, hoch über allen menschlichen Wohnungen, ohne Pfad,

ohne Sicht, wie erblindet und halb erschöpft mit einem Beinbruch im eisigen Schneesturm, drei Stunden vor dem Zunachten – wer da noch Hoffnung hätte, dürfte kein erfahrener Bergsteiger sein (М. Инглин, с. 51).

Нужно представить себе всё это одновременно, чтобы понять отчаяние моих друзей. На высоте в две тысячи четыреста метров, надо всеми людскими поселениями, без тропы, при полном отсутствии видимости, словно ослепшие и наполовину выбившиеся из сил из-за сломанной ноги и ледяной метели, за три часа до сумерек — тот, у кого при этом осталась бы хоть какая-то надежда, вряд ли мог быть опытным альпинистом.

К таким средствам, с нашей точки зрения, можно отнести:

- эпитет (im eisigen Schneesturm);
- конкретные данные о высоте, на которой находятся путешественники (auf einer Höhe von zweitausendvierhundert Metern; hoch über allen menschlichen Wohnungen);
- характеристика состояния человека через сравнение (wie erblindet);
- перечисление, усиленное лексическим отрицанием (*ohne Pfad*, *ohne Sicht*);
- лексические единицы, обозначающие внутреннее эмоциональное и физическое состояние героев (*Verzweiflung*, *erschöpft*, *Beinbruch*);
- конструкции, указывающие на временные рамки и ограничения (drei Stunden vor dem Zunachten);
- обобщение в глагольной форме Konjunktiv II как сигнал понимания рассказчиком полной безнадежности ситуации, насыщенной соответствующими признаками (wer da noch Hoffnung hätte, dürfte kein erfahrener Bergsteiger sein).

Хотя все перечисленные лингвостилистические средства концентрируются в конкретном тексте одного автора, можно с большой долей уверенности предположить, что подобные средства, конструирующие *кризисную* гетеротопию, будут иметь рекуррентный характер для целого корпуса альпийских текстов.

Заключение

Таким образом, проанализировав рассказ Майнрада Инглина «Drei Männer im Schneesturm», мы показали, как при определенных

условиях в тексте горной прозы может возникнуть ситуация с признаками состояния кризисной гетеротопии, какие лингвостилистические средства используются в подобном случае автором и как они могут интерпретироваться читателем. Дело в том, что «нормальное» литературное пространство трансформируется за счет использования подобных лингвостилистических средств в такое пространство, внутри которого межличностные отношения героев развиваются по своим правилам. Подробные описания горного ландшафта, а также экстремальных погодных условий создали фон для развития событий, которые с неизбежностью отразились на эмоциональном состоянии, а в дальнейшем и на судьбе героев. Альпы превратились в пространство, в котором возникла кризисная ситуация, соответствующая всем выделенным Фуко принципам. В этих условиях особенностью гетеротопии стало не столько повторение характеристик реально существующего пространства, сколько вступление с ним в противоречие. При этом оба пространства взаимозависимы и не могут существовать друг без друга.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. *Ebel M.* Rauf kommen sie immer // Welt online. 2013, August 31. URL: https://www.welt.de/print/die_welt/literatur/article119569444/Rauf-kommensie-immer.html
- 2. *Любимова Н. В.* Построение и деконструкция альпийского пространства в романе Арно Камениша «Сец Нер» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 2 (831). С. 206–217.
- 3. *Фуко М.* Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: пер. с фр. С. Ч. Офертаса; под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. С. 191–204.
- 4. *Карпенко Е. И.* Роль культурных символов в конструировании гетеротопий (Левиафан в «Галицийском тексте» Йозефа Рота) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. Вып. 5 (744). С. 139–149.
- 5. *Ананьина О. А.* Гетеротопии морского романа // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. Вып. 4. С. 21–31.

REFERENCES

- Ebel, M. (2013). Rauf kommen sie immer. Welt online, August 31. https:// www.welt.de/print/die_welt/literatur/article119569444/Rauf-kommen-sieimmer.html
- 2. Lyubimova, N. V. (2020). Construction and deconstruction of the alpine space in the novel "Sez Ner" by Arno Camenish. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2 (831), 206–217 (In Russ.)]
- 3. Foucault, M. (2006). Drugie prostranstva (of other spaces). In: Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu (pp. 191–204). Moscow: Praxis. (In Russ.)
- 4. Karpenko, E. I. (2016). The role of cultural symbols in constructing heterotopias = Leviathan in Joseph Roth's "Galizien Text". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5 (744), 139–149. (In Russ.)
- 5. Ananyina, O. A. (2010). Heterotopia of the nautical novel. Proceedings of Southern Federal University. Philology, 4, 21–31. (In Russ.)

Информация об авторе

Воронина А. И. – аспирант, преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка ФНЯ Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Voronina A. I. – Postgraduate Student, Department of Lexicology and Stylistics of German, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

Научная статья

УДК 811.112.2

DOI 10.52070/2542-2197_2021_11_853_44

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА UMGANG IN DER FAMILIE / ОБЩЕНИЕ В СЕМЬЕ В НЕМЕЦКИХ РОМАНАХ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Е. П. Привалова¹, Г. Б. Воронина²

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия ¹privalova.ep@yandex.ru ²qalinavoronina@yahoo.com

Аннотация. Предметом настоящей статьи является языковая реализация концепта UMGANG IN DER FAMILIE / ОБЩЕНИЕ В СЕМЬЕ в немецких романах для подростков, написанных в конце XX – начале XXI века. Данный концепт является компонентом структуры макроконцепта FAMILIE, его анализ в существенной степени способствует изучению содержания макроконцепта FAMILIE. На основании языковой репрезентации концепта UMGANG IN DER FAMILIE в современных романах для подростков исследуются содержание и особенности общения в современной немецкой семье.

Ключевые слова: роман для подростков, концепт, макроконцепт, языковая картина мира

Для цитирования: Привалова Е. П., Воронина Г. Б. Реализация концепта UMGANG IN DER FAMILIE / ОБЩЕНИЕ В СЕМЬЕ в немецких романах для подростков конца XX – начала XXI вв. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 44–58. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_44

Original article

IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT UMGANG IN DER FAMILIE / COMMUNICATION IN THE FAMILY IN NOVELS FOR TEENAGERS OF THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES

E. P. Privalova¹, G. B. Voronina²

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia ¹privalova.ep@yandex.ru ²qalinavoronina@yahoo.com

Abstract. The subject of this article is the linguistic implementation of the concept of UMGANG IN DER FAMILIE in novels for teenagers written in the late twentieth and early twenty-first centuries. This concept is a component of the macroconcept FAMILIE, its analysis significantly contributes to the study of the content of the macroconcept FAMILIE. Based on the linguistic representation of the concept UMGANG IN DER FAMILIE in modern novels for teenagers, a conclusion is made about the content and features of communication in the modern German family.

Key words: novel for teenagers, concept, macroconcept, linguistic view of the world

For citation: Privalova, E. P., Voronina, G. B. (2001). Implementation of the concept umgang in der familie / communication in the family in novels for teenagers of the late XX – early XXI centuries. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 44–58. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_44

Введение

В настоящей статье представлены результаты исследования концепта UMGANG IN DER FAMILIE / ОБЩЕНИЕ В СЕМЬЕ как фрагмента немецкой языковой картины мира на материале романов, написанных в реалистическом модусе в конце XX — начале XXI века и адресованных подросткам. Привлечение художественной литературы, особенно литературы для детей и юношества к изучению национальных концептосфер, позволяет более точно описать социально значимые концепты той или иной культуры. В статье используются принятые в концептологии термины «концептосфера», «макроконцепт», «концепт».

Макроконцепт FAMILIE относится к ключевым понятиям культуры. Языковые единицы, эксплицирующие данный концепт, передают важнейшие смыслы, актуальные для общества как на современном этапе, так и в историческом плане. Для подростков семья выступает в роли важнейшего агента социализации, несмотря на то, что его влияние, по сравнению с другими агентами и институтами, в современной жизни может сокращаться. Макроконцепт FAMILIE является одним из макроконцептов, конституирующих концептосферу социализации как один из ее важнейших институтов, и, следуя классификации Г. Г. Слышкина, относится к «рефлектируемым», т. е. осознаваемым обществом [Слышкин, 2000]. Исследованию концепта FAMILIE в немецкой картине мира посвящены статьи и диссертационные работы, например, Г. А. Гуняшовой на материале нормативного и публицистического дискурсов. Автор считает, что социальный характер концепта FAMILIE конституируется «коллективной сущностью

семьи, проявляющейся в совместном проживании, совместной деятельности и в системе межличностных отношений членов семейной группы, а также ролью и функциями семьи в обществе» [Гуняшова, 2013, с. 156]. В качестве основных субконцептов, образующих структуру концепта FAMILIE, Г. А. Гуняшова выделяет FAMILIE / Gemeinschaftsform и FAMILIE / Zusammenleben. Исследователь делает вывод о том, что «в целом семья в немецком языковом сознании сохраняет свой традиционный статус как место, где есть родные люди, спаянность, защищенность, дом, любовь, ответственность, доверие и помощь» [там же, 2013, с. 161].

В настоящей статье исследуются те слои концепта UMGANG IN DER FAMILIE, которые отражены в немецких романах для подростков, с целью определения смыслов, наиболее актуальных в современном немецком обществе, а также свидетельствующих об изменениях, происходящих в семье на современном этапе. Материалом для анализа послужили семь немецких романов для подростков конца XX — начала XXI века.

Становление модели современной немецкой семьи

Для понимания общения в современной немецкой семье далее приводится историческая справка на основе проведенного анализа критической литературы по этому вопросу.

Перемены в установке по отношению к детям стали следствием формирования нового типа семьи. Новый тип семьи — малая семья — ведет свое начало от эпохи Просвещения, когда она пришла на смену традиционной большой семье. Новая структура семьи формировалась на протяжении XVIII века, а в XIX веке стала доминантной формой семейных отношений в европейских обществах. Такой тип семьи сохранился и до нашего времени и состоит из родителей и детей. В современных толковых словарях понятие «Familie» как имя концепта FAMILIE определяется следующим образом:

Familie, die; -, -n: a) Gemeinschaft von Eltern und Kindern; b) Gruppe aller verwandtschaftlich zusammengehörenden Personen [Duden, 2002].

Familie, die; -, -n; 1. die Eltern u. ihr Kind od. ihre Kinder; 2. alle miteinander verwandten Personen, auch diejenigen aus früheren Generationen, die schon tot sind; 3. Biol. e-e Kategorie im System der Lebewesen [Большой толковый словарь немецкого языка, 1998].

Большая семья – это объединение на основе распределения труда. В такую семью включались не только родители и дети, но и все участники работы по дому: слуги, ученики и подмастерья ремесленников. Малая семья не является производственным объединением, ее существование обеспечивается благодаря трудовой деятельности вне семьи. При этом в XVIII-XIX веках (эта особенность сохраняется и в XX веке) профессиональная деятельность вне семьи является приоритетом мужчины, а вся семья зависима от него. Это обстоятельство приводит к формированию особых ролей и отношений в семье, в частности, к зависимости женщины от мужчины, и накладывает отпечаток на особенности внутрисемейного общения. Изменение структуры семьи приводит к изменению отношений между членами семьи. Вследствие разделения семьи и профессии семья становится частным пространством, а отношения между ее членами приобретают более личный и эмоциональный характер. Важнейшим изменением является изолирование детей от трудового мира, в который они рано входили в рамках большой семьи. Эти социальные процессы находят свое отражение в литературе, которая приобретает функцию, ранее не присущую ей: литература становится важным средством знакомления детей с той областью, которая недоступна им непосредственно. Новая модель сосуществования в рамках семьи, основанная на добродетели, симпатии, нежности и сострадании, находит отражение в литературе, приобретает также значимую роль в литературе для детей. Юные читатели видят в таких произведениях модель семейных отношений [Geschichte der deutschen Kinder- und Judendliteratur, 1990]. Так же, как главный герой произведения, ребенок служит юному читателю образцом для подражания и сравнения, сама семья описывается как идеальная модель, как место свершения добродетельных поступков. В произведениях того времени члены семьи живут в обстановке взаимной любви, симпатии, солидарности и взаимопомощи, испытывают восторженные чувства при встрече после разлуки - мотив разлуки и встречи подчеркивает ценность семьи, воспевается единство семьи. Важную роль в повествовании играет группа братьев и сестер или просто группа детей. Отношения братьев и сестер представляют собой образец социального взаимодействия: в них присутствуют и корректировка ошибочного поведения друг друга, и отношения конкуренции в связи с учебой. Счастье каждого члена семьи зависит от его

социального поведения, в семье дети получают первый опыт в этой сфере и усваивают законы взаимоотношений. Центральная воспитательная роль отводится отцу. Отец ведет беседы с детьми и берет на себя роль мудрого взрослого, направляющего детей. «Отец» является почетным званием. Воспитатели и учителя иногда удостаиваются такого обращения к себе.

Отец передает детям знания, информацию и знакомит их с миром вне семьи. Он формирует мышление и поведение детей. Отец подбирает книги для чтения так, чтобы литература могла заменить отца во время его отсутствия, является образцом для подражания, дети идентифицируют себя с фигурой отца. Отец хвалит, порицает или наказывает. Фигура отца олицетворяет власть и авторитет [Geschichte der deutschen Kinder ... 1990].

Матери играют лишь незначительную роль, в центре литературного повествования находится конфигурация «Отец — Дети». В большинстве случаев матери появляются молча или заняты сугубо женскими делами. Они играют значимую роль только в беседах с маленькими детьми. Матери отстраняются от воспитания подросших детей, так как существует общее мнение об их склонности баловать детей из большой любви к ним. Любовь и нежность матери ставят под угрозу воспитание в детях подобающего разумного отношения к окружающему миру.

К концу XX века фигура отца утрачивает свой первостепенный авторитет. Литература исследуемого нами периода отображает новую модель семейных отношений. Состав семьи действительно представлен родителями и детьми. Однако почти в половине проанализированных произведений родители главных героев разведены, в каких-то случаях отца нет в живых, и семья представлена конфигурацией «Мать – Дети». Отец изображается слабым – в силу порока (алкогольная зависимость), в связи с тяжелой семейной ситуацией (болезнь матери) или из-за подавления другими членами семьи (тещей). Роль мудрого направляющего, разъясняющего и поддерживающего члена семьи отводится матери.

С момента возникновения в XVIII веке литературе для девочек ("Mädchenliteratur" [Geschichte der deutschen Kinder ... 1990]) была присуща педагогическая задача: подготовить читательниц к будущей роли женщины и матери. В связи с этим на протяжении всего своего

существования литература для девочек рассматривалась прежде всего не с эстетической, а с практической точки зрения. На рубеже XIX и XX веков литература для подростков, прежде всего литература для девочек, все еще находилась под сильным влиянием так называемой нравоучительной литературы (moralische Literatur), которая строго определяла социальные сферы деятельности женщины и предписывала общественное предназначение женщины, особый круг обязанностей. Такое направление в литературе, как «Жизнеописания и Биографии» ("Lebensgeschichten und Lebensbilder") [Geschichte der deutschen Kinder ... 1990] противопоставляло себя романам, создающим, по мнению их авторов, в сознании девочки призрачные ожидания, и представляло трудовую профессиональную деятельность женщины в качестве альтернативы образу жизни женщины в роли матери и домохозяйки.

На рубеже XIX и XX веков всё большее общественное внимание привлекает противоречие между заявленным идеалом женщины и реальной жизнью женщины. Именно тогда авторы, – а ими на рубеже веков все больше и больше становятся женщины, - разрабатывают новый образ: женщины, обретающей некоторую самостоятельность, в профессиональной или иной сфере, в своих жизненных устремлениях, выходящих за рамки материнства и домашнего хозяйства. Такие позиции разрабатывались и укреплялись на протяжении XX века, однако вопрос распределения ролей в семье и борьбы женщины за право на получение образования и высококвалифицированную профессиональную деятельность оставался актуальным и в конце XX века. Примером художественного произведения, в центре которого находятся вышеназванные проблемы, является роман D. Chidolue «Aber ich werde alles anders machen», написанный в 1981 году. Автор рассматривает традиционные женские роли и профессиональную деятельность женщины и находит решение конфликта, отличное от общественной практики. Под сомнение ставится жизнь женщины, диктуемая классическим определением женщины как супруги, домохозяйки и матери, а также такие характеристики женского характера, как пассивность и самопожертвование. В романе мать описывается в традиционной роли домохозяйки, целыми днями занятой тяжелым трудом дома и в саду. Среди героев всех возрастов (кроме главной героини, критикующей такую позицию) господствует представление

о традиционной роли женщины, а также о том, что всех девочек, независимо от образования и карьеры, через несколько лет ждет жизнь, подчиненная цели поддержания быта и обслуживания других членов семьи. Этот роман представляет собой пример уже нового течения в подростковой литературе, характеризующегося критикой традиционного образа женщины. В ситуации выбора профессионального будущего главная героиня пытается найти свой путь, а затем отстаивает перед своей семьей и окружающими право выбора — право на получение высшего образования.

В произведениях конца XX века — начала XXI века описывается не только возможность для женщины совмещать ведение домашнего хозяйства с работой, но и практически полный отказ женщины от ведения домашних дел. Так, мать в романе «Кигz vor morgen» (*I. Krauß. Kurz vor morgen*) целыми днями погружена в работу и решение личных проблем, при этом, например, не занимается приготовлением пищи. В романе «Mit Jakob wurde alles anders» (*K. Boie. Mit Jakob wurde alles anders*) происходит полное перераспределение ролей в семье, когда отец остается в отпуске по уходу за новорожденным ребенком, а мать выходит на работу на полный рабочий день.

Таким образом, в течение длительного времени семья оставалась единственным институтом социализации — в первую очередь для девочек. В конце XIX века такая исключительность семьи как института социализации ставится под сомнение, и выясняется слабость семьи в этой роли. Немецкие романы для подростков конца XX века свидетельствуют о том, что семья является важнейшим, но не единственным институтом социализации. При этом ограничение кругом семьи не может удовлетворить потребностей самого подростка, он ищет выход в другую среду — школу, компанию друзей. Необходимо отметить высокую ценность и организованность общения внутри семьи. Сохраняется ли значимость этих факторов в настоящее время, будет показано в следующем разделе.

UMGANG IN DER FAMILIE / ОБЩЕНИЕ В СЕМЬЕ как ядерный компонент в структуре макроконцепта FAMILIE

В качестве имени концепта UMGANG IN DER FAMILIE мы выбираем лексему *Umgang*. Обоснованность такого выбора и адекватность подбора немецкой лексемы в качестве имени указанного концепта подтверждается определением из толкового словаря Duden:

Umgang, m; nur Sg. 1a. gesellschaftlicher Verkehr [mit jemandem]; Beziehung, persönliche Verbindung; 1b. das Umgehen (mit jemandem, etwas) [Duden, 2002].

Интерпретационный и контекстуально-семантический анализ текстов немецких романов для подростков позволил выделить шесть концептуальных компонентов в структуре концепта UMGANG IN DER FAMILIE:

- 1. Kommunikationsformen / Формы общения
- 2. Kindheitserinnerungen / Воспоминания о детстве
- 3. Gemeinsame Zeit / Совместный досуг
- 4. Harmonischer Umgang in der Familie / Гармоничная атмосфера в семье
- 5. Streit in der Familie / Разлад в отношениях
- 6. Mangelnde Kommunikation / Недостаток общения

1. Kommunikationsformen / Формы общения

В семьях, изображаемых авторами в романах для подростков, общение может принимать различные формы. На основе интерпретационного и контекстуально-семантического анализа текстов были установлены три группы форм общения внутри семьи:

1.1. Дружелюбное общение, основанное на взаимном уважении

Ключевыми языковыми средствами выражения этого смысла являются существительные и глаголы с семантикой Gespräch (беседа): das Gespräch führt j-n zu etw.; viel zu erzählen haben; j-m etw. stolz und ausführlich erzählen; sofort ins Erzählen kommen; es drängt j-n viel zum Erzählen; j-s Kommentar.

Другие словосочетания передают атмосферу дружелюбного общения: j-m (beim Erzählen) Vortritt leisten; j-m bleibt Zeit genug (zu sprechen); j-m zustimmen (beim Gespräch); j-n beeindrucken (beim Gespräch); j-n aufmerksam anschauen; etw. von j-m nicht kennen; sich in seiner Begeisterung nicht dämpfen lassen; sich in den Garten setzen; j-m ein Glas italienischen Rotwein anbieten; etw. j-s gute Laune zuschreiben.

В качестве примера приводим семью Свеньи из романа "Dich habe ich in die Mitte der Welt gestellt" (A. Hensgen. Dich habe ich in die Mitte der Welt gestellt), где существует культура общения, предметом

разговоров часто становится работа родителей, связанная с искусством, обсуждаются проекты в области искусства и философии. В общении описываемой семьи образы из искусства переносятся на повседневную жизнь: так, проект молодой художницы, предложившей жителям деревни принести что-то грязное, от чего они хотели бы очиститься, и воспринявшим это предложение буквально, используется как метафора очищения совести и мыслей.

1.2. Общение, вызывающее раздражение подростка.

Основные языковые средства, эксплицирующие этот смысл, не являются нейтральными, имеют негативную коннотацию, часть из них представляют собой метафоры: der Eltern Neugier erstickt die Tochter; wirklich alles über die Tochter wissen wollen; von früh bis spät mit Fragen gelöchert werden; endlose Interviews nerven; der Tochter Löcher in den Bauch fragen; stöhnen; so verdammt neugierig sein; immer gleich einen Anfall kriegen; die Augen verdrehen; sein Abendbrot in Ruhe futtern wollen; etw. zurückknurren; die Tochter mit pausenlosen Fragen nerven; ein unerfreulicher Montag; stur vor sich hin schweigen; für die Eltern so wahnsinnig interessant sein; Erlebnisse der Tochter gehören der Tochter; sich etw. merken; etw. geht die Eltern überhaupt nichts an; sich über solche Kleinigkeiten aufregen.

В качестве примера приводим семью героини романа "Michelle XXL" (*Ch. Bienieck. Michelle XXL*). Подросток сомневается, что у родителей были бы общие темы для разговора, если бы не было дочери. Главную героиню раздражает ее нахождение в центре внимания родителей.

1.3. Грубое общение в семье

Подразумевает разговор на повышенных тонах и находит отражение в негативно окрашенной и даже грубой лексике: leckerer Matsch; Scheißfraß; der blöde Scheißtyp; der Arsch; j-d ist zum Kotzen; mit j-m schreien (K. Boie. Ich ganz cool).

2. Kindheitserinnerungen / Воспоминания о детстве

Образы детства, сохранившиеся в памяти подростка, содержат важную характеристику жизни семьи. В воспоминаниях о детстве

закреплены традиции семьи. Они передаются с помощью метафор, сравнений. Например, отец сажает березы, которые растут вместе с дочерью:

Die Birken hatte ihr Vater gepflanzt (A. Hensgen. Dich habe ich in die Mitte der Welt gestellt).

Строгий взгляд друга вызывает у героини ассоциации с тяжелым занавесом в квартире тетушки, в которой героиня бывала в детстве:

An diesen schweren blauen Vorhang erinnerten sie Matz' Augen. Wie der Vorhang verbarg sein strenger Blick etwas (A. Hensgen. Dich habe ich in die Mitte der Welt gestellt).

Реализации концептуального компонента Kindheitserinnerungen служат ласковые прозвища, принятые в семье. Удержание в памяти детских имен подчеркивает ценность воспоминаний:

Meine Mutter nennt mich Kiki, weil ich, als ich sprechen lernte, meinen Namen nur so aussprechen konnte (D. Chidolue. Aber ich werde alles anders machen).

3. Gemeinsame Zeit / Совместный досуг

Совместный досуг ценен сам по себе, но может сопровождаться как положительными, так и отрицательными характеристиками. Репрезентации концептуального компонента Gemeinsame Zeit служат наименования различных видов типичных занятий дома: fernsehen, Bücher lesen, in der Zeitung blättern, in den Supermarkt spielen, Monopoly / Domino / Schwarzen Peter / Fang den Spitz spielen.

Оценочная составляющая представлена как положительными, так и отрицательными характеристиками общего досуга: члены семьи радуются совместно проведенному времени, проявляют нежность по отношению к друг другу: manchmal schön; ein sehr vergnügter Abend; Gelächter; lachen; den Arm um j-n legen; ab und zu mit j-m kuscheln. С другой стороны, возникает раздражение и даже ссоры во время совместного пребывания дома, например, перед телевизором: zusammen sitzen und glotzen; der Kampf; die Glotze läuft den ganzen Tag; j-n nerven; kaum mit sich anfangen können; vor der Glotze sitzen; keine Lust zum Bücherlesen; sich vor der Glotze und mit der Glotze streiten, sich vor der Glotze streiten; sich nicht mal ansehen.

Если подросток не разделяет интересов родителей, то не испытывает радости и от совместного досуга:

auf einen dieser öden Trödelmärkte mitschleppen, auf denen wir fast jedes Wochenende rumhängen (*Ch. Bienieck. Michelle XXL*).

Экспликация концептуального компонента Gemeinsame Zeit посредством наречий времени передает темпоральную характеристику повторяемости, регулярности совместного досуга: regelmäßig; mal wieder; fast jedes Wochenende.

4. Harmonischer Umgang in der Familie / Гармоничная атмосфера в семье

Репрезентация концептуального компонента Harmonischer Umgang представлена языковыми средствами, передающими положительную атмосферу в семье, характеризующими, в том числе, невербальное общение. Например, в романе "Geboren 1999" (*I. Krauß. Geboren 1999*) внимание родителей к их приемному сыну Карлу проявляется в мелочах: надпись на подаренном дневнике сделана любимым цветом Карла; в качестве надписи выбраны фразы, важные для Карла. Приемные родители читают специальную литературу о приемных семьях, чтобы сделать своего приемного сына счастливее:

Wir können unseren Kindern nur zweierlei von Dauer mitgeben – die Wurzeln und die Flügel. Adoptierte brauchen beide Elternteile, wenn sie Wurzeln und Flügel haben sollen (*I. Krauß. Geboren 1999*).

Близкие отношения проявляются во взаимопонимании без слов: gut gelaunt sein; sich freuen; zum Frühstück aufkreuzen; die Stimmung ist besser; sich über etw. lustig machen; j-m einen komischen Blick schicken; der Blick sagt etw.; in dem Blick ist Enttäuschung; einen Blick verdammt schlecht aushalten.

Члены семьи могут избегать конфликтных ситуаций ради сохранения добрых отношений в семье: sich nicht provozieren lassen; sehr verlässlich sein; Ärger ausweichen; keinen unnötigen Krach zu Hause wollen.

5. Streit in der Familie / Разлад в отношениях

Языковая реализация концептуального компонента Streit in der Familie наиболее разнообразна и представлена:

лексическими единицами, передающими состояние героев в результате конфликта:

es steht schlimm um etw., so blöde wie immer oder noch blöder; vor den Problemen gehen; tun, als wäre alles bestens; vermeiden über etw. zu sprechen; schreien; mit dem ganzen Mist klarkommen; sich zusammenreißen; das blöde Aneinander-Vorbeileben; etw. unternehmen müssen; sich monatelang anbrüllen; endlich ausziehen; der Schreihals; noch trauriger als früher aussehen; Streitereien; dicke Luft; sich streiten; richtig laut; anfangen zu heulen; rausrennen; hassen; seine Auseinandersetzungen nicht vor den Kindern verheimlichen sollen; Konflikte austragen; Krach haben; eisig; richtig Angst bekommen; weglaufen; sich zanken; ausreißen; tagelang nicht mehr nach Hause kommen; j-n nicht aushalten; j-s brutale Art nicht ertragen; auf j-n besonders aufpassen;

 лексическими единицами, передающими попытки членов семьи восстановить благополучную атмосферу в семье:

j-m zu denken geben; die gestörte Beziehung zwischen j-m wieder in bessere Gleise bringen; etw. aus schlechtem Gewissen tun; in einem (gekünstelt) kumpelhaften Ton auf j-n zugehen; Vorstöße, etw. gemeinsam zu unternehmen; sich immerhin in einem Raum aufhalten; zwangsläufig das eine oder andere Wort miteinander wechseln; nicht gleich desinteressiert abblocken; j-s grundsätzlicher Widerstand gegen j-n kommt ins Bröckeln; die Annäherung zwischen j-m voranbringen; sich mit j-m versöhnen; sich wieder vertragen; es wird wieder was werden mit der Familie; wieder miteinander können;

— метафорами: Bleiern lastete Unausgesprochenes auf unseren Schultern (B. Hagemann. Jakob & Mara); Kein Leben findet statt, особенно эмоционально подчеркивающая ценность семьи:

Ich war mir nicht ganz klar darüber, ob er überhaupt kapierte, wie schlimm es um unsere Familie stand. Klar war aber auch, dass zu Hause eigentlich gar kein Leben mehr stattfand (*B. Hagemann. Jakob & Mara*);

— приемом интертекстуальности: старшая сестра сочиняет для младшего брата сказку, в которой в дом пробирается монстр и приносит в семью ссоры: die Geschichte von dem großen, unsichtbaren Monster, das sich in ein Haus einschleicht und alles durcheinanderbringt, bis sich alle zanken und streiten und ausreißen und was nicht alles.

Любовь и дружба членов семьи помогает им спастись от монстра:

Ich sagte, daß sie einfach alle ganz fest zusammengehalten hätten und sich wieder liebhatten, und da war das Monster abgehauen. Und alles war wieder wie früher (K. Boie. Mit Jakob wurde alles anders).

6. MangeInde Kommunikation / Недостаток общения

В произведениях для подростков представлены различные жизненные ситуации, в которых подросток испытывает депривацию родительского внимания. Особенно остро ощущается занятость матери.

Следующие языковые средства служат репрезентации концептуального компонента Mangelnde Kommunikation, отражая, среди прочего, психологические ощущения членов семьи в связи с недостаточным общением: ein verdammt schlechter Ersatz; dieser leidende Ausdruck; schlechtes Gewissen; nur mit einem halben Ohr zuhören; gerade an etw. arbeiten; Stören stand unter Todesstrafe; ein bisschen mehr Interesse aufbringen können; mal einen halben Tag füreinander opfern; nie sehr viel mit j-m geredet haben; sich die Sätze gegenseitig an den Kopf werfen. Особенно убедительно о недостатке общения со своим отцом говорит героиня из романа D. Chidolue "Aber ich werde alles anders machen". От него она всегда слышала лишь одно предложение, приказ, поручение:

Mit meinem Vater habe ich noch nie sehr viel geredet. Wenn überhaupt, dann ist es immer ein Satz von ihm zu mir gewesen, ein Befehl, ein Auftrag (*D. Chidolue. Aber ich werde alles anders machen*).

Заключение

Макроконцепт FAMILIE / СЕМЬЯ является одним из ключевых лингвокультурных концептов немецкой языковой картины мира. Исследование этого концепта на новом материале — современных немецких романах для подростков — позволяет более точно представить этот социально значимый концепт и установить происходящие в его содержании изменения.

Немецкие романы для подростков конца XX — начала XXI века отображают новую модель семейных отношений. В половине проанализированных произведениях семья представлена моделью «Мать — Дети».

Изменения в содержании макроконцепта, обусловленные историческим становлением малой семьи и внутрисемейного общения,

установлены в ядерном компоненте его многослойной структуры — концепте UMGANG IN DER FAMILIE / ОБЩЕНИЕ В СЕМЬЕ. Анализ языковых репрезентаций смысловых элементов, образующих анализируемый концепт, выявил в его структуре шесть концептуальных компонентов:

Kommunikationsformen / Формы общения;

Kindheitserinnerungen / Воспоминания о детстве;

Harmonischer Umgang in der Familie / Гармоничная атмосфера в семье;

Streit in der Familie / Разлад в отношениях;

Mangelnde Kommunikation / Недостаток общения.

Несмотря на перераспределение ролей в семье, была установлена, с одной стороны, высокая ценность и организованность общения внутри семьи, с другой стороны, снижение этих факторов в настоящее время.

Результаты исследования могут использоваться как в практике преподавания немецкого языка как иностранного, так и в курсах по педагогике на всех уровнях общего и профессионального образования, при создании учебных пособий, тематических словарей, глоссариев по теме «Семья», с которой, как правило, начинается изучение немецкого языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. *Слышкин Г. Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.
- 2. *Гуняшова Г. А.* Социальный концепт FAMILIE в немецкой языковой картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета. Филология. 2013. Вып. 1 (53). С. 155–162.
- 3. Geschichte der deutschen Kinder- und Jugendliteratur / unter Mitarb. von Otto Brunken. Hrsg. Von Reiner Wild. Stuttgart : Metzler, 1990.
- 4. Duden. Das Bedeutungswörterbuch. 3., neu bearbeitete und erweiterte Auflage, Band 10. Mannheim: Dudenverlag, 2002.
- 5. Большой толковый словарь немецкого языка: Для изучающих немецкий язык = Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. М.: Март, 1998.

REFERENCES

1. Slyshkin, G. G. (2000). Ot teksta k simvolu: linguokulturniye koncepty precedentnykh tekstov v soznanii i diskurse = From text to symbol: linguocultural concepts of precedent text in mind and discourse. Moscow: Academia. (In Russ.)

- 2. Gunyashova, G. A. (2013). The social concept of FAMILIE in the German linguistic picture of the world. Vestnik of Kemerovo State University. Philology, 1 (53). 155–162. (In Russ.)
- 3. Geschichte der deutschen Kinder- und Jugendliteratur / unter Mitarb. von Otto Brunken (Hrsg.). Von Reiner Wild. Stuttgart: Metzler, 1990. (In Germ.)
- 4. Duden. (2002). Das Bedeutungswörterbuch. 3., neu bearbeitete und erweiterte Auflage, Band 10. Mannheim: Dudenverlag. (In Germ.)
- Bol'shoj tolkovij slovar' nemeckogo jazika: dl'ja isuchajuchikh nemeckij jazik (1998) / Langenscheidts dictionary. German as a foreign language. Moscow: Mart.

Информация об авторах

Привалова Е. П. – старший преподаватель кафедры лексикологии и стилистики факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Воронина Г. Б. – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Privalova E. P. – Senior Teacher at the Department of Lexicology and Stylistics, Faculty of German Language, Moscow State Linguistic University

Voronina G. B. – PhD (Philology), Professor, Professor at the Department of Lexicology and Stylistics, Faculty of German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

Научная статья

УДК 37.016:811

DOI 10.52070/2542-2197_2021_11_853_59

ГЕНДЕР КАК КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ФАКТОР ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

И. А. Гусейнова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, ginnap@mail.ru

Аннотация. В статье проводится обзор научных точек зрения на феномен гендера, затем предпринимается попытка рассмотреть гендерный конфликт как один из факторов, обусловливающий развитие институциональной коммуникации в конструктивном или деструктивном русле. Анализ гендерного конфликта проводится на разном материале, в том числе на примерах из немецкоязычных современных детективов. Вектор развития институциональной коммуникации зависит от интенций, практических интересов, индивидуальных предпочтений и социокультурных параметров участников профессионального взаимодействия. Категория оценки и этнические стереотипы играют существенную роль в реализации гендерного конфликта.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, гендер, гендерный конфликт, гендерный стереотип, сценарий, институциональная коммуникация

Для цитирования: Гусейнова И. А. Гендер как конфликтогенный фактор институциональной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 59–74.

DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_59

Original article

GENDER AS A CONFLICTOGENIC FACTOR OF INSTITUTIONAL COMMUNICATION

I. A. Guseynova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, ginnap@mail.ru

Abstract. The article provides an overview of scientific points of view on the phenomenon of gender, then an attempt is made to consider gender conflict as one of the factors determining the development of institutional communication in a constructive or destructive direction. The analysis of gender conflict is carried out on

a variety of materials, including examples from modern German-language detective stories. The vector of development of institutional communication depends on the intentions, practical interests, individual preferences, and socio-cultural parameters of the participants in professional interaction. The assessment category and ethnic stereotypes play an essential role in the realization of the gender conflict.

Key words: cross-cultural studies, gender, gender conflict, gender stereotype, scenario, institutional communication

For citation: Guseynova, I. A. (2021). Gender as a conflictogenic factor of institutional communication. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 59–74. DOI: 10.52070/2542-2197 2021 11 853 59

Введение

В отечественной и зарубежной предметно-специальной литературе понятию «гендер» в силу его многоаспектности дается множество определений [Словарь гендерных терминов, 2002]. Многие исследователи справедливо отмечают, что гендер является существенной характеристикой личности, гендер динамично развивается в контексте социальных, политических и экономических изменений. Сегодня гендер во многих научных трудах определяется как «конвенциональный идеологический конструкт» [Прудникова, 2014, с. 60]. Помимо этого, отмечается, что гендер изучается в русле трех направлений – в социо- и психолингвистическом, в лингвокультурологическом и коммуникативно-дискурсивном направлениях. Для нас особый интерес представляет коммуникативно-дискурсивное направление, которое исследует «языковое конструирование гендера в коммуникации мужчин и женщин в различных ситуациях, а также особенности речевого поведения представителей мужского и женского пола» [Дежина, 2017, с. 78]. В свете вышесказанного для специалистов в области межкультурной и межъязыковой коммуникации наиболее релевантно понимание гендера как социокультурного пола, конструируемого при помощи языковых и неязыковых средств [Городникова, 2002; Кирилина, 2000; Томская, 2017]. Данного определения придерживается большинство отечественных и зарубежных исследователей, которые подчеркивают в своих научных трудах две особенности феномена гендера: 1) возможность его конструирования; 2) возможность его использования в качестве инструмента социального управления действительностью [Anderson, 2019; Vessey, 2019; Deriu, Fioredistella Iezzi, 2020].

По мнению отечественных исследователей, наблюдается «разнообразие методологических подходов к изучению гендера в различных дисциплинах» [Томская, 2017, с. 151]. Важно отметить, что в научных трудах гендер изучается как природная, так и конвенциональная категория. Отдельного упоминания заслуживает и научная точка зрения на гендер как динамический феномен, востребованность которого зависит от конкретных социально-экономических и политических задач, иными словами, можно говорить о существовании определенной «моды» на гендер [там же, с. 150]. По этой причине анализ способов и средств его объективации представляется чрезвычайно актуальным. Вышесказанное свидетельствует о том, что гендер – явление многоликое и требует изучения в междисциплинарном русле с привлечением данных различных наук. Это обстоятельство позволяет рассматривать феномен гендера в межкультурной коммуникации, реализуемой в институциональной сфере, с учетом стереотипных установок и представлений о том или ином этносе и традиционном распределении социальных ролей в бытовой и профессиональной сферах, а также с учетом его конфликтогенного характера. Последнее представляется особенно важным в силу возможности использования гендерного фактора в качестве инструмента социального управления в институциональной коммуникации.

Напомним, что гендерный фактор является ключевым для политического, маркетингового, рекламного, медиального, тривиального художественного и других видов институционального дискурса. Применение гендерного фактора в институциональной коммуникации приходится на начало 1990-х годов, что обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, ростом феминистских настроений в обществе, во-вторых, полифункциональностью гендера, способного стимулировать социально значимый конфликт и выступать в качестве конструктивного и деструктивного конфликтогенного фактора. По этой причине гендерный фактор широко представлен в вышеперечисленных разновидностях институционального дискурса, ориентированных на различные гетерогенные целевые аудитории.

Гендерный фактор в маркетинговом, политическом и профессионально детерминированном видах институционального дискурса

Зарубежные исследователи сосредотачивают свое научное внимание на двух видах институционального дискурса — политическом

и маркетинговом, коррелирующим с рекламным дискурсом, дискурсом СМИ. Мы обращаем также внимание на литературный дискурс, в котором существенное место занимает жанр тривиальной литературы, в том числе и детективы. Разновидности детективов — политический, экономический, исторический, ретродетектив и др. позволяют рассмотреть специфику институциональной коммуникации с учетом гендерного фактора. Гендерный фактор в современных детективах нередко представлен на фоне разновидностей институционального дискурса.

Ряд зарубежных ученых отмечают, что коммерциализация журнальной и онлайн-прессы осуществляется с расчетом на стимулирование индустрии красоты и продвижение брендов, товарных марок и косметологических услуг, ориентированных на женскую целевую аудиторию, поддерживают коммерческую составляющую видеовербальные средства и средства визуализации информации, нацеленные на распространение трех образов женщин – женщина-мать, домохозяйка и деловая женщина с ярко выраженными карьерными устремлениями и лидерскими качествами, ср.: «'mother', 'homemaker', 'ambitious career woman'» [Anderson, 2019, с. 27]. Однако все предлагаемые женские образы строятся с учетом красоты женского тела, ср.: «mass-mediated female body» [там же, с. 26], с учетом желания женщин оставаться привлекательными в рамках тиражируемых и повсеместно предлагаемых социальных ролей. Этот факт присутствует и в массовой художественной литературе. Так, например, в анализируемом нами романе встречается следующий пассаж:

Sie war bestimmt nicht älter als Lena, aber von ungleich eleganter Erscheinung. Die Haare waren nach hinten gebunden, sodass ihre Wangenknochen noch besser zur Geltung kamen. Ihren grazilen Körper zierte ein luftiges Sommerkleid. In ein paar Jahren würde sie Charlotte Gainsbourg Konkurrenz machen [Brüggenthies, 2009, c. 321]

Она была точно не старше Лены, но несравнимо более элегантной. Волосы были зачесаны назад, открывая высокие скулы. ее грациозное тело ласкало воздушное летнее платье. Через несколько лет она сможет составить конкуренцию Шарлотте Генсбур¹).

¹ Ш. Генсбур (1971 г. р.), актриса, певица, автор песен. Нередко упоминается в СМИ как «некрасивая красавица» англо-французского происхождения. В России стала особенно популярна после выхода датского фильма

В этом отрывке представлены современные каноны женской красоты, которые известны массовому реципиенту, но для того, чтобы вызвать устойчивую ассоциацию автор визуализирует образ через упоминание конкретной известной актрисы англо-французского происхождения.

В научных статьях отмечается, что в маркетинговом дискурсе или «discourses of consumerism» (консьюмеристский дискурс) [Anderson, 2019, с. 25], а также в его разновидностях, рекламном и имиджевом, «ключевыми словами» выступают имена известных брендов L'Oréal Paris, Lancôme, Estée Lauder [там же, с. 81], занимающих рынок косметических услуг и индустрии красоты. иными словами, в центре внимания оказывается женский образ, символизирующий послание, зашифрованное в наименовании популярного бренда или торговой марки.

Однако в отличие от индустрии красоты, ср. «Discourses of "Beauty"» [там же, с. 81], вышеперечисленная трансляция женского образа нередко порождает противоположную тенденцию – стремление к сохранению естественности, стремление к доминированию, которое выражается в попытках применять в бытовой и институциональной сферах «мужскую» модель поведения, сопровождающуюся использованием речевых средств, служащих выражению речевой агрессии – бранной лексики, оскорблений и т. п. Примечательно, что в русскоязычном оценочном и комическом дискурсе по национальному или этническому признаку делятся преимущественно представители мужского пола, в то время как такое деление среди женщин отсутствует. Так, Г. Слышкин приводит следующий иллюстративный пример: «На необитаемом острове оказались русский, грузин, еврей и женщина...» [Слышкин, 2002, с. 72].

Исследователи справедливо отмечают, что распространение определенных образов и социальных ролей, моделей поведения оказывают существенное влияние на репертуар языковых средств. При этом ученые исходят из того, что и язык и гендер, как феномены, поддающиеся конструированию, проявляют себя через социальные практики: «language and gender <...> both are constituted through social practice» [Anderson, 2019, с. 30]. Мы также полагаем, что в силу

[«]Меланхолия» (2011 г., фантастика). Следует отметить, что этот элегантный образ – зачесанные назад волосы, высокие скулы, воздушное платье, присутствует именно на афише фильма.

культурно-исторических условий развития гендерный фактор имеет в различных культурах различный вес. Так, мы наблюдаем в различных этносоциумах примеры гендерной асимметрии, гендерной симметрии и гендерной нейтрализации. Анализируя современные бытовые сказки российской, итальянской и британской лингвокультур, О. С. Костарнова отмечает, например, гендерную асимметрию в итальянских бытовых сказках, в то время как в российских бытовых сказках превалирует гендерная симметрия, а в британском сказочном нарративе предпочтение отдается нейтрализации гендерного фактора [Костарнова, 2020]. Безусловно, такой трансляции гендерного фактора во многом обусловлены лексико-грамматической системой языка и одновременно культурными традициями феминности, ср.: «culturally accepted model of femininity» [Anderson, 2019, c. 40], a также тем фактом, что «в формальном отношении все языки принципиально различны, асимметричны – между ними отсутствуют однозначные межъязыковые соответствия» [Рябцева, 2013, с. 34].

Маркетинговый дискурс тесно связан с гендерным фактором. Одновременно он использует ресурсы других разновидностей институционального дискурса. Важно, что на постоянной основе ведутся исследования по гендерной проблематике и в аспекте гендерной асимметрии, которая находит свое выражение на лексическом уровне и в паремиологии.

Исследуя жанр детектива, как яркого представителя профессионально детерминированного дискурса, мы установили некоторые особенности использования гендерного фактора в немецкоязычных изданиях. Так, в ходе анализа криминального романа «Der geheimnislose Junge» было установлено наличие гендерно обусловленного конфликта. Так, размышляя о возможных версиях исчезновения мальчика Тимо, следователь предполагает следующее:

Wenn Timo derartig stark in einer Bücherwelt lebte, hatte er möglicherweise den Sinn für die Realität verloren. Falls er nicht in ein Rollenspiel hineingeraten war, hatte ihn die böse Hexe des Westens in ihre Fantasiewelt mitgenommen, dachte Zbigniew und musste ein Grinsen unterdrücken [Brüggenthies, 2009, c. 20].

Ключевым выступает словосочетание «die böse Hexe des Westens» (злая ведьма с 3апа ∂a^1). Во-первых, ведьма в немецком языке

 $^{^{1}}$ Зд. и далее перевод наш. – *И*. Г.

грамматически имеет женский род и ей традиционно приписываются определенные качества, в том числе обладание сверхспособностями. Во-вторых, номен содержит негативную коннотацию — умение совершать обряды, которые могут нанести вред живым существам, в частности человеку. Упоминание этнического компонента «des Westens» играет существенную роль в контексте самого криминального романа. Дело в том, что следователь имеет славянские (польские) корни, о чем свидетельствует его имя Zbigniew, но немецкую фамилию Меіег. В романе упоминается, что «er hasste seinen Namen» (Он ненавидел свое имя) [Brüggenthies, 2009, с. 5]. По мнению главного героя, сочетание польского имени и немецкой фамилией вряд ли может понравиться девушке:

Zbigniew Meier, welches Mädchen küsst freiwillig Dz-big-niäff Meier [Brüggenthies, 2009, c. 5].

Какая девушка добровольно согласится поцеловать Ж-биг-ниэва Майера.

При анализе этого фрагмента следуют гендерно обусловленные выводы: девочкам / женщинам предписывается ограниченность ума, предвзятое отношение к этническому фактору, нежелание взаимодействовать с представителями иной лингвокультуры и т. п. Иными словами, в основе пассажа лежит гендерный стереотип. О гендерно обусловленном недопонимании свидетельствуют и другие примеры. Посетив квартиру исчезнувшего мальчика, детектив обращается к его матери с вопросом о том, где он мог бы хранить свои тайны – дневники или иные записи. В ходе разговора выяснилось, что единственным помещением, которое в квартире запиралось на ключ, была ванная комната. По этой причине, руководствуясь логическими умозаключениями, он и предлагает тщательно обыскать именно ванную комнату в поисках возможного тайника. На это предложение следует следующая реакция матери:

Tonia Lindner sah ihn an, als ob er ihr von grünen Männchen auf der Venus erzählt hätte [Brüggenthies, 2009, c. 152].

Тоня Линднер посмотрела на него так, как будто он рассказывал ей о зеленых человечках, живущих на Венере.

В этом эпизоде прослеживается противопоставление логики эмоциям, приписываемым мужчине и женщине, соответственно. Это

становится особенно очевидным благодаря упоминанию «женской» планеты Венеры, потому что и в немецком дискурсе речь идет обычно о зеленых человечках с Марса, «мужской» планеты. В дальнейшем из книги мы узнаем, что Збигнев был прав. Кроме того, ему удалось расшифровать записи исчезнувшего мальчика, найденные им в ванной комнате, ср.: «Ег hat Geheimsprache aufgelöst» (Он расшифровал тайный шифр Тимо) [Brüggenthies, 2009, с. 360].

Многие исследователи отмечают необходимость изучения языковых средств, используемых в бытовом / социально бытовом общении, ср. «the importance of analysing 'language used in everyday social life'» [Anderson, 2019, с. 9]. Это обусловлено тем обстоятельством, что язык маркирует социальный статус коммуникантов, а также распределение их социальных ролей в социуме. Он также маркирует взаимоотношения между участниками коммуникации, определяет тематику общения, сигнализирует уровень владения литературным языком или его другими формами и т. п. Изучая, например, речевой портрет героев анализируемого нами криминального романа, мы сталкиваемся с тем, что в эпизодах, в которых на фоне институциональной коммуникации возникает бытовой разговор на профессиональную тему, нередко используются элементы эритажных языков и диалектов:

Boah ey, im Underground, da erkennt man so 'nen alten Sack wie dich sofort, oder? [Brüggenthies, 2009, c. 126].

Прикольно, в подземке, такого старикана, как ты она сразу увидит, или?

Использование главной героиней детектива разговорно окрашенной лексики приводит к факту ее социального доминирования, так как в последующем пассаже описывается, что, прервав разговор, героиня оставила главное действующее лицо инспектора Збигнева Майера в недоумении и даже в интеллектуальном тупике. Отметим, что лексема «старикан» основана на возрастных параметрах, эта тема является «чувствительной» с точки зрения гендерного фактора и затрагивает как мужское, так и женское самолюбие. Об этом пишут в своих трудах многие зарубежные исследователи:

My analysis of individual language use focuses primarily on the linguistic resources women use to construct and articulate gender and age identity, whilst the investigation of public discourses critically engages with dominant cultural attitudes towards age, ageing and gender [Anderson, 2019, c. 9].

Таким образом, гендер выступает в роли конфликтогенносго фактора, способного стимулировать эмоциональную реакцию, в том числе негативную.

В подтверждение сделанных нами ранее наблюдений приведем еще один иллюстративный пример из анализируемого нами немецкого детективного романа, который свидетельствует о наличии гендерного конфликта. Так, детектив Збигнев Майер в силу служебных задач должен посетить элитную школу и переговорить с директором школы, женщиной в возрасте, облеченной властью, об исчезнувшем мальчике. Понимая, что в элитной школе учатся дети обеспеченных родителей, и не все являются талантливыми или одаренными, детектив пытается выяснить важные для расследования детали о школе. Его «неудобные» вопросы провоцируют следующую реакцию директрисы, ср. нем.:

Elite, Herr Meier, ist nichts Negatives, Sie sollten das Wort nicht mit einer pejorativen Betonung verstehen. Jeder Staat braucht Eliten, damit er funktionieren kann. Eliten, die kreativen wissenschaftlichen und politischen Input in die Gesellschaft hineingeben [Brüggenthies, 2009, c. 33–34].

Понятие элиты, господин Майер, не заключает в себе ничего негативного. Не следует понимать элитку как нечто не достойное упоминания. Каждое государство нуждается в элитах, обеспечивающих его функционирование. Элиты вносят свой инновационный вклад в науку и политику.

Затронув профессиональную гордость директрисы, детектив провоцирует гендерный конфликт, обусловленный институциональным статусом обоих участников коммуникации. Директриса, разъясняя понимание термина «элита», указывает детективу его место в обществе и одновременно маркирует его «непринадлежность» к научной и политической элите, т. е. к классу интеллектуалов и образованных людей.

Таким образом, постоянная трансляция гендерно обусловленных социальных ролей в обществе, визуализация через конкретизацию образов мужчины и женщины маскулинности и феминности, соответствино, приписывание определенных качеств мужчинам и женщинам на основе их социальных ролей и биологических различий приводят к применению гендерного конфликта, способного в социальной реальности служить инструментом ее управления.

Гендер как инструмент управления социальной реальностью

Многие отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что гендерный фактор представляет собой механизм, регулирующий распределение человеческих ресурсов на рынке труда. Научный интерес представляют социолингвистические данные о том, какие профессии предпочтительны для женщин, каким языкам отдается предпочтение при публикации объявлений о вакансиях, найме на работу и т. п. Отмечается, что для представителей различных лингвокультур в англоязычном пространстве для женщин преимущественно публикуются объявления, ориентированные на оказание помощи по дому и хозяйству, ср. англ.: focus on the arena of domestic work [Vessey, 2019]. Есть случаи, когда данные объявления представлены на различных языках и / или содержат элементы эритажных языков, что обусловлено, прежде всего, колониальным прошлым определенных этнических групп, историческими обстоятельствами, связанными с миграционными процессами и гуманитарными катастрофами. Акцент на бытовую сферу и использование наряду с доминирующим языком языков представителей различных этносоциумов маркируют гендерный фактор и одновременно социальный статус и подчиненную роль женщин, представляющих этническое меньшинство. Вслед за зарубежными исследователями (R. Vessey, 2019) подчеркнем, что собственно гендерный фактор приобретает большую значимость, если он интегрирован в другие социокультурные, точнее, социолингвистические параметры – происхождение, этнос, культурный уровень, пол, возраст, уровень социально-экономического благополучия, гражданство, так как в этом случае гендер дает возможность также определить социальную роль, уровень профессионализма и т. п. лиц, на которые ориентирован рынок труда. Уровень владения доминирующим языком или языком этнического большинства во многом определяет и нишу этносов на рынке труда. Слабый уровень владения языком предполагает выполнение низкоквалифицированной работы. Если речь идет, например, об использовании эритажных языков, то и соответственно, предполагается трудовая занятость не в институционально статусной нише, а в бытовой сфере и сервисных службах.

В условиях социальных трансформаций и дигитализации различных видов многие высказывания и мысли современных ученых приобретают дополнительные смыслы. Обратимся к конкретному высказыванию: «Анализ специальной литературы, а также ресурсов Интернета

показывает, что термин «профессионально ориентированное программирование» (англ. programming for special purposes) не имеет сколь бы то ни было широкого употребления» [Горожанов, Писарик, 2021, с. 51-52], однако, применительно к гендерному фактору вышесказанное приобретает принципиальное значение. Например, в анализируемом нами детективе главный герой после рабочего дня заглядывает в пивной бар. Когда официант приносит сделанный им заказ, он произносит следующую фразу: «Ein Kölsch, Herr Kommissar, sagte der Kellner, als er das Glas auf Zbigniews Tisch absetzte» (Ваше «кельнское» (диалект), господин комиссар, - произнес официант, водружая на стол Збигнева стакан) [Brüggenthies, 2009, с. 60]. Во-первых, из высказывания следует, что комиссар придерживается традиционной для немцев привычки – посетить вечером пивной бар или ресторан и выпить стакан любимого пива. Во-вторых, официант знает профессиональную деятельность Збигнева, и, в-третьих, официант употребляет диалектальное наименование кельнского пива, которое известно только местным жителям. Приведенный пример эксплицитно маркирует гендерный фактор – маскулинность через привычное времяпрепровождение после трудового дня, мужскую солидарность через обращение по признаку профессии и мужскую дружбу, которая возникает через употребление диалекта. Последнее, на наш взгляд, визуализирует процесс «программирования» гендерного фактора, которому в настоящее время уделяется в исследованиях недостаточно внимания.

Не менее существенными нам представляются наблюдения за социальными сетями, когда у участников группового общения в любом чате отпадает необходимость в том, чтобы как-то определять свой социокультурный пол, указывать возраст, реальные предпочтения и пр. Указанные обстоятельства существенно повлияют на гендерные исследования и приведут к новым результатам, что отмечается также в трудах зарубежных исследователей: «This new kind of data has also changed qualitative research in gender studies» [Deriu, Fioredistella Iezzi, 2020, с. 1]. Информационные технологии «перевернут» гендерную картину мира, и встанет вопрос о ее воплощении в социальной реальности. Искусственно созданная гендерная виртуальная идентичность потребует к ней особого подхода и пересмотра ее социолингвистических параметров с учетом новых эмпирических фактов. Авторитетные ученые в области гендерной проблематики предполагают, что в виртуальной

среде, возможно, наступит преобладание так называемого «языка мужчин», ср.: «Man Made Language» [Саmeron, 2020, с. 26]. Предположение заключается в том, что в эпоху постфеминизма (англ. postfeminism) [Litosseliti, Gill, Favaro, 2019, с. 4] в условиях цифровых трансформаций женщины отдадут предпочтение мужской модели поведения в виртуальной среде. И именно эти случаи, случаи сокрытия гендерной принадлежности, возникновение новых гендерных конструктов будут представлять особый научный интерес, ср.: «Yet postfeminism remains an under-explored concept in the field of language and gender studies» [там же, с. 2]. Гендерные новации в последующем будут также учитываться при формировании контента СМИ, включая информационно-развлекательные, культурфилософские и рекламные тексты, что отразится в результате на языке институциональной коммуникации. В последующем постфеминистские элементы затронут аудиовизуальный контент и найдут применение в различных жанрах – комиксах и карикатурах, сериалах и художественных фильмах.

Заключение

Проведенный нами анализ современных изысканий в области гендерных исследований позволяет заключить, что феномен используется в гуманитарном знании для решения практических задач в политических целях и для достижения прагматических результатов — в аналитических.

Гендерный фактор носит конфликтогенный характер, стимулируя тем самым его применение в политической, маркетинговой и иных профессионально детерминированных сферах для продвижения конкретных идей, лиц, товаров и услуг. В институциональной среде гендер применяется:

- а) для выстраивания конструктивного и деструктивного диалога в процессе межкультурного взаимодействия;
- б) для создания партнерских сетевых или иерархических условий взаимодействия между участниками межкультурной коммуникации;
- в) для создания доминирующих или равноправных отношений между представителями различных лингвокультур;
- г) для прагматичного решения политических, социальных и экономических задач. По этой причине, гендер является конфликтогенным фактором, призванным регулировать отношения в институциональной сфере.

Цифровая среда со всеми ее технологическими возможностями и коммуникационными ресурсами [Амелькин, Иванова, 2011; Амелькин, 2015], опираясь на постфеминистскую культуру, создаст условия использования гендерного конфликта для формирования новых гендерных конструктов. И если не удалось «размыть» ценностные ориентации и аксеологическую картину мира с реальной социальной жизни, то цифровая среда позволяет это сделать в короткие сроки. По истечению определенного периода времени гендерный баланс может быть нарушен в сторону гендерных конструктов, не имеющих отношения к биологическому полу и его стереотипным социальным ролям и функциям, что будет проявлением гендерного «сдвига», маркирующего постфеминистский дискурс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой; Региональная общественная организация «Восток Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация XXI век, 2002.
- 2. *Прудникова Е. С.* Категория гендера как объект изучения лингвистики // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 2014. № 1. С. 59–61.
- 3. *Дежина Т. П.* Этапы становления концепта «гендер» в зарубежной и отечественной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Ч. 1. 2017. № 4 (70). С. 76–79.
- 4. *Городникова М. Д.* Гендер в коммуникативной интеракции: доклады Второй Международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». Москва, 22–23 ноября 2001. М.: МГЛУ, 2002. С. 70–76.
- 5. *Кирилина А. В.* Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания. М.: Рудомино, 2000. С. 47–80.
- 6. Томская М. В. Изучение гендера как проявление «исследовательской моды» в российском языкознании // Язык и мода: сб. статей. (Сер.: Теория и история языкознания) / отв. ред. Н. Н. Трошина. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 146–163.
- 7. *Anderson C.* Discourses of Ageing and Gender: the impact of public and private voices on the identity of ageing women. Birmingham: Palgrave Macmillan, 2019.
- 8. *Vessey R.* Domestic work = language work? Language and gender ideologies in the marketing of multilingual domestic workers in London // Gender and Language. 2019. Vol. 13.3. P. 314–338.
- 9. *Deriu F., Fioredistella Iezzi D.* Text Analytics in Gender Studies. Introduction // International Review of Sociology. 2020. #. 1. Vol. 30. P. 1–5.

- 10. *Brüggenthies St.* Der geheimnislose Junge: Kriminalroman. Frankfurt am Main: Eichborn Verlag, 2009.
- 11. Слышкин Г. Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота // Гендер как интрига познания: Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Пилотный выпуск. М.: Рудомино, 2002. С. 66–73.
- 12. Костарнова О. С. Гендерные аспекты современной бытовой итальянской сказки // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: материалы Международной научной конференции / отв. ред. О. К. Ирисханова. М.: МГЛУ, 2020. С. 515–518.
- 13. Рябцева Н. К. Прикладные проблемы переводоведения: Лингвистический аспект. М.: Флинта: Наука, 2013.
- 14. *Горожанов А. И., Писарик О. И.* Информационно-коммуникационные технологии в практике преподавателя иностранного языка. Казань: Бук, 2021.
- 15. Cameron D. Language and gender: Mainstreaming and the persistence of patriarchy // IJSL 2020; 263. Oxford: DeGruyter Mouton, 2020. P. 25–30.
- 16. *Litosseliti L., Gill R., Favaro L. G.* Postfeminism as a critical tool for gender and language study // Gender and Language. 2019. l vol. 13.1. P. 1–22.
- 17. *Амелькин С. А., Иванова О. С.* Предельные возможности передачи информации в макросистемах // Моделирование и анализ информационных систем. 2011. № 3. Т. 18. С. 75–81.
- 18. *Амелькин С. А.* Компетентностная модель качества обучения детей младшего возраста основам информатики: сб. «Труды большого московского семинара по методике раннего обучения информатике»: в 10 т. / сост. и науч. ред. И.В. Соколовой и Ю. А. Первина. М.: Изд-во РГСУ, 2015. С. 3–11.

REFERENCES

- 1. Slovar' gendernykh terminov (2002) = Dictionary of gender terms. A. A. Denisova (Ed.); Regional Public Organization «East – West: Women's Innovation Projects». Moscow: Informatsiya XXI vek. (in Russ.)
- 2. Prudnikova, Ye. S. (2014). Kategoriya gendera kak ob"yekt izucheniya lingvistiki = Category of gender as an object of linguistics study. Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo universiteta im. Vitusa Beringa, 1, 59–61. Petropavlovsk-Kamchatskiy. (in Russ.)
- 3. Dezhina, T. P. (2017) Etapy stanovleniya kontsepta «gender» v zarubezhnoy i otechestvennoy lingvistike = Stages of formation of the concept of "gender" in foreign and domestic linguistics. Philological Sciences. Questions of Theory and Practice, 4 (70), 76–79. Part. 1. (in Russ.)

- 4. Gorodnikova, M. D. (2002) Gender v kommunikativnoy interaktsii = Gender in communicative interaction. Reports of the Second International Conference «Gender: Language, Culture, Communication». Moscow, November 22–23, 2001 (pp. 70–76). Moscow: MSLU. (In Russ.)
- 5. Kirilina, A. V. (2004). Gendernyye issledovaniya v lingvistike i teorii kommunikatsii: Ucheb. posobiye. = Gender studies in linguistics and communication theory: Textbook. Moscow: Rema. (In Russ.)
- 6. Tomskaya, M. V. (2017). Izucheniye gendera kak proyavleniye «issledovatel'skoy mody» v rossiyskom yazykoznanii = Study of gender as a manifestation of "research fashion" in Russian linguistics. Language and fashion: collection of articles (Theory and History of Linguistics). N. N. Troshina (Ed.) (pp. 146–163). Moscow: INION RAN. (In Russ.)
- 7. Anderson, C. (2019) Discourses of Ageing and Gender: the impact of public and private voices on the identity of ageing women. Birmingham: Palgrave Macmillan.
- 8. Vessey, R. (2019). Domestic work = language work? Language and gender ideologies in the marketing of multilingual domestic workers in London. Gender and Language, 1, 314–338. Vol. 13.3.
- 9. Deriu F., Fioredistella Iezzi D. (2020). Text Analytics in Gender Studies. Introduction. International Review of Sociology, 1, 1–5. Vol. 30.
- 10. Brüggenthies, St. (2009). Der geheimnislose Junge: Kriminalroman. Frankfurt am Main: Eichborn Verlag.
- 11. Slyshkin, G. G. (2002). Gendernaya kontseptosfera sovremennogo russkogo anekdota = Gender conceptual sphere of the modern Russian anecdote. In: Gender as an intrigue of knowledge. Gender studies in linguistics, literature and communication theory. Pilot edition (pp. 66–73). Moscow: Rudomino. (In Russ.)
- 12. Kostarnova, O. S. (2020). Gendernyye aspekty sovremennoy bytovoy ital'yanskoy skazki = Gender aspects of modern home Italian tales. In: Science without borders: synergies of theories, methods, and practices. Materials of the International Scientific Conference. (Ed.) O. K. Iriskhanova (pp. 515–518). Moscow: MSLU. (In Russ.)
- 13. Ryabtseva, N. K. (2013). Prikladnyye problemy perevodovedeniya: Lingvisticheskiy aspect = Applied problems of translation studies: Linguistic aspect). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
- 14. Gorozhanov, A. I., Pisarik, O. I. (2021). Informatsionno-kommunikatsionnyye tekhnologii v praktike prepodavatelya inostrannogo yazyka = Information and communication technologies in the practice of a foreign language teacher. Kazan: Buk. (In Russ.).
- 15. Cameron, D. (2020). Language and gender: Mainstreaming and the persistence of patriarchy. IJSL 2020; 263. (pp. 25–30). Oxford: DeGruyter Mouton.

- 16. Litosseliti, L., Gill, R., Favaro, L. G. (2019). Postfeminism as a critical tool for gender and language study. Gender and Language, l, 1–22, Vol. 13.1.
- 17. Amelkin, S. A., Ivanova, O. S. (2011) Predel'nyye vozmozhnosti peredachi informatsii v makrosistemakh = Extreme performance of information transaction processes in macrosystems. Information systems modelling and analysis, 3, 75–81. Vol. 18. (In Russ.)
- 17. Amelkin, S. A. (2015). Kompetentnostnaya model' kachestva obucheniya detey mladshego vozrasta osnovam informatiki = Competence model of the quality of teaching children the basics of computer science. Works of the Moscow Seminar on Methods of Early Education in Informatics. (Eds.) I. V. Sokolova, Yu. A. Pervin (pp. 3–11). Moscow: RGSU (In Russ.)

Информация об авторе

Гусейнова И.А. — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Guseynova I.A. – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the German Lexicology and Stylistics, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

Научная статья

УДК 81.25

DOI 10.52070/2542-2197_2021_11_853_75

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ МНОГОКОМПОНЕНТНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПО ТЕМЕ «КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ»

А. С. Данилин

Московский государственный лингвистический университет, Военный учебный центр, Москва, Россия, mil@linguanet.ru

Аннотация. В статье рассматриваются трудности перевода английской многокомпонентной терминологии по теме кибербезопасности, которые возникают в связи с развитием военного дела и разработкой нового вооружения. Для достижения эквивалентности и адекватности перевода многокомпонентных терминов недостаточно осуществить дословный перевод исходного материала – необходимо грамотно выбрать стратегию перевода и детально изучить сферу применения данной специальной лексики. В работе предлагаются алгоритм перевода многокомпонентных терминов и перевод некоторых новых терминов в сфере кибербезопасности.

Ключевые слова: военный перевод, военный термин, трудности перевода, кибервойна, кибербезопасность

Для цитирования: Данилин А. С. Проблема перевода английской многокомпонентной терминологии по теме «кибербезопасность» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 75–83. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_75

Original article

THE ISSUE OF TRANSLATING ENGLISH MULTI-COMPONENT TERMINOLOGY ON THE TOPIC OF CYBERSECURITY

A. S. Danilin

Moscow State Linguistic University, Military Training Center, Moscow, Russia, mil@linguanet.ru

Abstract. The article examines the difficulties in translating English multi-component terminology on the topic of cybersecurity that arise in connection with the development of military studies and new weapons. To achieve equivalence and adequacy in translation of multi-component terms, it is not enough to implement a literal translation of the source material. It is necessary to properly choose a translation strategy and examine the scope of application of this special vocabulary. The article

proposes an algorithm for translating multi-component terms and presents translation of some new terms in the field of cybersecurity.

Key words: military translation, military term, translation difficulties, cyber warfare, cyber security

For citation: Danilin, A. S. (2021). The issue of translating english multi-component terminology on the topic of cybersecurity. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 75–83. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_75

Введение

Научный прорыв и развитие новых технологий аксиомально сопровождаются появлением не только самих материальных результатов научной деятельности, но и новых понятий и их наименований, а применение результатов научного прогресса и их широкое освещение в СМИ требует адекватного эквивалентного перевода определенных лексем. Сфера кибербезопасности не стала исключением этой логической последовательности.

Появление средств связи привело к разработке способов защиты конфиденциальных данных, которая имеет чрезвычайно важное значение для военной сферы. Помимо способов хранения, анализа, синтеза и передачи информации появились и способы ее перехвата, кибероружие и механизмы обеспечения кибербезопасности, активно используемые в военном деле. Например, некоторые страны создали специализированные подразделения в вооруженных силах для обеспечения безопасности в киберпространстве. В число этих стран входит и Россия: в феврале 2017 года Министр обороны Российской Федерации Сергей Шойгу объявил о создании в ВС РФ войск информационных операций [Интерфакс].

В связи с перечисленными выше изменениями возникает необходимость в создании терминологии для этой сферы деятельности и ее перевода на иностранные языки. Если перевод односоставных терминов можно найти в специализированных словарях, то перевод многокомпонентных терминов может вызвать серьезные трудности: эквивалентный и адекватный перевод подобных терминов не всегда присутствует в глоссариях по причине того, что существование множества возможных комбинаций однокомпонентных терминов и фиксация такого большого количества сочетаний не представляются рациональным решением.

Для давно устоявшихся многокомпонентных терминов возможно найти варианты перевода в различных классических словарях и электронных ресурсах, так как обозначаемые реалии уже существуют как в английском, так и в русском военном подъязыке. Однако терминологии разных языковых систем пополняются с разной скоростью. Более того, английский язык в большей степени продуктивен с точки зрения создания терминологии технической сферы. Следовательно, возникают ситуации, когда переводчик должен самостоятельно подобрать адекватный и эквивалентный перевод для новых англоязычных терминов.

В статье будут рассмотрены многокомпонентные термины по теме «Кибербезопасность» и предложен алгоритм их перевода.

Алгоритм перевода многокомпонентных терминов

По количеству составных частей многокомпонентные термины могут быть разделены на двух-, трех- и четырехкомпонентные. Встречаются термины, содержащие большее количество компонентов.

В англоязычной культуре термины, относящиеся к кибернетике, как правило, образуются при помощи приставки «cyber-», заимствованной в русский язык как «кибер-». Вторая часть английского термина обычно переводится русским эквивалентом (cyberwarfare – кибервойна, cybersecurity – кибербезопасность, cybercrime – киберпреступление, cybercapability – кибервозможность, cyberattack – кибератака). Таким образом, в русском языке новые англоязычные однокомпонентные термины, касающиеся кибернетики, заимствованы при помощи полукалькирования. При написании приведенных выше примеров терминов на английском языке за основу взят американский вариант, подразумевающий слитное написание компонента cyber со второй основой слова в противопоставлении британскому варианту, подразумевающему раздельное написание.

Данные однокомпонентные термины часто входят в состав многокомпонентных: cybersecurity capability maturity model, cybersecurity framework, national cyber maturity, cyber engagement scale, cyber strategies, financial cybercrime enforcement, potential cyber threats.

Предлагается следующий алгоритм действий для переводчика на примере термина «cybersecurity capability maturity model»:

- 1. Разбить многокомпонентный термин на несколько смысловых групп. Как правило, последнее слово в атрибутивной конструкции будет главным: *cybersecurity u capability maturity model*.
- 2. Проверить значение выделенных терминов в толковом англоязычном словаре:

cybersecurity – things that are done to protect a person, organization, or country and their computer information against crime or attacks carried out using the internet (https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cybersecurity);

capability maturity model — a five-stage method for developing and improving computer programs or management processes in order to meet high standards (https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/capability-maturity-model).

- 3. Составить черновой перевод выделенных групп согласно определению: безопасность в киберпространстве, кибербезопасность; модель зрелости компьютерных программ, модель зрелости каких-либо программных возможностей, метод развития компьютерных программ, модель развития компьютерных программ.
- 4. Проверить значение предполагаемых терминов в толковом русскоязычном словаре. При отсутствии зафиксированного значения в словарях следует обратиться к специалисту в данной области, изучить сферу применения англоязычного термина в оригинальных источниках: значение слова «кибербезопасность» или словосочетания «безопасность в киберпространстве» отсутствует в толковых русскоязычных словарях, однако его определение можно найти через поисковые системы сайтов, специализирующихся на теме компьютерных программ. Например, на сайте «Лаборатории Касперского» можно найти небольшой тематический словарь, в котором дано следующее определение: «Кибербезопасность (ее иногда называют компьютерной безопасностью) - это совокупность методов и практик защиты от атак злоумышленников для компьютеров, серверов, мобильных устройств, электронных систем, сетей и данных». Проверка второй смысловой группой может быть произведена через поисковые системы в сети Интернет. В научной статье «Применение моделей зрелости для противодействия инсайдерским угрозам информационной безопасности» описаны модели, по смыслу подходящие под английское определение термина [Поляничко, 2019].

5. Провести смысловой анализ и отредактировать перевод. Результат перевода: «модель зрелости возможностей кибербезопасности».

Примеры перевода многокомпонентных терминов по теме «Кибербезопасность»

Основные модели перевода многокомпонентных терминов по вышеуказанной тематике подразумевают перестановку компонентов терминов в языке перевода (русском) и переводе через введение предложной конструкции.

Модель 1. Перестановка компонентов в русском языке

Примеры 1-5:

- 1. From my perspective, the National Institute of Standards and Technology *cybersecurity framework* (NIST CSF) and *the cybersecurity capability maturity model* (C2M2) both provide a comprehensive approach that covers everything in cybersecurity [Christopher, 2018].
- С моей точки зрения, *структура кибербезопасности* Национального института стандартов и технологий (NIST CSF) и *модель зрелости возможностей кибербезопасности* (C2M2) в совокупности обеспечивают комплексный подход, охватывающий все аспекты кибербезопасности.
- **2.** An organizational structure within the military devoted to cyber policy or cybersecurity indicates some awareness of cyber threats, and possibly the state's perspective on the use of *cyber operations capabilities* [Uren et al., 2017].
- Наличие в структуре вооруженных сил организации, занимающейся вопросами киберполитики или кибербезопасности, указывает на определенное внимание к проблеме киберугрозы и, предположительно, обозначает точку зрения государства по перспективам использования возможностей киберопераций.
- **3.** South Korea's Defense Acquisition Program Administration (DAPA) has outlined a requirement for local defence companies to boost *cyberdefence capabilities* and protect indigenous military technologies [Grevatt, 2021].
- Управление программ оборонных закупок Южной Кореи выдвинуло требование к местным компания ОПК по совершенствованию

возможностей киберзащиты и защиты военных технологий местного производства.

- **4.** The increasing use of automation and robotics in software means that workers can be freed up for *higher-level cyber tasks* [Cowan, 2021].
- Растущее использование автоматизированных систем и робототехники в программном обеспечении означает, что сотрудникам не придется выполнять киберзадачи более высокого уровня.

Модель 2. Существительное + предлог + существительное

Примеры 1-4:

- **1.** These cyber indicators cover... *levels of social cyber awareness* [Uren et al., 2017].
- Эти киберпоказатели охватывают... *уровни осведомленности* общества об угрозах в киберпространстве.
- **2.** NATO is planning *a new cyberdefence exercise* that will seek to align more closely electronic warfare (EW) and operations in cyberspace [Cowan, 2021].
- НАТО планирует провести новые *учения по обеспечению кибер- безопасности*, цель которых укрепить взаимодействие между силами и средствами радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и силами и средствами, ведущими операции в киберпространстве.
- **3.** There is also a concerning trend: many governments implement *cyber laws* with too strong an emphasis on censorship and controlling dissent [Uren et al., 2017].
- Сохраняется настораживающая тенденция: многие правительства вводят законы о деятельности в киберпространстве со слишком сильным акцентом на цензуру и сдерживание разногласий.
- **4.** Ministerial briefings indicate that *cybersecurity initiatives* are being implemented [там же].
- Совещания министров показывают, что *инициативы в области кибербезопасности* находятся в процессе реализации.

В качестве приемлемой стилистически обоснованной альтернативы возможно использование при переводе многокомпонентных терминов причастных и деепричастных конструкций или описательного перевода-экспликации.

Модель 3. Использование причастных и деепричастных оборотов

Пример 1–2:

- **1.** Australia announced the formation of the Information Warfare Division, which is responsible for *cyber offence and defence* [Uren et al., 2017].
- Австралия объявила о создании подразделения информационной войны, которое отвечает за *наступательные и оборонительные операции, осуществляемые в киберпространстве*.
- **2.** North Korea's malicious *cyber activity* is a key revenue generator for the regime [Глобаль Секьюрити, URL].
- Неправомерные *действия* Северной Кореи, *осуществляемые в ки- берпространстве*, являются ключевым источником дохода для режима

Модель 4. Экспликация

Пример:

We need to conceive systems that are *cyber-secured by design* [Cowan, 2021].

– Нам необходимо создавать комплексы, которые будут *по умолчанию* и с самого момента их создания поддерживать надлежащий уровень кибербезопасности.

Заключение

Подводя итоги вышесказанному, можем заключить, что перевод новых английских многокомпонентных терминов действительно вызывает определенные трудности у военного переводчика в силу того, что подобные термины не фиксируются в словарях и, как правило, обозначают абсолютно новые явления и реалии.

Для достижения эквивалентности и адекватности перевода недостаточно осуществить дословный перевод исходного материала. В частности это касается многокомпонентных терминов, для перевода которых нужно грамотно выбрать стратегию перевода и детально изучить саму сферу применения данной специальной лексики, так как без надлежащих экстралингвистических знаний военный переводчик не сможет правильно сопоставить английский и русский сигнификаты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Интерфакс: информационная группа: [сайт] (обновляется в течение суток). URL: https://interfax.ru
- 2. *Поляничко М. А.* Применение моделей зрелости для противодействия инсайдерским угрозам информационной безопасности // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. Вып. 4 (82). С. 57–60.
- 5. Christopher J. The Cybersecurity Maturity Model: a Means to Measure and Improve Your Cybersecurity Program // Forbes. 01.11.2018. URL: https://www.forbes.com/sites/forbestechcouncil/2018/11/01/the-cybersecurity-maturity-model-a-means-to-measure-and-improve-your-cybersecurity-program.
- Uren T. et al. Cyber Maturity in the Asia-Pacific Region // The Australian Strategic Policy Institute. 2017. URL: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2017-12/ASPI%20Cyber%20Maturity%202017_AccPDF FA opt.pdf?hDv5 AxfVWgwCA q8it1 H1wkH HwZjb.
- 7. Grevatt J. Seoul looks to enhance protection of military technologies against cyber attacks // Jane's Defence. 2021. URL: https://www.janes.com/defence-news/news-detail/seoul-looks-to-enhance-protection-of-military-technologies-against-cyber-attacks_14765.
- 8. Cowan G. NATO planning new exercise to align electronic warfare, cyber ops // Janes Defence, 19.02.2021. URL: https://www.janes.com/defence-news/news-detail/nato-planning-new-exercise-to-align-electronic-warfare-cyber-ops
- 9. «Глобал Секьюрити»: независимый информационный портал. URL: https://globalsecurity.org/wmd/library/news/dprk/2020/dprk-200302-treas-ury01.html.

REFERENCES

- 1. Interfax Information Services Group official website. https://interfax.ru
- 4. Polyanichko, M. A. (2019). Application of a maturity model to action against internalthreats to information security. International research journal, 4 (82), 57–60. (In Russ.)
- 5. Christopher, J. (2018). The Cybersecurity Maturity Model: A Means To Measure And Improve Your Cybersecurity Program // Forbes. 01.11.2018. https://www.forbes.com/sites/forbestechcouncil/2018/11/01/the-cybersecurity-maturity-model-a-means-to-measure-and-improve-your-cybersecurity-program.
- 6. Uren, T. et al. (2017). Cyber Maturity in the Asia-Pacific Region The Australian Strategic Policy Institute. https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/adaspi/2017-12/ASPI%20Cyber%20Maturity%202017_AccPDF_FA_opt.pdf?hDv5_AxfVWgwCA_q8it1_H1wkH_HwZjb.

- Grevatt, J. (2021). Seoul looks to enhance protection of military technologies against cyber attacks // Jane's Defence. https://www.janes.com/defence-news/ news-detail/seoul-looks-to-enhance-protection-of-military-technologiesagainst-cyber-attacks 14765
- 8. Cowan, G. (2021). NATO planning new exercise to align electronic warfare, cyber ops // Janes Defence. https://www.janes.com/defence-news/news-detail/nato-planning-new-exercise-to-align-electronic-warfare-cyber-ops
- 9. Global Security website. https://globalsecurity.org/wmd/library/news/dprk/2020/dprk-200302-treasury01.html

Информация об авторе

Данилин А. С. – кандидат военных наук, доцент, доцент Военного учебного центра Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Danilin A. S. – PhD (Military Sciences), Associate Professor, Associate Professor at the Military Training Center, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

Научная статья

УДК 81

DOI 10.52070/2542-2197_2021_11_853_84

СИНОНИМИЯ ИНТОНАЦИОННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПОВЕСТОВОВАТЕЛЬНЫХ И ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

М. Ю. Ефремова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, efremovamy@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям интонационной синонимии и эмоционально-стилистическим различиям русской звучащей речи, а также синонимии синтагматического членения. Понятие интонационной синонимии рассматривается как в нейтральных, так и в эмоционально-окрашенных высказываниях. Интонационные особенности раскрываются в повествовательных и вопросительных предложениях, в основе которых лежит взаимодействие лексико-грамматического состава, интонации и их связей в контексте. В работе использовался метод слухового анализа, с помощью которого были определены различные интонационные реализации. Материалом исследования послужили повествовательные и вопросительные предложения из русской разговорной речи.

Ключевые слова: интонационные конструкции, интонационная синонимия, коммуникативный анализ высказывания, эмоциональные реализации

Для цитирования: Ефремова М. Ю. Синонимия интонационных конструкций в повестововательных и вопросительных предложениях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). C. 84–97. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_84

Original article

THE SYNONYMY OF INTONATION CONSTRUCTIONS IN NARRATIVE AND INTERROGATIVE SENTENCES

M. Yu. Efremova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, efremovamy@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the peculiarities of intonation synonymy and emotional and stylistic differences, and synonymy of syntagmatic division in Russian sounding speech. The concept of intonation synonymy is considered in neutral and emotionally-colored statements. Intonation features are revealed in narrative and

interrogative sentences, which are based on the interaction of lexical and grammatical composition, intonation and their connections in the context. The method of auditory analysis was used to determine various intonation implementations. The research material was based on narrative and interrogative sentences from Russian colloquial speech.

Key words: prosodic structures, prosodic synonymy, the analysis of communicative proposition, emotional realization

For citation: Efremova, M. Yu. (2021). The synonymy of intonation constructions in narrative and interrogative sentences. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 84–97. DOI: 10.52070/2542-2197 2021 11 853 84

Введение

Интонация, являющаяся особенностью русской звучащей речи, тесно связана с лексико-грамматическим составом и контекстом. Ярче всего данные особенности раскрываются в повествовательных и вопросительных высказываниях. Для того чтобы показать различия в употреблении интонационной синонимии, необходимо решить следующие задачи: проанализировать лексико-грамматический состав повествовательных и вопросительных предложений, а также рассмотреть использование интонационной синонимии как в нейтральных, так и в эмоционально-окрашенных высказываниях. Метод слухового анализа активно используется при изучении иностранных языков, в частности, при изучении русского языка как иностранного. Подробнее об этом методе писала Е. А. Брызгунова в книге «Звуки и интонация русской речи» [Брызгунова, 1977].

Теоретической базой работы послужила теория Е. А. Брызгуновой, изложенная ею в Русской грамматике [Русская грамматика, 1980, Т. 1 § 150], в которой рассматриваются повествовательные и вопросительные предложения с учетом взаимодействия лексики, синтаксиса, интонации и контекста. До сих пор малоизученной остается проблема интонационной синонимии, учитывающей это взаимодействие в русской звучащей речи.

Важным является рассмотрение интонационной синонимии в нейтральных и эмоционально-стилистических высказываниях, о которых писала Е. А. Брызгунова в работе «Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи» [Брызгунова, 1984].

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные данные могут найти применение в учебно-методической

деятельности при обучении как носителей языка, так и иностранных учащихся. Также данный материал можно использовать при создании учебных пособий и написании словарей. В области русского языка как иностранного (РКИ) данная проблема имеет особенное значение, так как иностранные учащиеся на начальном этапе плохо владеют артикуляционной и интонационной базой русского языка. При обучении русскому языку иностранных учащихся следует обратить внимание на связь лексико-грамматического состава с контекстом и интонацией.

Особенности интонационной синонимии

Обучение русской звучащей речи невозможно без изучения ее фонетических особенностей, и в том числе интонации, которая, в свою очередь, связана с лексико-грамматическим составом высказывания и с контекстом. Благодаря анализу взаимодействия лексики, синтаксиса, интонации и контекста происходит понимание и оценка высказываний. Стоит отметить, что интонация оформляет высказывания и определяет эмоционально-стилистические оттенки.

Существуют такие понятия, как интонационная, лексическая и синтаксическая синонимия. Лексическая синонимия характеризуется тождеством значений, ряды которых могут пополняться благодаря заимствованиям. Все слова синонимического ряда принадлежат к одной части речи. Если учитывать взаимодействие лексики, синтаксиса, интонации и контекста, то можно сказать, что, например, лексическое значение слов со значением предметности имеет более широкие возможности употребления в высказываниях, чем слова, значение которых ограничено употреблением, поскольку они несут в себе различные оценочные оттенки (например, бездельник, лентяй и т. п.).

В коммуникативном анализе языка помимо лексики важным является и синтаксис. При этом обычно под синтаксической синонимией понимают близкие по смыслу, но разные по строению синтаксические единицы. Важным является не синонимичность конструкций, а лексико-грамматическое наполнение таких структур, которые равно употребляются и в повествовательных, и в вопросительных предложениях и различаются только с помощью интонации.

Разнообразие интонационных конструкций (далее – ИК) связано прежде всего с понятием «интонационная синонимия». Обычно под

синонимией понимают тип семантических отношений языковых единиц, которые полностью или частично совпадают в своем значении. О понятии «синонимия» можно говорить, когда значение высказывания с одинаковым лексико-грамматическим составом выражается разными типами ИК. Таким образом, интонационная синонимия — это различные типы интонационных конструкций, которые при взаимодействии с лексико-грамматическим составом предложения и контекстом выражают основное коммуникативное значения высказывания и при этом указывают на различные оттенки значений. Например,

- Откуда он приехал? (вопрос)
 Откуда он приехал? (вопрос с вопросительным словом в официальном стиле речи)
- Открой окно! (императив со значением требования, приказа)
 Открой окно! (императив со значением вежливой просьбы)

Синонимия интонационных конструкций

Возможности синонимии интонационных конструкций в русском языке зависят от общего коммуникативного значения высказывания. Интонационная синонимия, в свою очередь, позволяет выделять разные оттенки коммуникативного значения высказывания. В данных конструкциях интонация играет главную роль при различении оттенков высказывания. Поскольку интонация — «это звуковое средство языка, с помощью которого говорящий и слушающий выделяют в потоке речи высказывание и его смысловые части, противопоставляют высказывания по их цели (повествование, волеизъявление, вопрос) и передают субъективное отношение к высказываемому» [Русская грамматика, 1980, Т. 1 § 150].

Разные типы интонационных конструкций, разное место интонационного центра, варианты синтагматического членения могут порождать интонационную синонимию. Каждый тип ИК вносит свой оттенок в предложение, благодаря этому количество выражаемых оттенков в русском языке очень широкое.

Жарко. (констатация факта)

- 2. \mathcal{K}^{6} арко... (констатация факта с эмоциональным оттенком)
- 3. Жарко. (констатация факта с эмоциональным оттенком)

Интонационная синонимия в русском языке имеет множество оттенков и может выражать большое количество эмоций, которые требуют изучения. Определение различных эмоциональных оттенков зависит от контекста и лексической парадигмы слов. В таких предложениях на письме, как правило, ставится восклицательных знак.

- Весело! (Да, сегодня праздник.)
- Дорого! (Да, опять повышение цен.)

Существует семь основных типов ИК, характеризующих как нейтральную речь:

Omkyda он приехал? (вопрос) Она была doma?

так и эмоциональную речь:

Откуда он приехал? (вопрос с оттенком удивления)

Она была дома? (вопрос с оттенком недоверия, сомнения).

Также существует интонационная синонимия, которая выражена с помощью только эмоциональных типов ИК. Они также в свою очередь создают свою эмоциональную систему употребления различных типов интонации и характеризуют эмоционально-стилистические оттенки звучащей речи. В эмоциональной речи при анализе интонационной синонимии можно выделить два типа эмоциональных реализаций ИК:

Первый тип — это употребление основных типов ИК при выражении различных эмоциональных оттенков.

- 1. Какой сегодня день? (нейтральный вопрос). Суббота. .
- 2. Какой сегодня день? (официальный вопрос)
- 3. C_{n}^{2} дующий. $B_{n}^{1/2}$ паспорт. Пожалуйста.
- 4. Это паспорт жены. Ваш паспорт. Пожалуйста.
- Купи эту книгу. (приказ)

Купи эту книгу. (совет)

6. 3a/мe/чa/meль/но.

Замечательно.

- 7. Откуда он меня знает? Мы с ним не знакомы. Откуда он меня знает? Мы с ним не знакомы.
- 8. Холодно. Сыро. Осень. Холодно. Сыро... Осень.
- Дорого.

 \mathcal{L}'_{0} рого. В сезон скидок куплю.
Это номер телефона или цена? \mathcal{L}'_{0} рого...

Второй тип эмоциональных реализаций — это собственно эмоциональные ИК, которые отличаются от основных по своему артикуляционно-акустическому устройству и определяют различные эмоциональные оттенки речи. Эмоциональные (модальные) реализации, кроме своего рисунка (движение тона в предцентре, центре и постцентре), могут влиять на артикуляционные характеристики отдельных звуков, меняя их.

- B автобусе контролер.
- Учти, в автобусе контролер.
- Имей в виду, она уехала. Ты ее не застанешь.
- Уже поздно.

Например, удлинение гласного центра, изменение фонетической структуры слова, изменение диапазона.

- $C\partial a/na$.
- $3a/4e^{2}M$?
- $C\partial_{ana}^{3}$ экзамены? $C\partial_{ana}^{1}$.
- И он уехал? Даже не предупредив?!—Да, уехал. (верхняя граница диапазона)

- *И он уехал? Как жаль*. (нижняя граница диапазона)
- *Зачем он сказал?* (недовольство)

Зачем он сказал? Не надо было говорить.

Система эмоциональных реализаций ИК мало изучена и, конечно, имеет ограничения в методике преподавания РКИ. Начало изучения эмоциональных типов ИК было положено Е. А. Брызгуновой в работе «Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи» и продолжено в работах ее учеников.

Как известно, интонационная синонимия раскрывается только в одном коммуникативном типе высказывания с одним и тем же лексико-грамматическим составом. Например, в высказывании *так с глаголом* синонимия практически невозможна. Может быть только вариант с ИК-2. В таких конструкциях синтагматическое членение может менять оттенки значений. И, таким образом, можно говорить о синонимии синтагматического членения.

- Так подожди! Так помоги (же)! Так посмотри!
- Так, / посмотри! (приказ, призыв к действию)

Выделение слова так в отдельную синтагму вносит в предложение эмоциональную окрашенность.

Высказывание может меняться с помощью различных интонационных конструкций, изменения места центра, синтагматического членения и порядка слов. В таких высказываниях частицу возможно опустить.

- А когда вы приедете? Наверное, вечером.
- Мы в командировке. А когда вы приедете?

Если «а» выступает в качестве союза, то опустить его невозможно.

- Утром я занята. А вечером?
- Утром я занята. A = 3 вечером?

Союз u также может быть в высказывании союзом и частицей. Выступая в качестве частицы, союз u является синонимом частицы moжe.

И в Осло вы были? – И в Осло.

• И в ${\stackrel{4}{
m O}}$ сло вы были? И в Париже? – Да, везде.

Подобная интонационная синонимия позволяет шире показать возможности самой интонации в рамках одного высказывания. Слово, на котором будет место центра ИК, выделено по смыслу. Примеры интонационной синонимии можно продолжить, изменяя синтагматическое членение, типы ИК, а также, в отдельных случаях, и место центра.

- Название моей звезды / вы знаете?
 - Название моей звезды / вы знаете.
- Название моей звезды / вы знаете?
 - Название моей звезды / вы знаете.

В этих предложениях будут работать ассоциативно-тематические связи и связи взаимоисключающего противопоставления: знаете – не знаете; вы – не вы: он, она, они; звезды – не звезды: планеты, кометы; моей – не моей: его, ее, их. Реализация других интонационных конструкций возможна при изменении порядка слов и синтагматического членения. Это усиливает смысловую важность какой-либо части предложения. Существует много примеров со словом просто, на котором не может находиться центр ИК, так как это слово является частицей.

- Нет, / не волновался. *Просто* теперь / я могу считать, / что точно знаю наше местоположение. До сегодняшнего дня / оно было, в сущности, / неочень понятно. (*Е. Водолазкин «Авиатор»*)
- О чем ты думаешь? Да ни о чем. Мне *просто* не о чем думать /— я ничего не помню. Вот и от Анастасии / осталось только имя. (*Е. Водолазкин «Авиатор»*)
- Арестовали? За что? Он был против коммунистов?
 - Не думаю.
 - За что же его арестовали?
 - Просто так. (С. Довлатов «Наши»)

Приведем примеры, где слово *просто* выделяется интонационно при помощи ИК-3.

• Он был коммунист? — Нет. Он не был комми. И даже не был красным. *Просто* / — образованный человек. Знал латынь... (там же)

Приведем пример, в котором интонационная синонимия слова *простю* ограничена.

• — Кто тут самый бдительный? — начальник / посмотрел на социолога. — Кто потребовал документы? — Да нет, / тут не в том дело, / кто... Вы просто объясните. (В. Шукшин «А поутру они проснулись...»)

Данное высказывание можно представить в другом контексте. Тогда центр ИК-2 будет меняться. Например,

- Вы просто объясните.
- Вы *просто* объясните. Попроще. Я вас не понимаю.
- Да что вы все время выдумаете? Так сложно объясняете. Вы просто объясните.
- Вы объясните просто.
- Я просто объясню.
 Вы / просто объясните? Вы всегда всё усложняете.

Если идет сопоставление *не сложно* – *просто*, то центр ИК будет на слове *просто*.

Не кричите! Вы просто объясните.

Приведем еще один пример, где интонация подчинена семантическому устройству слова. При этом здесь также будет сопоставление не академично, не по-ученому = просто.

- Это ученый разговор? уточнил нервный.
 - Абсолютно ученый, / никакой больше. $\Pi pocmo$ расскажите...
 - Я погожу пока, / сказал нервный. (В. Шукшин «А поутру они проснулись...»)

В этом случае семантическое значение слова *просто* притягивает к себе центр именно ИК-2.

Слово *вдруг* также обладает способностью выражать разные оттенки значения в зависимости от типа ИК, места центра и синтагматического членения.

- A вдруг он приедет? (опасение)
- А вдруг он не приедет? Что тогда? (опасение, неуверенность действии)

Изменение типа ИК и центра ИК усиливает эмоциональное состояние при выражении опасения. Нейтральное эмоциональное состояние выражено ИК-3 с центром на вдруг, а эмоционально окрашенное (или стилистически окрашенное) — с центром на *приедет*. Любая незавершенная синтагма, состоящая из одного слова, словосочетания, одной из частей сложного предложения, может быть выражена с помощью ИК-3, ИК-4, ИК-6 (на слове вдруг). Разные типы ИК могут быть:

- 1. В зависимости от стиля речи: ИК-3 употребляется в нейтральном стиле речи, ИК-4 в официальном, ИК-6 в эмоциональном.
- 2. Выбор ИК из вариативного ряда может зависеть от семантики слов, которые входят в незавершенную синтагму.

Как показывает анализ предложений со словом *вдруг*, наиболее вероятно употребление ИК-3 в повествовательных высказываниях. Резкое повышение тона на гласном характеризуется тем, что это определенным образом связано с семантикой слова *вдруг*, как наиболее типичного случая выражения испуга.

- — Как знаещь... А этого сверхсрочника / я всё равно приморю. Для меня главное в человеке / ответственность... $\mathbf{\mathit{Bopye}}$ / появился $\mathsf{T}^{1/2}$ лик с бутылкой. Было замётно, / что он спешил. (*С. Довлатов «Наши»*)
 - $1. \textit{Вдруг}^{3}$ / появился Толик с бутылкой.
 - 2. И *вдруг* / появился Толик с бутылкой.

Семантика слова вдруг со значением «неожиданно, внезапно» не предполагает его использования с ИК-6, которое используется, например, в сказке.

• Жил-был царь. И $\it вдруг /$ появился $\it T^{1/2}$ обутылкой.

Приведем еще один пример.

• Четвертый год я живу в Нью-Йорке. Четвертый год шлю посылки в Ленинград. И вдруг / приходит бандероль — оттуда. (С. Довлатов «Наши»)

Часто слово вдруг употребляется в сочетании с частицей а.

- Так и осталась девицей. А дальше / уже было поздно. Знакомый кинолог / сказал: А вдруг не разродится, / что тогда?.. Мы имеем право / рисковать своей жизнью. (С. Довлатов «Наши»)
- Тут у меня дикое соображение возникло. А вдруг / она меня с кем-то путает? С каким-то близким / и дорогим человеком? (С. Довлатов «Наши»)

Слово вдруг может стоять рядом с частицей a, которая усиливает полифункциональность слова и выражает боязнь, опасение. При этом, частица a влияет на место центра, так как в сочетании со словом вдруг выражает размышление и / или опасение и выделяется в синтагму. Употребление ИК-6 в таком высказывании выражает значение припоминания.

• А $в \partial p y z /$ она меня с кем-то путает? (припоминание)

Рассмотрим еще один пример, где главную роль играет синтагматическое членение.

• А вдруг Пал Антоныч — Сергеев отец? Вдруг у него, пожилого, была другая жена — еще до Марьи Максимовны? (Т. Толстая «Не кысь»)

Здесь синтагматическое членение может подчеркивать наречие с частицей a (a в ∂ p y ε), выделяя в самостоятельную синтагму; усиливать значение опасения, неожиданности; и уменьшать, стирать значение неожиданности, если употребляется без синтагмы.

- А вдруг / Пал Антоныч / Сергеев отец? (обращаем внимание на лицо)
- А *вдруг* / Пал Антоныч / Сергеев отец?

Приведем пример, где важную роль играет синтагматическое членение.

- 1. *Вдруг* / у него, пожилого, была другая жена еще до Марьи Максимовны? (акцент на опасение)
- 2. *Вдруг*, у него, пожилого, была другая жена еще до Марьи Максимовны?

 $B\partial pyz^3$ у него, пожилого, / была другая жена — еще до Марьи Максимовны? (внимание на возраст)

Заключение

Кроме интонационных реализаций, как нейтральных, так и эмоциональных, в роли усилителя семантического значения высказывания может выступать синонимия синтагматического членения.

Многие учебные пособия, например, Е. А. Брызгуновой, И. В. Одинцовой, Е. Л. Бархударовой, О. Н. Коротковой и других авторов имеют целую систему упражнений, связанных с изложенным материалом [Одинцова, 2020; Бархударова, 2017; Короткова, 2015]. Необходимо отметить, что работа с этим материалом включает различные этапы:

- 1) предварительную работу над постановкой артикуляции различных типов ИК (как нейтральных, так и эмоциональных);
 - 2) анализ и построение текста.

Также важна система анализа звучащих текстов. При этом учитывается знание интонационной транскрипции на основе слухового анализа, что является необходимым условием восприятия звучащих текстов как с точки зрения их смыслового значения, так и интонационного оформления. В учебные тексты необходимо добавлять материал по анализу звучащих текстов, различных по своему лексико-грамматическому и стилистическому устройству. Также важно учитывать выбор интонационных реализаций, как нейтральных, так и эмоциональных, и синтагматического членения речи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Брызгунова Е. А.* Звуки и интонация русской речи. 3-е изд, перераб. М. : Русский язык, 1977.

- 2. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1 § 150. М.: Наука, 1980.
- 3. *Брызгунова Е. А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- 4. Одинцова И. В. Звуки, ритмика, интонация: учебное. 9-е изд. М.: Династия, 2020.
- 5. *Бархударова Е. Л., Короткова О. Н., Красильникова Л. В.* Русский язык как иностранный. Фонетика. Словообразование: учебное пособие. М.: Ключ-С, 2017.
- 6. *Короткова О. Н.* По-русски без акцента! Корректировочный курс русской фонетики и интонации для говорящих на китайском языке. 4-е изд., испр. и доп. СПб. : Златоуст, 2015.
- 7. *Брызгунова Е. А.* Интонация и синтаксис // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 869–902.
- 8. Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967.

REFERENCES

- 1. Bryzgunova, E. A. (1977). Zvuki i intonatsiia russkoi rechi = Sounds and intonation of Russian speech. 3-e izd, pererab. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.)
- 2. Russkaia grammatika (1980). = Russian Grammar. V 2-kh t. Moscow: Nauka. T. 1 § 150. (In Russ.)
- 3. Bryzgunova, E. A. (1984). Emotsional'no-stilisticheskie razlichiia russkoi zvuchashchei rechi = Emotional and stylistic differences of Russian sounding speech. Moscow: Izd-vo MGU. (In Russ.)
- 4. Odintsova, I. V. (2020). Zvuki, ritmika, intonatsiia: uchebnoe posobie = Sounds, rhythm, intonation: a textbook. 9-e izd. Moscow: Dinastiia. (In Russ.)
- 5. Barkhudarova, E. L., Korotkova, O. N., Krasil'nikova, L. V. (2017). Russkii iazyk kak inostrannyi. Fonetika. Slovoobrazovanie: uchebnoe posobie = Russian as a foreign language. Phonetics. Word-formation: a textbook. Moscow: Kliuch-S. (In Russ.)
- 6. Korotkova, O. N. (2015). Po-russki bez aktsenta! Korrektirovochnyi kurs russkoi fonetiki i intonatsii dlia govoriashchikh na kitaiskom iazyke = Russian without an accent! Correction course of Russian phonetics and intonation for Chinese speakers. 4-e izdanie, ispr. i dop. St. Petersburg: Zlatoust. (In Russ.)
- 7. Bryzgunova, E. A. (1999). Intonatsiia i sintaksis = Intonation and syntax. Sovremennyi russkii iazyk. In V.A. Beloshapkovoi (Ed.) (pp. 869–902). 3-e izd., ispr. i dop. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
- 8. Panov, M. V. (1967). Russkaia fonetika = Russian phonetics. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)

Информация об авторе

Ефремова М. Ю. – старший преподаватель кафедры русского языка Института русского языка и культуры Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Information about the author

Efremova M. Yu. – Senior Lecturer of the Department of Russian Language, Institute of Russian language and culture, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

Научная статья

УДК 811.112.2

DOI 10.52070/2542-2197_2021_11_853_98

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ БРЕНДА «ГЕРМАНИЯ – СТРАНА ИДЕЙ» КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ГЕРМАНИИ

М. И. Завьялова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, zavyalova.maria@gmail.com

Аннотация. В работе рассматриваются способы языковой объективации культурных ценностей современной Германии как бренда «Германия – Страна Идей» («Deutschland – Land der Ideen»). Анализ материалов, представленных на сайте имиджевой кампании, позволил выделить тематические группы, которые соотносятся с определенными культурными ценностями страны и объективируются в рамках политики «мягкой силы». Был сделан вывод о том, что пропагандируемые имиджевой кампанией ценности являются привлекательными для большинства стран и культур в условиях глобализации.

Ключевые слова: национальный брендинг, «мягкая сила», культурные ценности, концептуальная метафора

Для цитирования: Завьялова М. И. Языковая реализация бренда «германия – страна идей» как инструмент «мягкой силы» германии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 98–111. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_98

Original article

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE BRAND "GERMANY – LAND OF IDEAS" AS A "SOFT POWER" TOOL

M. I. Zavyalova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, zavyalova.maria@gmail.com

Abstract. The paper looks into the ways of linguistic representation of the cultural values of modern Germany represented as the brand "Germany – Land of Ideas". As a result of the analysis of the materials presented on the web-site dedicated to the image campaign conceptual metaphors were identified which correlate with particular cultural values of the country and are promoted within the "soft power" policy. The given values were considered attractive to people of most nations and religions in the modern globalized world.

Key words: national branding, soft power, cultural values, conceptual metaphor

For citation: Zavyalova, M. I. (2021). Linguistic representation of the Brand "Germany – Land of Ideas" as a "soft power" tool. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 98–111. DOI: 10.52070/2542-2197 2021 11 853 98

Введение

В последнее время санкционная политика стала приоритетным направлением внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности многих стран. Кроме того, на передний план стала выходить демонстрация военной мощи. Это свидетельствует о том, что страны вернулись к средствам так называемой жесткой силы (hard power). Однако на этом фоне все чаще слышны призывы к переходу от демонстрации «жесткой силы» к средствам «мягкой силы» (soft power), которая обеспечивает более эффективный ресурс влияния на внешнеполитические процессы.

Под понятием «мягкой силы», которое было введено американским политологом Джозефом Найем в конце XX века, понимается привлекательность страны, источником которой являются ценности данной страны, ее открытость, инновационность, культура и институты, а также возможность ее граждан раскрыть свой потенциал [Nye, 2002].

«Мягкая сила» является ресурсом, который реализуется на практике при помощи разнообразных инструментов. Одним из таких инструментов является национальный брендинг (nation branding), который представляет страну как бренд. В основе бренда страны, как и бренда продукта, лежат ценности, которые определяют уникальность данной страны и делают ее привлекательной для иностранных ученых, туристов и инвесторов, тем самым увеличивая долю экспорта и обеспечивая дополнительный рост иностранных инвестиций, а также укрепляя позицию страны на мировой политической арене. Таким образом, национальный брендинг ориентирован на формирование позитивного имиджа страны путем трансляции привлекательных ценностей данной страны.

Научный интерес представляет собой культурно обусловленная языковая репрезентация бренда страны как инструмента «мягкой силы» во внешней политике государства. Для этого представляется целесообразным выявить языковые средства объективации культурных ценностей, которые конструируют бренд Германии и делают ее привлекательной для иностранных инвесторов, туристов и исследователей.

Так, работа посвящена исследованию концептуальных метафор, которые используются для создания бренда современной Германии и актуализируют ее национально-культурные ценности. Для выделения

концептуальных метафор группируются вербальные и невербальные средства их реализации. Таким образом, исследуется лингвопрагматический потенциал текстов национального брендинга как инструмента «мягкой силы».

В результате анализа сайта, посвященного имиджевой кампании «Германия — Страна Идей» («Deutschland — Land der Ideen»), были выделены следующие концептуальные метафоры: «Германия как собирательница идей», «Германия как партнер», «Германия как сеть» и «Германия как защитница окружающей среды», которые соотносятся с такими ценностями, как инновационность, партнерство, объединение и устойчивое развитие. Можно предположить, что выделенные ценности в современном мире политической, культурной и экономической интеграции актуальны для представителей многих наций и культур и поэтому транслируются в рамках кампании, цель которой сформировать привлекательный имидж Германии за рубежом.

Бренд «Германия – Страна Идей» («Deutschland – Land der Ideen») как реализация политики «мягкой силы»

В условиях современного мира «мягкая сила» имеет преимущества перед «жесткой силой», поэтому многие страны стараются сделать ее приоритетным направлением своей внешней политики. То, насколько успешно та или иная страна реализует политику «мягкой силы», оценивается при помощи рейтингов «мягкой силы». Дело в том, что сам Джозеф Най не разработал инструмента для измерения «мягкой силы», он лишь предложил несколько критериев, которые могли бы помочь в оценке: число лауреатов Нобелевской премии, хорошая экология, высокая продолжительность жизни, оказание гуманитарной помощи и т.д. В связи с этим несколько научных центров принялись за разработку инструмента оценки. Так, в 2010 году возник рейтинг «мягкой силы» (IfG-Monocle Soft Power Index), создателями которого являются журнал «Монокль» и The Institute for Government. В основе данного рейтинга лежат как объективные, так и субъективные критерии оценки. К первой группе относятся такие критерии, как количество ученых, культура, правительство, бизнес, дипломатия и образование [McClory, 2013]. Субъективной оценке подлежат архитектура, кухня, бренды и т.д. [там же]. Затем более подробную методику оценки предложила глобальная организация Portland. В основе данного рейтинга «мягкой силы» лежат критерии, предложенные Джозефом Наем, а также критерии IfG-Monocle Soft Power Index.

На данный момент Германия занимает высокие позиции в рейтингах «мягкой силы». В рейтинге, который ежегодно публикует международный британский журнал «Монокль», Германия стоит на третьем месте после Японии и Швеции, а по подсчетам международной организации *Portland* Германия занимает третье место, уступая при этом Франции и Великобритании.

Одним из важнейших источников «мягкой силы» Германии является имиджевая кампания «Германия — Страна Идей», которая представляет Германию за рубежом и занимается формированием привлекательного имиджа страны. Идея создания данной кампании зародилась в 2004 году, когда бывший президент ФРГ Хорст Кёлер выступил с инициативой закрепить за Германией статус «Страны Идей», которая поощряет эксперименты и любознательность; смелость, креативность и желание создавать новое, не забывая старые достижения [Köhler, 2004, URL]. Впоследствии данная инициатива была взята за основу постоянной имиджевой кампании. Имиджевая кампания представляет Германию по всему миру; при этом разработчики транслируют информацию от первого лица, в связи с чем активно используется местоимение «wir», которое объединяет конкретного адресанта — авторов имиджевой кампании — и Германию как ее объект.

Следует отметить, что имиджевые кампании являются частью национального брендинга, который призван представлять страну как бренд. Термин «национальный брендинг» был введен в 1996 году антропологом и бывшим политическим советником из Великобритании Саймоном Анхольтом, который определил его как создание позитивного имиджа страны при помощи инструментов маркетинга. Задачей национального брендинга является завоевание внешних рынков, привлечение инвесторов, туристов, новых жителей и квалифицированных мигрантов.

Бренд страны, как и бренд продукта, обладает аксиологической природой и представляет собой «совокупность <...> ценностей, которые отображают своеобразность, неповторимые, оригинальные потребительские характеристики определенной территории» [Митягина, 2017, с. 224].

Таким образом, и «мягкая сила», и национальный брендинг нацелены на формирование позитивного имиджа страны за рубежом благодаря трансляции привлекательных ценностей. При этом «мягкая сила» является ресурсом, для целей реализации которого может использоваться национальный брендинг.

Анализ веб-сайта кампании «Германия – Страна Идей» / «Deutschland – Land der Ideen»

Анализ основывается на выделении концептуальных метафор, которые соотносятся с ценностями, активно пропагандируемыми имиджевой кампанией с целью создания привлекательного бренда Германии. С целью выделения метафор группируются вербальные и невербальные средства их реализации.

Для начала следует обратиться к понятию «концептуальная метафора». В понимании ее основоположников — Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, суть метафоры — это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида [Лакофф, Джонсон, 2004]. Процесс метафорического переноса в таком случае основывается на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели» [Jäkel, 1997, с. 21]. В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника. Таким образом, абстрактные сущности, такие как эмоции, чувства и т. д. концептуализируются посредством известных, конкретных элементов человеческого опыта.

В своей работе Лакофф и Джонсон также описывают основные функции концептуальных метафор. Во-первых, благодаря своей объясняющей функции [Schwarz, 2008] концептуальные метафоры делают более наглядными абстрактные понятия. Во-вторых, благодаря такой функции, как «высвечивание и затемнение», концептуальные метафоры способны сфокусировать наше внимание только на одном аспекте понятия и препятствовать тому, чтобы мы заметили другие аспекты данного понятия, несовместимые с нею. В-третьих, концептуальные метафоры оказывают влияние на наше мышление и, следовательно, поведение, так как они способны реорганизовать наш опыт и даже изменить реальность. В-четвертых, концептуальные метафоры контролируют наше отношение к различным вещам. В этом состоит аксиологический компонент концептуальной метафоры, который восходит к ценностям той культуры, в которой существует

данная метафора. Таким образом, концептуальные метафоры способны отражать ценности культуры и оказывать воздействие на мышление и поведение человека.

В рамках национального брендинга это означает, что специально использованные концептуальные метафоры формируют бренд страны и отражают ее ценности. Таким образом, создается позитивный имидж страны, что способствует продвижению страны на лидирующие позиции рейтингов «мягкой силы».

Концептуальный анализ веб-сайта кампании «Германия – Страна Идей» («Deutschland – Land der Ideen») включает следующие этапы: сначала выделяются вербальные и невербальные средства, которые затем группируются по темам. Эти группы средств составляют концептуальные метафоры, которые коррелируют с пропагандируемыми ценностями.

В результате проведенного анализа удалось выделить следующие основные концептуальные метафоры:

- Германия как собирательница идей;
- Германия как партнер;
- Германия как сеть;
- Германия как защитница окружающей среды.

Концептуальная метафора *Германия как собирательница идей* представляет собой самую многочисленную группу по количеству средств выражения. Дело в том, что из названия имиджевой кампании, которое является первичным компонентом бренда, можно заключить, что в основе кампании лежат идеи. В рамках основной для создания положительного имиджа страны концептуальной метафоры *Германия как собирательница идей* можно выделить и другие метафоры, связанные с концептом «идея», который стоит в центре деятельности кампании.

Германия выступает как собирательница идей, которые представляют для нее большую ценность: она ищет идеи («Gesucht werden Ideen, die Deutschland in die Zukunft führen...») и может идентифицировать хорошие («Als bundesweite Initiative identifizieren wir bereits seit langem beispielhafte Projekte...»). Задача Германии не только собирать хорошие идеи, но и реализовывать их.

Так как идея представляет собой основу деятельности кампании, она представлена на сайте при помощи большого количества концептуальных метафор, которые подчеркивают ее сложную природу

Рис. 1.1, 1.2, 1.3. Невербальные средства формирования концептуальной метафоры «Идея как свет»

Wohin geht die Reise? Deutschland und die Mobilität der Zukunft

Рис. 2.
Невербальное средство формирования концептуальной метафоры «Идея как путь»

и разнообразные функции. Так, метафора Идея как свет подчеркивает, что идея может возникнуть спонтанно в результате озарения, а также может помочь обществу увидеть проблемы и их решение: («Eine einmalige Gelegenheit, seine Aufmerksamkeit auf wichtige Themen und Fragen zu lenken und diese ins Licht der Öffentlichkeit zu rücken» или «Die interaktive Ausstellung zum Thema Nachhaltigkeit beleuchtet 2011 besonders die Bereiche Energie und Umwelt»). Помимо вербальных средств данную концептуальную метафору формируют численные иконические знаки изображения лампочек (см. рис. 1.1-1.3). Электрическая лампочка выступает в качестве знака абстрактного понятия «свет».

Концептуальная метафора «Идея как путь», напротив, подчеркивает то, что в некоторых случаях хорошая идея требует много времени. Прежде чем эта идея возникнет у человека, он должен пройти долгий мыслительный путь (см. рис. 2). При этом новая идея может выступать как новый, неизведанный путь к цели («VOLABO geht einen anderen Weg» или «Daher muss das Bauwesen neue Wege beschreiten»). Предложение: «Auch, wenn es im Projekt die eine oder andere erklärungsbedürftige Situation gab, haben wir an unseren Ansatz geglaubt und haben unseren Weg fortgesetzt» показывает, что часто не обойтись без преград, однако их необходимо преодолеть и продолжить путь к цели. В формировании этой концептуальной метафоры также участвуют визуальные средства.

Поскольку у пути есть начало и конец, идея также может быть началом чего-то большего («Was von der Idee bis zur fertigen Sendung dazugehört...») или конечной пунктом пути («Dies führte uns zu der Idee, die Automatisierung in die Lage zu versetzen...»).

Кроме того, идея может стать основой или частью чего-то большего. На это указывает концептуальная метафора «Идея как часть здания» («Mit dem Projekt "Sinn² — Die barrierefreie Zwei-Sinne-Fahrgastinformation" wurde die Grundlage für eine landesweite, barrierefreie und echtzeitfähige Fahrgastinformation geschaffen» или «Das Konzept... ein wichtiger Baustein auf dem Weg zu einer erfolgreichen Energiewende»).

Хорошие идеи не дают Германии стоять на месте, поэтому идея часто описывается в терминах движения. Например, «Die Idee geht deshalb einen Schritt weiter» или «Das Projekt "Bildungserfolg durch Gestaltung von Vielfalt", das seit 2008 läuft, bietet aber noch mehr». Идея не только двигается сама, но и двигает всё общество («Ideenreichtum wirkt gegen den Stillstand und daran haben sie großen Anteil») и иногда представляется как двигатель («Eine Idee, die Integration voranbringt» или «Wir zeichnen zehn herausragend innovative Projekte aus, die den digitalen Wandel der Mobilität vorantreiben»).

Такое движение не может быть хаотичным, поэтому идея часто представляется как указатель или компас («Diese soll, ebenso wie das gesamte Projekt, ein Kompass, ein Leitsystem für die Kinder sein»). Метафора «Идея как указатель» указывает на то, что идея ведет общество вперед, в будущее («Neben Problemlösungsstrategien für die Gegenwart bietet das Handwerkerinnenhaus Zukunftsorientierung für die Handwerkerinnen von morgen» или «Schließlich steht die Kür der zukunftsweisendsten Projekte Deutschlands…»). Кроме того, идея может служить как помощь для тех, кто не знает верного пути к решению проблемы («Das Projekt "Kompass für russischsprachige Familien" möchte… Orientierungshilfe für das deutsche Schul- und Bildungssystem und das Leben in der hiesigen Gesellschaft vermitteln).

Zurück in die Zukunft Ein Jahr im Land der Ideen

Рис. 3.1, 3.2.
Невербальные средства формирования концептуальной метафоры
«Идея как указатель»

Рис. 4.

Невербальное средство формирования концептуальной метафоры «Идея как мост»

В образовании данной метафоры большую роль сыграли визуальные средства, а именно изображения стрелок (см. рис. 3.1 и 3.2).

Концептуальная метафора «Идея как мост» подчеркивает, что идея может связывать два компонента. Так, например, она может связывать две группы людей и способствовать обмену мнениями: («Eine Idee, die Brücken zwischen Afrika und Europa baut») или («Der africaXchange – Young Leaders Hub... versteht sich als ein Brückenschlag zwischen Deutschund dem afrikanischen land Kontinent»). Иногда такая связь нужна для оказания взаимной помощи: («So schlägt Social-Bee eine Brücke zwischen beiden Seiten...»). Идея как мост может связывать не только людей, но и проблему с ее решением: («Eine Idee, die Digitalisierung, Wirtschaftlichkeit und Nachhaltigintelligente auf keit verbindet»). Иногда одна идея решает несколько проблем сразу: («Damit schlägt das Projekt gleich mehrere Brücken: Hemmnisse Handwerksbetriebe überwinden. zukunftsfähig machen und lokale Firmennetzwerke stärken»).

В формировании данной концептуальной метафоры также участвуют визуальные средства (см. рис. 4). Функцию связи отражает также концептуальная метафора «Идея как сеть». В данном случае идея связывает не два элемента, а несколько и, таким образом, способствует взаимодействию и сотрудничеству, которые так важны в решении проблемы («TriLingo bündelt zudem das Engagement und die Kompetenz von Bürgern aller drei Länder» или «Außerdem versteht sich das Kooperationsprojekt als Interessenvertretung für die jugendlichen Flüchtlinge»).

Важным свойством идеи является возможность ее практического использования. Это свойство идеи отражает концептуальная метафора «Идея как материал». В результате идея опредмечивается, т. е. становится чем-то, что можно потрогать руками и из чего можно сделать что-то еще. Так, например, идея сравнивается с металлом («Eine einzigartige Ideenschmiede, in der die potenziellen Kunden den Ton angeben»), который можно обработать и которому можно придать нужную форму.

A концептуальная метафора «Идея как человек» указывает на еще одно важное свойство идеи — ее дееспособность («Wir brauchen Ideen, die unsere Mobilität effizienter, sauberer und digitaler gestalten können»).

Ввиду такой многогранности и многофункциональности идеи она является ценностью для Германии («Hier können Sie jetzt breit und umfassend unseren "Ideenschatz" aus über 3.000 Projekten durchsuchen und sich inspirieren lassen»). Идеи играют большую роль в благосостоянии и процветании общества, поэтому кампания награждает наиболее выдающиеся идеи призами («Sie macht diese (Ideen) sichtbar, würdigt und vernetzt sie» или «Der Deutsche Mobilitätspreis zeichnet Ideen und Projekte aus, die auf diese Frage innovative Antworten geben»).

Таким образом, центральной ценностью современной Германии является *инновационность*.

Следует отметить, что значение инновационной деятельности в современном обществе стало небывалым в истории. Это обосновано характером господствующей техногенной цивилизации и глобализацией мира. В глобальной борьбе за рынки ресурсов и сбыта акцент переместился на новую парадигму экономического развития, предложенную в начале XX века Й. Шумпетером, в основе которой лежат инновации [Шумпетер 1982].

Другой популярной концептуальной метафорой является также метафора «Германия как партнер». При помощи этой метафоры

подчеркивается желание Германии сотрудничать с авторами идей («Wir entwickeln gemeinsam mit Ihnen Wettbewerbe, die wirken und begeistern» или «Im Schulterschluss wollen wir einen Beitrag leisten, ит die Kommunen in Deutschland zu beflügeln») и помогать им в реализации их идей («Wir unterstützen bei ersten Projektideen sowie der Formulierung und Ausgestaltung von Förderanträgen» или «Wir formulieren übergreifende Strategien, beraten in der Markenbildung und helfen beim Investorenmanagement»). Также при помощи этой идеи показывается готовность Германии взаимодействовать с другими странами, чтобы вместе разрабатывать решения («Von 2007 bis 2010 stellte sich Deutschland in mehreren bedeutenden Metropolen Chinas als innovativer, kreativer und zukunftsorientierter Partner vor»). Метафора

Рис. 5.1, 5.2. Невербальные средства формирования концептуальной метафоры «Германия как сеть»

«Германия как партнер» отражает такую ценность современной Германии, как партнерство.

Частным случаем метафоры «Германия как партнер» является метафора «Германия как сеть», которая подчеркивает способность Германии объединять несколько элементов и, таким образом, оказывать поддержку. Так, Германия может объединять единомышленников, которые готовы внести свой вклад в разработку решений («Land der Ideen macht diese Ideen sichtbar, knüpft neue Maschen in den Beziehungsnetzen, verbindet die Aktiven – und stärkt dadurch Zusammenhalt»). Таким образом,

достигается междисцпиплинарность решений, которая повышает их эффективность («Land der Ideen versteht sich als "Lobby für gute Ideen" und vernetzt gerne interdisziplinäre und kreative Köpfe deutschlandweit»). Кроме того, Германия соединяет авторов идей с их спонсорами («Gemeinsam verfügen die Initiatoren über reichweitenstarke Kanäle und hochkarätige Netzwerke in unterschiedlichen Bereichen»). Данная концептуальная метафора создается также при помощи визуальных

средств: среди них изображение автомобильной карты Европы (см. рис. 5.1) и сетки (см. рис. 5.2). Метафора «Германия как сеть» отражает такую ценность Германии, как *объединение*.

Такие ценности, как *партнерство* и *объединение*, отражают стремление стран к диалогу в условиях глобализованного мира.

На сайте кампании представлены более 200 проектов, посвященных устойчивому развитию. Таким образом, Германия выступает как защитница окружающей среды. Дело в том, что Германия стремится быть лидером в области устойчивого развития, в частности на рынке электромобилей («Deutschland ist nicht nur das Land der Ideen, sondern soll auch zum Leitmarkt für Elektrofahrzeuge werden») и в деле добычи энергии из возобновляемых источников («...Deutschland... nimmt damit eine Vorreiterrolle in der Antriebswende ein»).

Рис. 6.

Невербальное средство формирования концептуальной метафоры «Германия как защитница окружающей среды»

В создании данной концептуальной метафоры большую роль сыграли визуальные средства (см. рис. 6). Метафора «Германия как защитница окружающей среды» отражает такую ценность современной Германии, как устойчивое развитие (Nachhaltigkeit), под которым понимается удовлетворение потребностей людей с учетом сохранения окружающей среды и ресурсов для будущих поколений.

Ввиду экологического кризиса современного мира всё больше стран обращаются к устойчивому развитию и делают всё возможное для защиты и сохранения окружающей среды. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Германия транслирует ценности, которые должны быть привлекательны во всем мире.

Заключение

В результате проведенного исследования было выявлено, что имиджевая кампания «Германия – Страна Идей» способствует созданию привлекательного бренда страны, благодаря чему Германия лидирует в рейтингах «мягкой силы». Кампания пропагандирует ценности, которые отражают уникальность бренда Германии и делают страну привлекательной для иностранных инвесторов, ученых и туристов. Для создания бренда, т.е. пропаганды ценностей Германии используется сайт кампании как наиболее доступный для международного реципиента ресурс.

Анализ вербальных и невербальных средств, представленных на сайте кампании, позволил выделить следующие концептуальные метафоры: «Германия как собирательница идей», «Германия как партнер», «Германия как сеть» и «Германия как защитница окружающей среды». Данные метафоры соотносятся с такими ценностями, как инновационность, партнерство, объединение и устойчивое развитие. Очевидно, что на современном этапе развития мира в условиях интенсивных процессов интеграции и глобализации данные ценности привлекательны для большинства стран.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. *Nye J.* The Paradox of American Power. New York: Oxford University Press, 2002.
- 2. McClory J. The New Persuaders III. London: Institute for Government, 2013.
- 3. *Köhler H.* Ansprache vor der Bundesversammlung nach seiner Wahl zum Bundespräsidenten vom 23. Mai 2004 // Der Bundespräsident. URL: https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Horst-Koehler/Reden/2004/05/20040523 Rede.html
- 4. *Митягина В. А.* Роль ценностей в маркетинге территорий: бренд-слоган региона как фокус // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст: материалы Междунар. науч. конф. Тяньцзинь, 2017. С. 223–230.

- 5. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- 6. Jäkel O. Metapherntheorien. Frankfurt (Main): Suhrkamp, 1997.
- Schwarz M. Einführung in die Kognitive Linguistik. 3. Aufl. Stuttgart: UTB, 2008.
- 8. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

REFERENCES

- Nye, J. (2002). The Paradox of American Power. New York: Oxford University Press.
- 2. McClory, J. (2013). The New Persuaders III. London: Institute for Government.
- 3. Köhler, H. (2004). Ansprache vor der Bundesversammlung nach seiner Wahl zum Bundespräsidenten vom 23. Mai 2004. Der Bundespräsident. https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Horst-Koehler/Reden/2004/05/20040523 Rede.html
- 4. Mityagina, V. A. (2017). The role of values in territory marketing: brand-slogan of a region as a focus. Values in language and culture: linguistic consciousness, communication, text: International Conference Proceedings. Tianjin, Tianjin Foreign Studies University (pp. 223–230). (In Russ.)
- 5. Lakoff, J., Johnson, M. (2004). Metaphors we live by. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- 6. Jäkel, O. (1997). Metapherntheorien. Frankfurt (Main): Suhrkamp.
- 7. Schwarz, M. (2008). Einführung in die Kognitive Linguistik. 3. Aufl. Stuttgart: UTB.
- 8. Schumpeter, J. (1982). The Theory of Economic Development. Moscow: Prospekt. (In Russ.)

Информация об авторе

Завьялова М. И. – аспирант кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Zavyalova M. I. – Postgraduate student, Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021;

одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021

Научная статья

УДК 81.42

DOI 10.52070/2542-2197 2021 11 853 112

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ПАРТИЙНОГО ИМИДЖА (на материале немецкого медиадискурса)

А. А. Клиновская¹, В. В. Стрельцова²

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, 1 anna-klinov 2 @yandex.ru

²wlapschina@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются языковые средства создания имиджа партии ФРГ «Союз 90 / Зеленые» на материале текстов СМИ ФРГ. Имидж рассматривается как конструкт, или целенаправленно формируемый образ, призванный оказать воздействие на избирателей. Задача статьи состоит в рассмотрении становления и развития имиджа партии, прошедшей путь от протестного движения к реальной политической силе.

Ключевые слова: имидж, избирательная кампания, Союз 90, Зеленые, партийная символика, концептуальная метафора, стереотип

Для цитирования: Клиновская А. А., Стрельцова В. В. Лингвистические способы создания партийного имиджа (на материале немецкого медиадискурса) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 112–126. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_112

Original article

LINGUISTIC METHODS OF A PARTY IMAGE CREATION (based on German Media Discourse)

A. A. Klinovskaya¹, V. V. Streltsova²

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, ¹anna-klinov2@yandex.ru ²wlapschina@yandex.ru

Abstract. The paper looks into the phenomenon of image of Germany's Green party. Image is considered to be a construct which is built intentively in order to influence the electorate. The article sets out to show the development of the Green party image from a protest movement to a serious political player. The paper analyzes linguistic means of image construction in German mass media.

Key words: image, election campaign, Green party, party symbolism, cognitive metaphor, stereotype

For citation: Klinovskaya, A. A., Streltsova, V. V. (2021). Linguistic methods of a party image creation (based on German media discourse). Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 112–126. DOI 10.52070/2542-2197_2021_11_853_112

Введение

В современном информационном обществе определяющую роль в формировании общественного мнения играют средства массовой информации. Именно в СМИ конструируется имидж политических субъектов, что влияет на электоральное поведение избирателей. В данной статье объектом исследования является имидж партии ФРГ «Союз 90 / Зеленые» («Вündnis 90 / Die Grünen»). Изучение феномена имиджа предполагает междисциплинарный подход, включающий методы лингвистики, общественно-политических наук, психологии. Феномен массовой коммуникации вызывает интерес у многих лингвистов [Вurkart, 2002; Habscheid, Klemm, 2007]. Актуальность данной статьи определяется подходом к анализу текстов массовой коммуникации с позиции теории социального конструктивизма.

В статье имидж партии «Союз 90 / Зеленые» рассматривается в динамике, что позволяет проследить, как меняются представления о партии, возникшей как крайне разнородное оппозиционное движение и ставшей авторитетным политическим партнером для традиционных партий.

В статье анализируются материалы новостных интернет-порталов ФРГ, таких как *tagesschau.de*, *zeit.de*, *spiegel.de*, *faz.net*, *dw.de*, *taz. de*, *sueddeutsche.de*, посвященные деятельности партии «Зеленые». В общей сложности было проанализировано 90 статей, написанных с года основания партии (1980) до настоящего времени.

Имидж: на пересечении политологии и лингвистики

Имидж является термином социологии и политологии и применяется прежде всего в сфере связей с общественностью (*Public Relations*). Политологи определяют имидж как «...целенаправленно формируемый образ (какого-либо лица, явления или предмета), призванный оказать эмоционально-психическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т. п.» [Политология, 2008, с. 469].

Однако имидж все чаще становится объектом изучения лингвистов. Исследователь имиджа Г. Г. Почепцов отмечает следующее: «Поскольку человек живет не только в мире реальном, но и в мире символическом, мы можем рассматривать имидж как единицу именно этого символического мира» [Почепцов, 2009, с. 17].

Имидж отражает требования массового сознания и целенаправленно внедряется в него при помощи определенного набора стратегий. «Управление имиджем можно представить как интенсивное введение информации с прогнозируемой реакцией на нее» [Почепцов, 2009, с. 50]. Нужный имидж создается при помощи конкретных приемов. «Построение имиджа ведется строго по одному из законов пропаганды, в соответствии с которым нет смысла тратить деньги на разрушение стереотипа, а следует строить свой стереотип с опорой на уже имеющийся» [Почепцов, 2009, с. 27]. Поскольку люди преимущественно получают информацию о политиках из средств массовой информации, а не из личных контактов с ними, нет необходимости менять поведение самих политиков, достаточно изменить их имидж. Особое значение имидж приобретает в ходе избирательной кампании.

Партия «Союз 90 / Зеленые» в СМИ: имидж в динамике

В конце 70-х годов в ФРГ возник ряд общественных движений, протестующих против ядерного вооружения, дискриминации по отношению к женщинам и иммигрантам, бездумного обращения с природными ресурсами, использования атомной энергии и загрязнения окружающей среды. В 1980 году эти протестные движения объединились, основав партию «Зеленые». Уже через три года после основания «Зеленые» прошли в парламент. Первоначально партия не стремилась к власти и видела свою роль исключительно в оппозиции и критике правительства: Ihre Devise: «Keine Macht für niemand», nach dem wohl bekanntesten Lied von Ton, Steine, Scherben, einer Band der Protestbewegung der 1970^{ег} Jahre¹.

Однако непосредственное участие в политической жизни создало необходимость корректировать программу партии в соответствии с внешнеполитическими реалиями. В 1989 году в ГДР была создана партия Союз 90 (Bündnis 90). Объединение двух партий в одну – Союз

 $^{^1} URL: www.sueddeutsche.de/politik/gruene-buendnis-90-parteigeschichte-1.4750533.\\$

90 / Зеленые (Bündnis 90 / Die Grünen) – произошел в 1993 году. Одной из главных составляющих имиджа партии «Зеленые» долгое время было представление о том, что они являются представителями незначительной части населения и ограничиваются лишь темой окружающей среды. Этот имидж поддерживали в СМИ такие перифразы, как Ein-Punkt-Umweltpartei, kleine Volkspartei, eine Milieupartei. «Зеленых» представляли и как популистов: ...weil es viel einfacher ist, mit simplen Antworten zu punkten und die Schwerfälligkeit derer zu denunzieren, die wissen, dass komplexe Probleme komplexe und damit zwangsläufig weniger einfach zu vermittelnde Antworten verlangen¹.

Важным представляется стремление партии «Зеленых» дистанцироваться от рамок, которые неизбежно навязывает ей принцип распределения сил политического спектра. «Зеленые» с помощью пространственной концептуальной метафоры позиционируют себя как передовая партия, привлекательная для всего общества: *Die Grünen sind weder links noch rechts sondern vorn*².

В первое время новая партия вызывала скептическое отношение у представителей средств массовой информации. «Зеленые» вызывали критику и недоверие из-за того, что намеренно провоцировали политический истэблишмент как целями своей партийной программы, так и своим внешним видом. В СМИ представители партии описывались другими политиками и журналистами как сборище разнородных групп — экологов, анархистов, коммунистов, феминисток, левых радикалов. При этом использовались такие отрицательно-оценочные перифразы, как *Ökospinner*, *Müslifresser*, *Bürgerschreck* и *Verbotspartei*. Также недоумение политической элиты спровоцировало избрание «Зелеными» в Бундестаге исключительно женского состава президиума, который был иронично назван депутатами и журналистами *das neue Fraktions-Feminat*, *das «grüne Feminat»*, *der Weiberrat*, *die grüne Weiberherrschaft*³.

При конструировании имиджа партии в СМИ представляет интерес функционирование символики партии. Рассмотрим подробнее

¹ URL: www.tagesspiegel.de/politik/schaeuble-zum-40-geburtstag-der-gruenenheute-sind-sie-eine-stinknormale-partei/25423284.html.

² (Там же).

³ URL: www.spiegel.de/politik/der-weiberrat-wird-es-nicht-leicht-haben -a-68218503-0002-0001-0000-000013508376.

цветовую партийную символику. В случае партии «Зеленых» первой ассоциацией, конечно, будет экологическая программа, однако в контексте это цветообозначение может иметь другие коннотации, не всегда положительные. Рассмотрим в качестве примера следующий контекст: Nachdem sich der psychologische Qualm nach dieser grünen Wahl verzogen hatte¹.

Словосочетание diese grüne Wahl можно понимать, например, и как «неудачный выбор».

Следующий пример представляет собой номинацию политика, где компонент *grün* в сложносоставном окказионализме придает этому обозначению иронически-пренебрежительный оттенок: ... Otto Schily, vom Typus her nie ein klassischer Fichtennadel- und Waldsterbens**grüner**².

Партия «Зеленые» иногда представляется в СМИ как живой организм. Эту концептуальную метафору поддерживает следующий контекст: Die DNA der Grünen ist Umwelt-, Natur-, Klimaschutz³.

Еще один пример, актуализирующий эту метафору, сравнивает партийную программу с корнем растения: Die «verschriftlichte grüne Wurzel» nennt es Michael Kellner, der als Bundesgeschäftsführer die Diskussion für das neue Grundsatzprogramm organisiert hat⁴.

Рассуждая о том, что перспективы партии «Зеленые» на выборах не безграничны, в СМИ используется метафора подсолнуха, который присутствует в логотипе партии: Dass die Sonnenblumen nicht automatisch in den Himmel wachsen, zeigt auch Rheinland-Pfalz 5 .

Официальный символ партии «Зеленых» – подсолнух – используется как маркер единства всех внутрипартийных групп. Следующий пример демонстрирует, насколько сложным представлялось взаимодействие между представителями партии Западной и Восточной Германии в 1990-е годы. Использование в цитируемой далее статье «Mohikaner unter sich – die Grünen verlieren Bündnis 90, die FDP den

 $^{^1}$ URL: www.spiegel.de/politik/der-weiberrat-wird-es-nicht-leicht-haben -a-68218503-0002-0001-0000-000013508376.

 $^{^2}$ URL: www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/zdf-doku-ueber-die-gruenen-ergrautepanther-a-543807.html $\,$

³ URL: www.tagesschau.de/inland/gruene-parteitag-grundsatzprogramm-101. html.

⁴ Tan we

⁵ URL: www.spiegel.de/politik/deutschland/die-gruenen-nach-den-landtagswahlen-kommen-sie-so-ins-kanzleramt-a-e9ff68e4-4669-4ed9-84ef-6f4564a56b59)

letzten Bonus» метафоры «Sonnenblumentopf« позволяет в сжатом виде передать ряд смыслов и коннотаций, правда, не всегда однозначно прогнозируемых автором высказывания: -topf — кастрюля / горшок (подразумевается, что все смешается и станет одним целым); также читатель может вспомнить устойчивое выражение alles in einen Topf werfen (стричь всех под одну гребенку, букв. 'не делать различий'). Таким образом, можно сделать вывод о скептическом отношении журналиста, пишущего о сотрудничестве Йошки Фишера и его восточногерманских коллег: Joschka Fischer schwant schon lange, dass mit seiner Partei im Osten kein Sonnenblumentopf zu gewinnen ist. «Euer Luther hätte mit Eurer Methode nichts erreicht», ermahnte er, im Herbst 1998 am Rande des Bundestagswahlkampfes, den thüringischen Grünen-Chef Olaf Möller. Die Parteifreunde in den neuen Ländern müssten die Sache schon selbst in die Hand nehmen¹.

Представляет интерес использование прецедентного феномена Euer Luther в целях создания дистанции между не только двумя объединениями внутри партии «Зеленых», но и между гражданами одной страны. В итоге автор приходит к неутешительному выводу, что в новых федеральных землях «Зеленые» потеряли позиции и имеют в будущем мало шансов на успех: Vorerst muss Bündnis 90 / Die Grünen konsequent sein, den ostdeutschen Vorsatz des Parteinamens streichen. Sollten die Grünen irgendwann im kommenden Jahrtausend in den neuen Ländern wieder Boden unter die Füße bekommen, hat das mit den Wurzeln der Partei im Osten nichts mehr zu tun².

Истоки низкой популярности в восточной части Германии политик Катрин Геринг-Эккардт³ позднее увидит в по-прежнему неправильном позиционировании «Зеленых» как партии, предлагающей решение только одной проблемы — защиты экологии: «Wir werden im Osten immer noch zu stark als Ein-Punkt-Umweltpartei wahrgenommen⁴».

¹ URL: www.tagesspiegel.de/politik/mohikaner-unter-sich-die-gruenen-verlierenbuendnis-90-die-fdp-den-letzten-bonus/91742.html.

² Там же.

 $^{^3}$ Катрин Геринг-Эккардт — член Бундестага с 1998 года, потом — сопредседатель партийного собрания своей партии в Бундестаге в 2002—2005 годах.

⁴ URL: www.tagesspiegel.de/politik/katrin-goering-eckardt-ueber-ihre-partei-inden-neuen-laendern/130958.html.

В представленном в 1998 году проекте по обновлению политики партии «Зеленых» в области окружающей среды содержится следующее утверждение: Die alte Umweltpolitik lebte vom Umweltskandal, von der daraus entstehenden Konfrontation, vom «Vorführen» der Guten und der Bösen in der Öffentlichkeit. Sie setzte auf den Staat, der, wenn Bürger und «Umweltbewegung» ihn am Ende dazu zwangen, das Gute per Verordnung von oben durchsetzte¹.

Далее утверждается, что защита окружающей среды и успешное решение экономических и социальных проблем тесно связаны. Последовательное развитие — это синоним ключевых понятий общественно-политической жизни, таких как солидарность, общая работа над будущим: Nachhaltigkeit — das ist im 21. Jahrhundert ein anderes Wort für Solidarität, für die gemeinsame Arbeit an einer lebenswerten Zukunft. Nachhaltigkeit ist der Schlüssel zum globalen Überleben und deshalb das zentrale Anliegen grüner Politik².

Участие «Союза 90 / Зеленых» в правительственной коалиции в 1998—2005 годах показало, что партия сможет на равных участвовать в управлении государством только в случае, если будет позиционировать себя как политическая сила, решающая комплекс задач, актуальных для всех групп потенциальных избирателей, способная идти на программный компромисс и объединяющая таким образом общество: Es gibt auch für die Grünen als Machtfaktor kein Entkommen mehr vor der Aufgabe, die seit jeher vor allem Volksparteien gestellt ist: Die Balance zu halten aus Führungsanspruch und Kompromissfähigkeit mit dem Ziel, nicht nur Einzelinteressen Geltung zu verschaffen, sondern das Gemeinwohl im Blick zu haben. Statt ideologisch zu moralisieren oder identitätspolitisch zu polarisieren, gesamtgesellschaftlich zu integrieren³.

Исследуя политическое профилирование качественной немецкой прессы, А. Лютер отмечает, что в ходе предвыборной кампании 1998 года партию «Зеленых» можно назвать «любимчиком» качественных немецких газет. Хотя общий тон оценочных суждений во всех проанализированных автором изданиях скорее негативный и критический (доля негативно-оценочных суждений в два раза превышает долю позитивной оценки), деятельность партии «Зеленых»

¹ URL: www.tagesspiegel.de/politik/im-wortlaut-auszuege-aus-dem-thesenpapier-zur-erneuerung-gruener-umweltpolitik/86634.html, 12.08.1999).

² Там же.

³ Там же.

оценивается в изданиях леволиберального толка преимущественно положительно [Lüter, 2004].

«Зеленые» в Германии сегодня: имидж партии в преддверии парламентских выборов 2021 года

Избирательная кампания партии «Союз 90 / Зеленые» 2020—2021 годов в корне отличалась от предыдущих парламентских выборов. Впервые партия стала настолько популярной, что определенное время занимала второе место в опросах общественного мнения. Партия вступила в предвыборную борьбу с обновленной программой, открыто заявила, что претендует на ведущую роль в будущем правительстве, и выбрала кандидата на пост федерального канцлера. Имидж партии, конструируемый в немецких СМИ, также претерпел значительные изменения. Проанализируем его отдельные компоненты.

Социологические исследования показали, что выбор избирателей определяется скорее имиджем отдельных политиков, а не конкретными достижениями партии [Noelle-Neumann, Donsbach, Kepplinger, 2005]. Этот тезис подтверждают выборы в ландтаг федеральной земли Баден-Вюртемберг, прошедшие в марте 2021 года. На выборах уверенно победила партия «Зеленых» во главе с действующим председателем земельного правительства Винфридом Кречманом. При этом в СМИ подчеркиваются консервативные взгляды политика: Zum einen sind die Grünen in Baden-Württemberg vor allem Winfried Kretschmann. Ohne ihn, das sagen die Landes-Grünen selbst, würden sie wohl nicht regieren. Kretschmann ist vermutlich der konservativste Grüne in der gesamten Partei¹.

В. Кречмана часто называют прагматиком (Chef-Pragmatiker, pragmatischer Grünen-Realo), его имя даже используется как имя нарицательное, символизируя прагматизм в политике: Kommenden Freitag werden die Grünen ihr Wahlprogramm vorstellen. Dann wird sich zeigen, wie viel Pragmatismus, wieviel Kretschmann sich darin wiederfindet².

Партийная программа также выступает неотъемлемой частью имиджа партии. Традиционно с партией «Союз 90 / Зеленые» связывают такие темы, как охрана окружающей среды, сохранение климата, более широкое использование возобновляемых источников энергии, цифровизация, эмансипация, устранение социального неравенства.

 $^{^1}URL: (www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/gruene-landtagswahlen-101.html)\\$

 $^{^2\} URL: www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/gruene-landtagswahlen-101.html$

Поскольку «Зеленые» осенью 2020 года приняли новую партийную программу, ее содержание широко обсуждалось в СМИ. Сопредседатель партии Роберт Хабек метафорично назвал ее «витаминной инъекцией» для утомленной Германии: «Die Regierungsparteien wirken müde, Deutschland wirkt mittelmäßig», sagte Habeck bei der Vorstellung. «Wir legen mit dem Programm eine Vitaminspritze für das Land vor»¹.

Новая программа сочетает стремление к обеспечению рыночной экономики с гарантией социального и экологического благополучия; таким образом, она отражает стремление «Зеленых» сделать партию привлекательной для большего числа граждан:

Alles grüne Wirken zielt deshalb nicht nur auf Klimaschutz, sondern auch auf Mehrheiten. <...> Baerbock und Habeck achten sorgfältig darauf, die Grünen attraktiv zu halten für das, was man gemeinhin die bürgerliche Mitte nennt <...> Im Grundsatzprogramm leuchtet ein modernes Staatsverständnis auf, das den Wert von Daseinsvorsorge neu definiert – und der Marktwirtschaft ökologische und soziale Leitplanken setzt².

Необходимость привлечения широких слоев избирателей диктует и иной стиль общения с потенциальными сторонниками, что наглядно показывает пример из статьи, посвященной номинации кандидата в канцлеры на партийном съезде в июне 2021 года: сопредседатель партии Роберт Хабек выбирает тактическое «Вы» в своей речи вместо принятого на партийных съездах обращения на «ты». Он также выбирает формальное обращение «дамы и господа», а не привычное обращение «друзья». Как он сам потом отметил, он обращается не только к соратникам, но и к «соседям своих родителей»: Und so war es wohl auch eher ein taktisches «Sie», das Habeck in seiner Rede wählte. Kein Duzen, wie sonst üblich auf Grünen-Parteitagen. Er wählte die förmliche Anrede und wandte sich an «meine Damen und Herren». Habeck wollte nicht nur die eigenen Anhänger ansprechen, sondern auch die «Nachbarn meiner Eltern», wie Habeck nach seinem Auftritt in kleiner Runde sagte³.

В прессе ФРГ можно встретить критику в адрес партии «Зеленых» в связи с пересмотром важных программных пунктов, определяющих

¹URL: www.spiegel.de/politik/deutschland/buendnis-90-die-gruenen-wahlprogramm-fuer-klimagerechten-wohlstand-vorgestellt-a-2cbe5a82-3664-4d67-87ee-96e2adb325cb

²URL: taz.de/Grundsatzprogramm-der-Gruenen/!5727103.

³URL: www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/baerbock-kanzlerkandidatin-103.html

их идеологию: Schon seit Längerem wollen sie Macht – ein Wort, was sie früher kaum in den Mund genommen hätten. Und deshalb [...] werden bei den Themen Kriegseinsätze, Gentechnik oder Grundeinkommen, wichtigen Bausteine der grünen DNA also – Konflikte mit weichgespülten Formulierungen unter den Teppich gekehrt¹.

Партия «Зеленых» постепенно меняет свою идеологию и отказывается от прежних идеалов, становясь просто партией, стремящейся к власти: Die Grünen sind nicht der politische Arm der Klimabewegung. Sie sind (mittlerweile) eine Partei – eine wie jede andere, auch wenn sie genau das vor 40 Jahren mit ihrem ersten Grundsatzprogramm unbedingt vermeiden wollten².

Трансформация партийных ценностей подчеркивается при помощи аллюзии. В проанализированном материале этот прием используется в заголовках статей. Например, аллюзия присутствует в заголовке «Wie halten es die Grünen mit Waffenlieferungen?», который отсылает к знаменитому вопросу, заданному Гретхен Фаусту в трагедии И. В. Гёте: «Nun sag, wie hast du's mit der Religion? Du bist ein herzlich guter Mann, allein ich glaub, du hältst nicht viel davon.» Словом Gretchenfrage в немецком языке обозначается вопрос, который должен вскрыть истинные намерения и убеждения адресата. В данном случае речь идет о приоритетах партии во внешней политике: «Зеленые» все еще партия пацифистов или они отказались от своих убеждений, чтобы прийти к власти?³

Эта стратегия отхода от первоначальных убеждений часто получает отрицательную оценку в СМИ. Так, «Зеленые» предстают как партия, вырубающая лес, чтобы построить скоростное шоссе (Straßenbau-Partei). Другие перифразы, подрывающие имидж партии и вызывающие негативные ассоциации: Partei der Besserverdiener, Wünsch-dir-was-Partei, böse grüne Buben, Verbotspartei.

Несмотря на то, что в СМИ припоминают «старые грехи» некогда леворадикальной партии, в публикациях преобладает мнение, что «Зеленые» пересмотрели свои цели и стали более умеренными. Так, на сайте издания Frankfurter allgemeine Zeitung цитируется мнение Ульриха Шульте, автора книги «Зеленая власть. Как экологическая партия хочет изменить страну»: Damit die Grünen auch jenseits ihrer

¹URL: www.tagesschau.de/kommentar/kommentar-gruene-programm-101.html ²Там же.

³Там же.

Kernklientel ankommen, müssen sie **moderat** auftreten **statt radikal**. Schulte stellt anschaulich dar, dass sich die Grünen von rebellischen Anti-Staats-Posen vollständig verabschiedet haben und sich nun **staatstragend**, sogar patriotisch geben¹.

В ходе предвыборной кампании 2020—2021 годов партия открыто ассоциируется в СМИ с таким ранее несовместимым с идеологией «Зеленых» понятием, как власть. Об этом свидетельствует постоянное упоминание лексем Macht, Machtanspruch, Führungsanspruch, Regierungsverantwortung, Anspruch auf die Kanzlerschaft. Показательно в этом плане заявление сопредседателя партии Роберта Хабека на партийном съезде в ноябре 2020 года: «Macht: Das ist in unserem Kosmos oft ein "Igitt"-Begriff gewesen», so Habeck damals, «aber Macht kommt ja von machen»².

В приведенной цитате Роберт Хабек подчеркивает, что отношение к власти и к участию в правительстве со временем кардинально изменилось внутри партии. Если раньше власть вызывала отвращение, то сейчас она воспринимается как возможность внести свой вклад в развитие страны.

Для создания положительной характеристики партии в прессе часто используется перифраз, например, Volkspartei, Liebling der Mittelschicht, Underdog. Заимствование из английского, употребленное сопредседателем партии Робертом Хабеком, характеризует «Зеленых» в контексте цитаты как скрытого фаворита на предстоящих парламентских выборах: «Natürlich sind wir der Underdog.» Doch manchmal schlage Holstein Kiel auch Bayern München – «es besteht die Chance, das Unwahrscheinliche möglich zu machen», sagte Habeck³.

В приведенном контексте сопредседатель партии «Зеленые» переводит противостояние в сфере политики в близкую всем избирателям область футбола, говоря о том, что иногда даже малоизвестная футбольная команда может выиграть у чемпиона страны. Эта параллель придает политическому дискурсу элемент развлекательности.

11

¹URL: www.faz.net/aktuell/politik/politische-buecher/die-gruene-macht-17240190-p2.html

²URL: www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/gruene-eigenheim-debatte-101.html

 $^{^3} URL: www.faz.net/aktuell/politik/inland/kanzleramt-im-blick-alles-scheint-moeglich-fuer-die-gruenen-17246230.html\\$

После удачных для партии выборов в земельные парламенты имидж «Зеленых» в СМИ получает эксплицитную положительную оценку: Der Zeitgeist ist grün... Sie beherrschen derzeit ein perfektes «Storytelling» – und sind vergleichsweise unverbraucht¹.

Положительной коннотацией обладают также такие лексемы, как Wahlkampfprofi, Grünen-Ikone, der grüne Übervater (Winfried Kretschmann). Результаты выборов в парламент федеральной земли Баден-Вюртемберг отражает следующий подзаголовок: Es grünt im Südwesten: Mitten in der Coronapandemie schafft Winfried Kretschmann seinen dritten Wahlsieg in Baden-Württemberg².

Неотъемлемой частью имиджа «Зеленых» являются противоречия внутри партии, уходящие корнями в историю ее создания и развития. Партия разделена на два фланга — фундаменталисты и реалисты.

Традиционно спорным является вопрос членства Германии в НАТО и ее участия в вооруженных конфликтах. В связи с планируемым размещением на территории ФРГ ядерного оружия США журнал Шпигель отмечает нарастающие противоречия среди членов партии: Für einen kurzen Moment sah es aus, als lodere die alte Flügellogik der Grünen wieder auf: linker Flügel gegen die pragmatischeren Realos³.

Еще один спорный вопрос – как объединить традиционно негативное отношение «Зеленых» к генной инженерии с принятием рыночной экономики. Тормозить экономическое развитие будет и обещанный в партийной программе переход к более дорогим возобновляемым источникам энергии, что отмечается в СМИ: Wenn die Grünen in der Einleitung schreiben «Wir wissen, wie man eine Industriegesellschaft sicher ins Zeitalter der Klimaneutralität führt», dann darf man das getrost als Kokolores bezeichnen⁴.

¹URL: www.faz.net/aktuell/rhein-main/die-gruenen-bei-der-kommunalwahl-in-hessen-der-zeitgeist-ist-gruen-17244882.html

²URL: www.spiegel.de/politik/deutschland/baden-wuerttemberg-winfried-kret-schmanns-sieg-festigt-position-in-gruenem-stammland-a-ddb1af28-29bb-4aeb-a20a-08c2c76dd91d

³URL: www.spiegel.de/politik/deutschland/die-gruenen-im-superwahljahr-die-nervoese-partei-a-28d9c6d2-2910-4943-93b4-1c26d5382b5f

⁴URL: www.spiegel.de/politik/deutschland/warum-sich-die-gruenen-bewusstdem-politischen-gegner-ausliefern-wahlprogramm-a-badffbe3-125c-47f5-bf91-c03c713fba02

Автор аналитической статьи прибегает к разговорной лексике и открыто называет введение к партийной программе «чушью». Представители других партий также не стесняются в выражениях. Приведем в пример высказывание представителя партии СДПГ, в котором он обвиняет партию «Зеленые» в популизме и лицемерии: «Die Grünen sind an **Populismus** und **Scheinheiligkeit** wieder einmal nicht zu überbieten», sagte SPD-Fraktionsvize Sören Bartol dem SPIEGEL¹.

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало, каким образом в медиадискурсе ФРГ освещалась деятельность партии «Союз 90 / Зеленые». Если в начале своего существования «Зеленые» были «партией одного программного пункта» и политическим объединением определенной социальной группы, то позднее необходимость расширения собственного электората и условия все более широкого участия в политической жизни заставили «Зеленых» жертвовать первоначальными идеалами и корректировать свою политику. На сегодняшний день существует точка зрения, что партия стала более умеренной, о чем свидетельствуют принятие новой партийной программы, предвыборные заявления партийного руководства о стремлении «Зеленых» к управлению страной.

Можно утверждать, что ироничная позиция СМИ по отношению к возникшей 40 лет назад оппозиционной партии, воспринимавшейся как «ненастоящая» партия, которая быстро сойдет с политической арены, постепенно уступила место пониманию серьезности ее целей. В 2020 году в статьях, посвященных 40-летию со дня основания партии, «Зеленые» позиционируются как народная партия (Volkspartei), а ее руководство предстает как истэблишмент (Establishment).

Следует отметить, что журналисты часто обращают внимание на несоответствие высказываний и действий ведущих политиков «Зеленых» традиционным взглядам партии. С точки зрения формирования представлений о партии это, скорее, положительный момент, так как прием разрушения стереотипного представления вызывает интерес избирателя.

²URL: www.spiegel.de/politik/deutschland/gruene-anton-hofreiter-stoesst-mit-aussage-zu-eigenheimen-auf-scharfe-kritik-a-73666bfb-7118-47f6-813e-1aa2bb2dbf09

Важными средствами при освещении деятельности партии Bündnis 90 / die Grünen являются способы словообразования, оценочная лексика, концептуальная метафора, аллюзия, а также символика партии, в том числе цветовая символика.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. *Burkart R*. Kommunikationswissenschaft: Grundlagen und Problemfelder. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2002.
- 2. *Habscheid St., Klemm* M. Politische Kommunikation in der Mediengesellschaft: Problemhintergrund, Fragestellungen, Analyseansätze // Stephan Habscheid, Michael Klemm (Hgg.) Sprachhandeln und Medienstrukturen in der politischen Kommunikation. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2007. S. 1–9.
- 3. Политология: учебник / под ред. С. Г. Киселева. М.: ТК Велби: Проспект, 2008.
- 4. *Почепцов Г. Г.* Имиджелогия. М.: СмартБук, 2009.
- 5. Lüter A. Politische Profilbildung jenseits der Parteien? Redaktionelle Linien in Kommentaren deutscher Qualitätszeitungen // Christiane Eilders, Friedhelm Neidhardt, Barbara Pfetsch (Hgg.) Die Stimme der Medien: Pressekommentare und politische Öffentlichkeit in der Bundesrepublik. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. S. 167–195. (In Germ.)
- 6. Noelle-Neumann E., Donsbach W., Kepplinger H. M. Wählerstimmungen in der Mediendemokratie // Wählerstimmungen in der Mediendemokratie: Analyse auf der Basis des Bundeswahlkampfs 2002. München: Verlag Karl Alber, 2005. S. 9–16. (In Germ.)

REFERENCES

- 1. Burkart, R. (2002). Kommunikationswissenschaft: Grundlagen und Problemfelder. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag. (In Germ.)
- 2. Habscheid, St., Klemm, M. (2007). Politische Kommunikation in der Mediengesellschaft: Problemhintergrund, Fragestellungen, Analyseansätze // Stephan Habscheid, Michael Klemm (Hgg.) Sprachhandeln und Medienstrukturen in der politischen Kommunikation (S. 1–9). Tübingen: Max Niemeyer Verlag. (In Germ.)
- 3. Kiselyov, S. G. (Ed.) (2008). Politologiya: uchebnik = Political science: Textbook. Moscow: TK Welbi, Prospekt. (In Russ.)
- 4. Pocheptsov, G. G. (2009). Imidzhelogiya = Imageology. Moscow: SmartBuk. (In Russ.)
- 5. Lüter, A. (2004). Politische Profilbildung jenseits der Parteien? Redaktionelle Linien in Kommentaren deutscher Qualitätszeitungen. Christiane Eilders,

- Friedhelm Neidhardt, Barbara Pfetsch (Hgg.) Die Stimme der Medien: Pressekommentare und politische Öffentlichkeit in der Bundesrepublik. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften (S. 167–195). (In Germ.)
- Noelle-Neumann, E., Donsbach, W., Kepplinger, H. M. (2005). Wählerstimmungen in der Mediendemokratie. In: Wählerstimmungen in der Mediendemokratie: Analyse auf der Basis des Bundeswahlkampfs (S. 9–16). München: Verlag Karl Alber. (In Germ.)

Информация об авторах

Клиновская А. А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Стрельцова В. В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Klinovskaya A. A. – PhD (Philology), Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics, Faculty of German Language, Moscow State Linguistic University

Streltsova V. V. – PhD (Philology), Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics, Faculty of German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.52070/2542-2197_2021_11_853_127

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММНЫХ РЕШЕНИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА

(на материале лексики подъязыка «логистика»)

О. И. Кузьмин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, oleg.kuzmin.999@mail.ru

Аннотация. Перевод текстов предметных областей, выполненный с помощью систем машинного перевода, не всегда является идеальным вследствие терминологического разнообразия семантических полей подъязыков и наличия богатой контекстуальной синонимии. Самостоятельный поиск ошибок и последующее редактирование текстов отнимают у переводчиков много времени. Для автоматизации процесса, оптимизации времени и облегчения работы с текстами предметных областей был разработан программный продукт, который способен улучшить качество конечного результата.

Ключевые слова: машинный перевод, автоматизированный перевод, предметная область, терминологический глоссарий, семантическое поле

Для цитирования: Кузьмин О.И.Опыт применения программных решений для повышения качества перевода (на материале лексики подъязыка «логистика») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 127–136. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_127

Original article

THE EXPERIENCE OF USING SOFTWARE SOLUTIONS TO IMPROVE THE QUALITY OF TRANSLATION (based on the vocabulary of the sublanguage «logistics»)

O I Kuzmin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, oleg.kuzmin.999@mail.ru

Abstract. Translation of subject areas texts performed by using machine translation systems is not always ideal due to the terminological diversity of semantic fields of sublanguages and the presence of a rich contextual synonymy. The search of errors and post-editing of the text takes a lot of time. To automate the process, optimize time

and facilitate work with texts of subject areas, a software product has been developed that is aimed to improving the quality of the final text.

Key words: machine translation, automated translation, subject area, terminological glossary, semantic field

For citation: Kuzmin, O. I. (2021). The experience of using software solutions to improve the quality of translation (based on the vocabulary of the sublanguage «logistics»). Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 127–136.

DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_127

Введение

Приступая к переводу текста на иностранном языке, прежде всего стоит определить, для каких целей выполняется перевод, так как от этого будут зависеть критерии оценки его качества. Результат, полученный с помощью систем машинного перевода, варьируется от отличного до посредственного. Почти идеальным будет являться перевод, который необходим для поверхностного ознакомления с содержанием текста, и совершенно непригодным, если текст будет использоваться в юридически значимых международных документах или для публикации результатов научного труда. Однако даже самый приблизительный перевод можно использовать для работы как подстрочник, если в нем содержится достаточно ключевой информации для использования в рамках предметной области. Благодаря этой технологии можно легко восстановить содержание полного текста и оценить его информационную значимость для реципиента. Категоризация текстов необходима для определения его пригодности для машинного перевода и предварительной оценки результатов его работы.

Кроме того, необходимо определить предметную область текста, к которой он относится. Стоит отметить, что за последние годы была проделана существенная работа, связанная с повышением качества машинного перевода с одного языка на другой. Нейронные системы машинного перевода, такие как Яндекс. Переводчик и Google Translate, обученные на статистической базе данных Интернета, уже могут выдавать приличные результаты перевода, которые способны конкурировать с человеком [Zong, 2018]. Однако область применения данных программ остается достаточно узкой. Они применяются там, где важны скорость перевода и моментальный результат, но не столь важно качество. Машинный перевод сегодня успешно

используется в новостных лентах и информационных сообщениях в аэропортах, на вокзалах, в залах ожидания и др.

Стоит отметить, что машинный перевод может справиться далеко не со всеми текстами. Творческие аспекты человеческого мышления, такие как специальные устойчивые обороты, метафоры, особый авторский стиль, напрямую влияют на качество перевода [Calude, 2003]. Тексты, которым свойственны последовательность и однозначность, наиболее соответствуют требованиям машинного перевода. Это могут быть как научные и технические, так и образовательные тексты. Публицистический стиль, в котором много специфических словосочетаний, прямой речи и диалогов, также может быть использован для ознакомительного перевода, однако в этом случае уже потребуется ручная правка с помощью словаря [Koponen, Salmi, Nikulin, 2019]. Художественную литературу, к сожалению, невозможно переводить автоматическим путем. Несомненно, что литературный перевод требует от человека большего вклада, творческих способностей, лингвистического таланта и умения работать с языком. Машинный перевод в этом случае выступает в роли словаря [Toral, Way, 2015].

Несмотря на популярность систем машинного перевода (МП) и на то, что они широко применяются для решения переводческих задач, качество конечного текста часто остается неудовлетворительным. В этой связи разработчики продолжают отыскивать способы автоматизировать процесс ручного поиска и классификации ошибок, повысить качество и разработать новые методы оценки результатов перевода [Ророvіć, 2018]. Потребность в более точном переводе существует во многих сферах, таких как международные отношения, политика, экономика, торговля и логистика. Оттенки значений слова могут меняться в зависимости от предметной области и радикально изменить значение текста, что может привести к искажению смысла. Чтобы не допускать профессиональных ошибок при работе с текстами, необходима специализированная экспертная программа, которая поможет в ликвидации подобных ошибок и приведет к более точному изложению собственных мыслей в рамках предметной области на иностранном языке. Используя специальные автоматизированные словари, которые являются частью функционала программы, можно получить полностью связный перевод, который потребует лишь небольшой редакторской правки. Благодаря этому существенно возрастет качество и сократится время проверки переведенного текста.

Рекомендации по работе с текстами машинного перевода и составлению терминологических глоссариев

Семантическое поле подъязыка «логистика» является сложным и многообразным. При переводе различных текстов на немецком и английском языке встречаются синонимические ряды терминов, которые в каждом отдельном случае переводятся по-особенному. Проведенный в ходе работы над диссертационным исследованием анализ многоязычных текстов, переведенных с помощью систем машинного перевода, и текстов, которые были переведены людьми-экспертами в данной области, носителями языка, были отмечены расхождения, которые влияли на восприятие текста читателем на уровне семантики. Так, в процессе работы с текстами машинного перевода подъязыка «логистика» были выявлены лингвистические неточности, на основе которых была составлена классификация основных ошибок.

Учитывая тот факт, что большинство ошибок относятся к области семантики, возникла потребность в разработке и реализации специализированного программного продукта, задачами которого станут: а) выявление ошибок при переводе многозначных терминов предметных областей; б) рекомендации по замене терминов на более точные, которые соответствуют данной предметной области. Для создания данной программы были проанализированы существующие на сегодняшний день автоматизированные решения, изучены принципы работы систем машинного и автоматизированного перевода, выявлены их ключевые особенности, преимущества и недостатки. Во-первых, были исследованы основные системы онлайн машинного перевода (PROMT, Яндекс. Переводчик, Google Translate), составлена классификация типов ошибок, отмечен ряд семантических неточностей при переводе многозначных терминов предметных областей. Во-вторых, исследованы наиболее популярные программы на рынке автоматизированного перевода SmartCAT, SDL Trados, MemSource, MemoQ, OmegaT, WordFast, DejaVu, MetatTexis и др., проведена переводческая работа с помощью данных программ. В ходе практического применения систем была отмечена необходимость, а также практическая целесообразность использования функции глоссария и памяти переводов при работе с текстами предметных областей.

В ходе работы с семантическим полем предметной области «логистика» были выявлены некоторые лексические особенности

и устойчивые сочетания, которые переводятся автоматическими системами неверно [Quinlan, O'Brien, 1993]. На основе проанализированных баз данных и текстов (около 20 текстов на трех языках: немецкий, английский и русский) был составлен семантический глоссарий, включающий более 100 слов и словосочетаний на немецком, русском и английском языках, которые встречаются наиболее часто при переводе текстов предметной области «логистика» на иностранные языки и при ведении межгосударственного документооборота.

При разработке глоссария предметной области были отобраны синонимические ряды, исследованы аналогичные базы данных и глоссарий предметной области, в которых встречаются схожие лексические единицы, были отмечены определенные особенности формирования подобных баз. Так, например, если система автоматизированного перевода работает с несколькими словарями, то для правильного выбора эквивалента перевода необходимо минимизировать наложение словарей друг на друга и создать правильную иерархию. На первом месте должен быть словарь текущего текста, на втором – тематический (предметной области), на третьем – словарь общеупотребительных понятий. Например, при переводе текста о железнодорожных грузоперевозках прежде всего необходимо использовать специальный словарь «Железная дорога», затем – «Транспорт», «Логистика» и в конце – общий словарь. Объём узкоспециализированных пользовательских словарей достаточно мал, в отличие от общего. Для эффективности работы словарей необходимо их ранжировать от частного к общему. Несмотря на эффективность работы такой схемы стоит отметить, что встречаются некоторые лексические единицы, которые отсутствуют в общих и специальных словарях. Вследствие этого большое количество терминологических единиц автоматические системы переводят неправильно.

Добавляя новое слово в пользовательский словарь, необходимо провести поисково-аналитическую работу с целью выявления уникальности данной лексической единицы. Некоторые слова можно встретить в предметной области лишь несколько раз, другие же встречаются в каждом абзаце и предложении. Ранжирование слов по частотности является важным фактором в достижении эффективности при работе с системами машинного перевода. Правильная работа с системой машинного перевода состоит в том, чтобы дифференцировать

общее и частное. В глоссарий вносятся только постоянно встречающиеся эквиваленты перевода, единичные, в большинстве случаев, исправляются редактором вручную. Выполняя поисковую работу слов, которые были добавлены в автоматизированный глоссарий подъязыка «логистика», необходимо ориентироваться на данный набор правил.

Ключевые особенности и функционал программы автоматизированного перевода предметной области

После формирования базы данных была задействована специализированная программа для исправления неточностей, которые допустил машинный перевод. Основой создания программы послужили существующие автоматизированные системы (Computer-Assisted Translation), которые задействуют векторное представление слов (Word2Vec) [Mikolov et al., 2013] и возможность поиска слов в базах данных по N-граммам (попарной лексической сочетаемости), а также технологию «памяти переводов» или «накопитель переводов» (translation memory). После анализа существующих систем было разработано собственное техническое задание для программы автоматизированного перевода для подъязыка «логистика».

Основной задачей программы стала сегментация текста на значимые синтаксические и смысловые единицы (абзацы и предложения). Второй столбик необходим для вписывания перевода напротив исходного текста. Если переводчик будет не согласен с версией, которую предоставила система машинного перевода, то он сможет самостоятельно отредактировать вариант по своему усмотрению. Для более точного перевода была добавлена функция «памяти переводов», которая сохраняет успешно переведенные и подтвержденные сегменты параллельных билингвистических текстов. К подтвержденному сегменту можно вернуться для проверки или редактирования перевода. Проверенный и подтвержденный сегмент может быть использован из «памяти переводов» неограниченное количество раз, что делает процесс перевода текста автоматическим и ускоряет время, необходимое для его редактирования. В базе данных переведенных текстов можно выполнять поиск сегментов, которые частично или полностью совпадают с уже переведенным и предлагать подсказки по их переводу. Кроме того, есть функция подстановки слов из существующих или добавленных глоссариев, возможность подключения терминологической базы на нескольких языках. В случае выявления совпадения какого-либо слова программа должна предлагать заменить полученный вариант на более точный из терминологической базы глоссария, которая соответствует данной предметной области. Невозможно обойтись и без технологии проверки орфографии, подключая модуль проверки правописания Word на том языке, на который пользователь осуществлял перевод.

В конечном итоге после завершения редактирования текста с помощью разработанной программы было выявлено, что благодаря созданному глоссарию качество текста, несомненно, выросло. По окончанию составления более обширной терминологической базы и задействования большего количества специализированных текстов планируется проведение экспертной оценки, что поможет статистически и экспериментально подкрепить необходимость дальнейшего улучшения и развития данной программы. Для содержательного анализа двух текстов и практического подтверждения целесообразности использования программы предлагается провести опрос специалистов в области подъязыка «логистика» с предоставлением им для ознакомления текстов машинного перевода и текстов, выполненных с использованием программы со встроенным глоссарием предметной области. Опрос покажет значимость практического использования и дальнейшего усовершенствования данной системы, в том числе, с целью разработки и применения новых глоссариев других предметных областей. На основе полученных статистических данных и выборки планируется построение вариационного статистического ряда, что наглядно продемонстрирует эффективность и значимость разработанного продукта.

Заключение

Тексты машинного перевода не являются идеальными вследствие многих причин, в частности, из-за сложности естественного языка и лингвистических особенностей подъязыков. Несомненно, перевод человека-эксперта будет оставаться лучшим при сопоставлении человека и машины. Ручная редакторская правка является эффективным способом ликвидации ошибок, однако требует значительного количества времени [White, John, 2003]. Разработка и применение

экспертных программ для перевода текстов подъязыков будет именно тем решением, которого сегодня не хватает на рынке автоматизированного перевода.

Несомненно, что разработанная программа для перевода текстов подъязыка «логистика» должна показать при задействовании большей выборки текстов свою практическую значимость и тем самым доказать перспективность дальнейшей разработки в рамках не только данной предметной области, но и за ее пределами. Стоит отметить, что отдельные глоссарии уже существуют для отдельных областей знаний и предлагаются пользователям на коммерческой основе. Однако до сих пор не предполагалось попыток создания отдельной специальной программы, которая была бы направлена на решение лингвистической вопросов перевода в рамках одной предметной области. Исходя их уникальности проводимого исследования и полученных промежуточных результатов стоит отметить перспективность разработки и улучшения данной программы, которая будет в полной мере решать поставленные перед ней задачи и предоставлять готовый продукт.

Что касается перспектив дальнейшего усовершенствования подобных программ и рынка автоматизированного перевода в целом, то в этой связи стоит отметить интеграцию специализированных программ перевода, которые имеют более широкий и профессиональный инструментарий с системами машинного перевода на платформе единого сервиса. Усовершенствование работы с базами данных и корпусами текстов является перспективным направлением исследований [Наскеп, 2004]. Эта синергия в дальнейшем способна предложить наибольшую точность перевода предметных областей с минимальной редакторской правкой, что позволит сэкономить время и человеческий ресурс при работе с большим количеством документации на иностранных языках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Zong Z. Research on the Relations Between Machine Translation and Human Translation. Journal of Physics: Conference Series. 2018. 062046. Doi: 10.1088/1742-6596/1087/6/062046
- 2. *Calude Andreea S.* Machine translation of various text genres, Te Reo. 2003, Vol. 46, P. 67–94.
- 3. Koponen M., Salmi L. & Nikulin M. A product and process analysis of posteditor corrections on neural, statistical and rule-based machine translation

- output // Machine Translation. 2019. # 33. P. 61–90. Doi.org/10.1007/s10590-019-09228-7
- 4. *Toral A., Way A.* Machine-assisted translation of literary text: A case study // Translation Spaces. # 4. P. 240–267. 10.1075/ts.4.2.04tor
- 5. *Popović M.* Error Classification and Analysis for Machine Translation Quality Assessment. In: Moorkens J., Castilho S., Gaspari F., Doherty S. (eds) Translation Quality Assessment // Machine Translation: Technologies and Applications. Vol 1. Springer, 2018. Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-91241-7 7
- 6. *Quinlan E., O'Brien S.* Sublanguage: Characteristics and Selection Guidelines for M.T. In: Ryan K., Sutcliffe R.F.E. (eds) AI and Cognitive Science '92. Workshops in Computing. Springer, London. 1993. https://doi.org/10.1007/978-1-4471-3207-3 36
- 7. *Mikolov T. et al.* Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space / *T. Mikolov, K. Chen, G. Corrado, J. Dean.* In Proceedings of Workshop at ICLR. 2013a.
- 8. White John. S. How to evaluate machine translation, in Somers, Harold (ed), Computers and translation a translator's guide, Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2003. P. 211–244.
- 9. *Hacken P.* Computers and translation: A translator's guide. System. 2004. # 32. P. 462–465. 10.1016/j.system.2004.06.004.

REFERENCES

- 1. Zong, Z. (2018). Research on the Relations Between Machine Translation and Human Translation. Journal of Physics: Conference Series, 1087. 062046. 10.1088/1742-6596/1087/6/062046.
- 2. Calude, Andreea S. (2003). Machine translation of various text genres, Te Reo (pp. 67–94). Vol. 46.
- Koponen, M., Salmi, L. & Nikulin, M. (2019). A product and process analysis
 of post-editor corrections on neural, statistical and rule-based machine
 translation output. In: Machine Translation, 33, 61–90. https://doi.org/10.1007/ s10590-019-09228-7
- 4. Toral, A., Way, A. (2015). Machine-assisted translation of literary text: A case study. In: Translation Spaces, 4, 240–267. 10.1075/ts.4.2.04tor
- Popović, M. (2018). Error Classification and Analysis for Machine Translation Quality Assessment / J. Moorkens, S. Castilho, F. Gaspari, S. Doherty (eds). Translation Quality Assessment. In: Machine Translation: Technologies and Applications. Vol 1. Springer. Cham. https://doi. org/10.1007/978-3-319-91241-7
- 6. Quinlan, E., O'Brien, S. (1993) Sublanguage: Characteristics and Selection Guidelines for M.T. / K.Ryan, R.F.E. Sutcliffe (eds). AI and Cognitive

- Science '92. Workshops in Computing. Springer, London. https://doi. org/10.1007/978-1-4471-3207-3 36
- 7. Mikolov T. et al. (2013a). Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space / T. Mikolov, K. Chen, G. Corrado, J. Dean In: Proceedings of Workshop at ICLR. 2013a.
- 8. White, John. S. (2003). How to evaluate machine translation, in Somers, Harold (ed), Computers and translation a translator's guide (pp. 211–244). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- 18. Hacken, P. (2004). Computers and translation: A translator's guide. System, 32, 462–465. 10.1016/j.system.2004.06.004.

Информация об авторе

Кузьмин О. И. – аспират кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета

Information about the author:

Kuzmin O.I. – Post-graduate Student of the Department of Applied and Experimental Linguistics Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.52070/2542-2197_2021_11_853_137

ПЕРЦЕПТИВНО-СЛУХОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ: ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И.В. Курьянова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,

«Московский исследовательский центр» Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции, Москва, Россия, ivkuryanova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена возможности перцептивно-слухового восприятия речи на незнакомом языке с целью дальнейшей идентификации говорящих по голосу и речи. Представлены особенности перцептивно-слухового восприятия применительно к иноязычной речи с опорой на просодические характеристики голоса. Кратко описаны результаты экспериментального исследования по анализу восприятия звучащей иноязычной (в частности, таджикской) речи, в результате которого установлено, что опытные эксперты способны адекватно воспринять высказывания иноязычного говорящего. Просодические модели родного языка эксперта затрудняют перцептивно-слуховое восприятие звучащей иноязычной речи (в частности, таджикской), но не исключают возможности достоверного распознавания по голосу при условии навыка восприятия голоса и речи в идентификационных целях. В статье представлен алгоритм успешного перцептивно-слухового восприятия иноязычной речи, а также приведены некоторые критерии пригодности фонограмм, соблюдение которых необходимо при исследовании иноязычной речи экспертом, носителем другого языка.

Ключевые слова: лингвокриминалистика, идентификация по голосу и речи, таджикский язык, перцептивно-слуховое восприятие иноязычной речи, просодия

Для цитирования: Курьянова И. В. Перцептивно-слуховое восприятие иноязычной речи (лингвокриминалистический аспект) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). C. 137–149. DOI: 10.52070/2542-2197 2021 11 853 137

Original article

PERCEPTIVE-ACOUSTIC PERCEPTION OF FOREIGN LANGUAGE SPEECH: LINGUOCRIMINALISTIC ASPECT

I. V. Kuryanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, Moscow State Budget Institution «Moscow research center», Department of Regional Security and Anti-Corruption, Moscow, Russia, ivkuryanova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the possibility of perceptual-auditory perception of speech in an unfamiliar language in order to further identify speakers by voice and speech. The features of perceptual-auditory perception in relation to foreign language speech based on the prosodic characteristics of the voice are presented. The results of an experimental study on the analysis of the perception of sounding foreign language (in particular, Tajik) speech, as a result of which it was established that experienced experts are able to adequately perceive the statements of a foreign speaker, are briefly described. Prosodic models of the expert's native language complicate the perceptual and auditory perception of sounding foreign language speech (in particular, Tajik), but do not exclude the possibility of reliable voice recognition, provided that the skill of voice and speech perception for identification purposes. The article presents an algorithm for successful perceptual and auditory perception of a foreign language, and also provides some criteria for the suitability of phonograms, the observance of which is necessary when examining a foreign language by an expert, a native speaker of another language..

Key words: linguistic forensics, speech identification, foreign language (Tajik), perceptual-auditory perception of foreign language speech, prosody

For citation: Kuryanova, I. V. (2021). Perceptive-acoustic perception of foreign language speech (linguocriminalistic aspect). Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 137–149. DOI: 10.52070/2542-2197 2021 11 853 137

Введение

Исследование голоса и звучащей речи в судебных целях – достаточно распространенная задача современной прикладной и математической лингвистики: если при расследовании преступления проводилась аудиозапись, то практически всегда затем назначается фоноскопическая экспертиза, в основе которой лежит профессиональное криминалистическое исследование речевой информации с целью идентификации человека по голосу и речи [Курьянова, 2020; Потапова и др., 2015; Потапова, Потапов 2006; Потапова, 2010; Потапова, Потапов 2012].

Многонациональность и геополитическое положение РФ, значительный миграционный прирост населения, следствием которого является высокая концентрация этнических групп в отдельных районах, способствует формированию транснациональных преступных группировок по национальному принципу [Курьянова, Лопаткин, 2017; Голощапова, Курьянова, 2012]. Одним из основных способов конспирации внутри таких преступных групп является использование исключительно родного национального языка при планировании и совершении преступлений на территории Российской Федерации Голощапова, 2009; Курьянова, 2019]. Поскольку в таких условиях только при исследовании аудиоматериалов может быть получена информация о распределении ролей внутри группы, подтверждена неоднократность связей внутри преступного сообщества и, главное, установлены лица, причастные к совершению преступления. Одной из актуальнейших и сложнейших проблем современной криминалистики стала необходимость исследования иноязычной речи с целью идентификации говорящего по голосу.

Особую сложность при идентификационных исследованиях иноязычной речи представляет работа эксперта-лингвиста, носителя другого (русского) языка: до недавнего времени в криминалистических лабораториях не была наработана практика перцептивно-слухового восприятия иноязычной речи на неродном и незнакомом эксперту языке, поэтому принципиальная возможность адекватного слухового восприятия иноязычной речи в криминалистических целях ставилась под сомнение [Курьянова, 2020]. Традиционно к идентификационным исследованиям по голосу и устной речи привлекается филолог, обладающий глубокими специальными знаниями в области лингвистики рассматриваемого языка: он должен разбираться в вопросах артикуляторной, акустической и перцептивной фонетики, т. е. уметь определять характер нарушения звукопроизношения, владеть понятиями общего языкознания, четко знать и различать литературную кодифицированную систему языка, его разговорную и диалектные разновидности, оперировать лингвистическими понятиями. В этих условиях задачи лингвиста, воспринимающего незнакомую речь, существенно усложнились.

Специфика восприятия иноязычной речи

Перцептивно-слуховое восприятие голоса и речи иноязычного говорящего экспертом, не являющимся носителем исследуемого

языка, является сегодня проблемой, разработка которой может быть отнесена к приоритетным направлениям не только в области судебного речеведения, но и прикладной лингвистики в целом [Голощапова, Курьянова, 2012; Курьянова, 2020; Потапова, 2005]. Восприятие речевого поведения – сложный многокомпонентый процесс. В центре внимания исследователей находятся такие вопросы, как степень надежности аудитивного восприятия иноязычной речи с целью отождествления говорящих [Голощапова, Курьянова, 2012; Курьянова, 2018]. В процессе изучения особенностей речевосприятия на неродном эксперту языке первостепенную значимость приобретают вопросы о мере объективности восприятия речи человеком и о механизме речевосприятия: что лежит в основе восприятия; чем детерминируется этот процесс; существуют ли в сознании носителей языка те универсалии, которые могут быть адекватно восприняты иноязычным реципиентом, воспринимающим незнакомый язык [Курьянова, 2011; Курьянова, 2020; Потапова, 2005; Потапова, Потапов, 2012; Потапова и др., 2015]. Первые исследования в данной области были проведены за рубежом и основывались на методиках криминалистической идентификации говорящего, принятых в США, Германии, Англии [Köster, Schiller, 1997]. С целью разработки методологии исследования иноязычной речи с учетом нужд линвокриминалистики первые исследования, посвященные данной проблеме, принадлежат Р. К. Потаповой [Potapova, 1999; Potapova, Potapov, 2011]. На материале английского, немецкого и французского языков Р. К. Потаповой были проанализированны особенности восприятия носителями русского языка, не владеющими вышеперечисленными языками, речевых единиц различных уровней, а также ритмо-мелодических характеристик речи указанных языков [Курьянова, 2020]. Подобные исследования показали, что идентификационно значимыми при восприятии незнакомой речи становятся супрасегментные единицы (высота, сила голоса, тембр и темп речи и т. п.).

В работах Р. К. Потаповой отмечается, что любой звуковой сигнал может быть описан определенным набором физических характеристик, которым соответствуют субъективные ощущения (например, частота основного тона, интенсивность, спектр, длительность и др. \leftrightarrow высота голоса, громкость, тембр и др.) [Потапова, 2006; Потапова, 2010: Потапова, Потапов, 2012]. Согласно И. А. Алдошиной, речевой сигнал двойственен по своей природе: «с одной

стороны, это обычный акустический сигнал, который представляет собой процесс распространения энергии акустических колебаний в среде. С другой – речь как физическое явление вызывает определенные субъективные слуховые ощущения (громкости, высоты, тембра и так далее), в которых закодирована семантическая информация» [Алдошина, 2000, с. 123]. Поскольку при восприятии незнакомой речи значение слов не может быть понято реципиентом, за оперативную единицу восприятия может быть принята просодия, благодаря информативным признакам которой возможна, например, макросегментация иноязычной речи [Курьянова, 2011; Курьянова, 2018; Курьянова, 2019; Курьянова, 2020].

Практика работы с фонограммами иноязычной речи (в частности, таджикской) показала, что зачастую все фразы в иноязычном потоке речи воспринимаются экспертом, не владеющим исследуемым языком, «одинаковыми» на слух. Для решения указанных проблем было проведено экспериментальное исследование, посвященное возможности адекватного восприятия спонтанной таджикской речи с опорой на просодические характеристики.

Алгоритм перцептивно-слухового анализа звучащей иноязычной речи

Для оценки возможности адекватного перцептивно-слухового восприятия иноязычной речи (в частности, таджикской) и определения лингвистических компетенций, необходимых для выделения релевантных признаков на этапе первичного распознавания говорящего по голосу, различным группам испытуемых предлагалось прослушать представленный речевой материал и на основе полученных перцептивно-слуховых характеристик «распознать» среди говорящих «своего», исключив «чужого». Речевой материал, используемый для проведения эксперимента, содержал различные языковые особенности, наличие контекстов, способствующих проявлению индивидуальной вариативности голоса на исследуемом языке, стереотипы речевого поведения и ситуационные влияния (факторы, обусловленные ситуацией, в которой происходит звукозапись речевого материала), существенные для реализации информативных признаков голоса, последующей идентификации «диктора» и выявления статистики адекватного распознавания говорящего на незнакомом эксперту языке. Чтобы исключить любые возможные неоднозначные толкования

при проведении эксперимента по восприятию иноязычной речи, была разработана инструкция, в соответствии с которой проводился перцептивно-слуховой анализ фонограмм. После прослушивания контрольной фонограммы испытуемым предлагалось определить число участников разговора, присвоить условные обозначения дифференцированным по голосу говорящим (например, М1, М2 и т. д.), определить эмоциональный настрой речи (эмоционально-нейтральный или эмоционально насыщенный), прослушать опорные фонограммы и опознать «дикторов», голос и речь которых представлены на контрольной фонограмме. Результаты первичного распознавания предлагалось занести в таблицу (образец таблицы представлен ниже), указав, какие языковые средства из представленного списка использовались при отождествлении конкретного говорящего. При этом испытуемыми оценивалась степень выраженности признака по шкале $<\!<\!0>\!> - <\!<\!1>\!> - <\!<\!2>\!>$, где $<\!<\!0>\!> -$ признак не проявляется в речи диктора и не используется при опознавании, «1» – слабая выраженность признака (то есть в той или иной мере данный признак характеризует речь диктора, однако не является для него типичным, частотным, ярким), «2» – яркая выраженность признака (проявляется регулярно, т.е. относится к числу типичных, ярких особенностей речи данного диктора).

В указанном эксперименте кроме экспертов, носителей русского языка, не владеющих таджикским языком, принимали участие профессиональные эксперты, являющиеся носителями исследуемого языка, а также эксперты, изучавшие таджикский язык; опыт работы в области идентификационных исследований по голосу и речи у испытуемых был различным. Во всех протоколах, заполненных профессиональными экспертами, носителями как русского, так и таджикского языков, в 100 % отмечено верное распознавание «диктора» – не было ни одного ошибочного распознавания. При этом среди верных ответов в 31 % случаев наблюдалось так называемое неуверенное распознавание при исследовании экспериментального материала, содержащего эмоционально насыщенную речь [Курьянова, 2018; Курьянова, 2019; Курьянова, 2020]. При проведении эксперимента установлено, что подготовленные эксперты с опытом работы более пяти лет справились с задачей в более сжатый временной промежуток и более уверенно. Между полнотой и точностью описания перцептивно-слуховых признаков голоса и речи иноязычного говорящего и опытом экспертной работы существует прямая зависимость.

Таблица І

Инструкция по первичному перцептивно-слуховому восприятию иноязычной речи

Прослушайте и определите	Фонограмма 1	Фонограмма 2	Фонограмма 2 Фонограмма 3	Фонограмма 4	Фонограмма 5	Фонограмма 6
1. Число участников						
2. Условное обозначение диктора						
3. Определите эмоциональный настрой речи:	чи:					
3.1. Эмоционально-нейтральный						
3.2. Эмоционально насыщенный						
4. Укажите, на какие средства Вы ориентировались при атрибуции реплик конкретному говорящему, и оцените степень выраженности	тировались при	атрибуции репли	ик конкретному	говорящему, и	иените степень	выраженности
признака:						
4.1. Мелодический рисунок						
4.1.1. плавный, ровный						
4.1.2. изрезанный						
4.1.3. неоднородный						
5. Темп						
5.1. Средний						
5.2. Быстрый						
5.3. Медленный						
6. Тембр						
7. Паузация						
8. Высота голоса						
9. Громкость						
10. Ритм						
10.1. Четкий ритмический рисунок						
10.2. Смазанный ритм						
11. С каким лицом отождествлен						

При этом уровень владения экспертом языком, на котором говорит подлежащее идентификации подозреваемое лицо, не вносит существенных различий при перцептивно-слуховом восприятии иноязычной речи с опорой на просодические признаки в рамках разработанного алгоритма идентификации. При отсутствии навыков экспертной работы надежность и возможность проведения идентификации иноязычного диктора существенно снижается [Голощапова, Курьянова, 2012; Курьянова, 2018; Курьянова, 2020].

При проведении исследования по перцептивно-слуховому восприятию иноязычной речи удалось определить алгоритм прослушивания и сравнения фонограмм. Наиболее надежным способом сравнения голоса и речи иноязычных говорящих является синхронная (попарная) оценка выраженности каждого признака в обеих фонограммах: это позволяет избежать временных ошибок при оценке идентичных явлений, что часто встречается при последовательном прослушивании фонограмм [Курьянова, 2020].

Сравнению фонограмм данным методом должен предшествовать тщательный анализ речевого материала. Перед началом сравнительного анализа сравниваемые фонограммы подлежат оценке на предмет их общей сопоставимости по стилю речи, эмоционально-модальной насыщенности и т. д. Желательно, чтобы речь на сравниваемых фонограммах была эмоционально-нейтральной. Эмоциональное состояние «диктора» является одним из главных факторов, влияющих на модификацию ряда признаков голоса и речи [Потапова, Потапов, 2012; Потапова и др., 2015]. Например, при сильном возбуждении увеличивается среднее значение частоты основного тона голоса (аудитивно воспринимается как более высокий голос), поэтому сравнение по данному параметру можно производить только в том случае, если на сравниваемых фонограммах «диктор» находится в примерно одинаковом эмоциональном состоянии [Курьянова, 2020]. Кроме того, результаты перцептивно-слухового восприятия заметно улучшаются при сопоставлении фонограмм, содержащих голос и речь, записанных в приближенных ситуационных условиях. Голос и речь человека под влиянием внешних факторов могут подвергаться некоторым (часто значительным) изменениям. Кроме технических характеристик звукозаписи к ситуационным факторам, влияющим на изменение и искажение речевого сигнала, следует отнести обстоятельства речевой деятельности: тип коммуникативного акта (монолог, диалог, телефонный разговор), стиль и форма речевого общения (беседа, обсуждение, спор, ссора, угроза и т.п.), контактность или дистантность общения, число участников речевого общения, время и место разговора, наличие требований и ограничений на поведение «диктора», характер взаимоотношений между коммуникантами (их ролевые отношения и тип воздействия друг на друга); а также внутридикторские факторы, обусловленные поведением говорящего: эмоциональное состояние диктора (степень эмоциональной насыщенности), его психо-физиологическое состояние во время речевого акта [Курьянова, 2020; Потапова, Потапов, 2006]. Окружающая обстановка также способна вносить определенные изменения в характеристики голоса и речи. Как правило, если вокруг шумно, человек плохо слышит своего собеседника, в результате чего начинает говорить громче, что приводит к повышению частоты основного тона голоса (так называемый ломбард-эффект). Таким образом, для адекватного восприятия на слух существенных для первичного опознавания характеристик голоса и речи и последующей идентификации следует оценить сопоставимость речевого материала по качеству, форме представления, эмоциональному и физиологическому состоянию диктора в момент речевого общения [там же]. Записанная на фонограммах речь диктора, находящегося в разных эмоциональных и психофизиологических состояниях, не пригодна для проведения идентификационных исследований по голосу и речи.

Заключение

Результаты проведенных экспериментов свидетельствуют об универсальности и принципиальной возможности применения перцептивно-слухового анализа голоса и речи для принятия адекватного идентификационного решения в отношении иноязычных говорящих экспертом, не владеющим исследуемым языком. При этом исследования показали, что степень адекватного первичного опознавания говорящих и выделения релевантных перцептивно-слуховых признаков иноязычной речи различна для неспециалистов и людей, имеющих профессиональную подготовку в области экспертной идентификации по голосу. Особенности восприятия голоса и речи «дикторов»-таджиков разными аудиторами позволяют говорить о возможности

правильной перцептивно-слуховой оценки голоса и иноязычной речи подготовленными экспертами с опытом работы в области криминалистической идентификации по голосу и речи. Корректность восприятия иноязычной речи на супрасегментном уровне зависит от перцептивных эталонов аудиторов (просодических моделей), при этом указанная взаимозависимость уменьшается при наличии опыта у аудитора в восприятии и анализе сегментов речи на слух. Апробация предлагаемого подхода по перцептивно-слуховому восприятию иноязычной речи на ряде других языков (в частности, цыганском, азербайджанском, узбекском) позволяет говорить о межъязыковой универсальности системы устойчивых супрасегментных идентификационных признаков и их относительной языконезависимости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. *Курьянова И. В.* Идентификационные характеристики иноязычного говорящего (экспертно-криминалистический аспект): дис. ... канд. наук. М., 2019.
- 2. *Потапова Р. К.* [*u др.*] Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- 3. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Язык, речь, личность. М. : Языки славянской культуры, 2006.
- 4. *Потапова Р. К.* Речь: коммуникация, информация, кибернетика: учебное пособие. 4-е изд., доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
- 5. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Речевая коммуникация: от звука к высказыванию. М.: Языки славянских культур, 2012.
- 6. *Курьянова И. В., Лопаткин С. Н.* Возможности экспертно-криминалистического сопровождения уголовно-процессуальной деятельности: материалы науч.-практ. конф. «Язык. Право. Общество». Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. С. 227–232.
- 7. Голощапова Т.И., Курьянова И.В. Исследование супрасегментного уровня звучащей речи при идентификации иноязычных дикторов: материалы Всероссийской науч. конф. «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов». М.: Академия управления МВД России, 2012. С. 273–278.
- 8. *Голощапова Т. И.* Перспективные направления криминалистического исследования звукозаписей на этнических языках: материалы Междунар. конф. «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов» / отв. ред. В. И. Кирин. М.: Академия управления МВД РФ, 2009. С. 337–341.
- 9. Курьянова И. В. Современное состояние проблемы идентификации личности по голосу и речи // Вестник Московского государственного

- лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 11 (827). С. 75–86.
- 10. *Курьянова И. В.* Идентификационные характеристики иноязычного говорящего (экспертно-криминалистический аспект): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.
- 11. *Потапова Р. К.* Субъектно-ориентированное восприятие иноязычной речи // Вопросы языкознания. 2005. № 2. С. 46–65.
- 12. *Курьянова И. В.* Возможности идентификации иноязычных говорящих экспертными методами // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2018. № 3. Т. 17. С. 60–69.
- 13. *Курьянова И. В.* Языковые маркеры универсального и специфического в этнической идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 13 (619). С. 117–136.
- 14. Köster O., Shiller N. O. Different influences of the native language of a listener on speaker recognition // Forensic Linguistics. The international Journal of Speech language and the law. 1997. # 1. Vol. 4. P. 18–27.
- 15. *Potapova R. K.* Some aspects of forensic phonetics experts learning (on the basis of Russian) // SPECOM'1999 International Workshop «Speech and Computer». Moscow, 1999. Pp. 208–211.
- 16. *Potapova R. K., Potapov V. V.* Kommunikative Sprechtätigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag., 2011.
- 17. Алдошина И. А. Основы психоакустики. М.: Оборонгиз, 2000.

REFERENCES

- 1. Kuryanova, I. V. (2019). Identifikacionnye harakteristiki inoyazychnogo govoryashchego (ekspertno-kriminalisticheskij aspekt) = Identification characteristics of a foreign speaker (forensic aspect): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
- 2. Potapova, R. K. et al. (2015). Mezhdisciplinarnost v issledovanii rechevoj poliinformativnosti = Interdisciplinarity in the study of speech polyinformativit). Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
- 3. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2006). YAzyk, rech', lichnost' = Language, speech, personality. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)
- 4. Potapova, R. K. (2010). Rech': kommunikaciya, informaciya, kibernetika = Speech: communication, information, cybernetics. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)
- 5. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2012). Rechevaya kommunikaciya: ot zvuka k vyskazyvaniyu = Speech communication: from sound to utterance. Moscow: YAzyki slavyanskih kul'tur. (In Russ.)

- 6. Kuryanova, I. V., Lopatkin, S. N. (2017). Possibilities of expert-criminalistic support of criminal procedural activity. Materials of the scientific and practical conference "Language. Right. Society" (pp. 227–232). (In Russ.)
- 7. Goloshchapova, T. I., Kuryanova, I. V. (2012). The study of the suprasegmental level of sounding speech in the identification of foreign speakers. Materials of the All-Russian conference "Informatization and information security of law enforcement agencies" (pp. 273–278). (In Russ.)
- 8. Goloshchapova, T. I. (2009). Promising areas of forensic research of sound recordings in ethnic languages. Materials of the international conference "Informatization and information security of law enforcement agencies" (pp. 337–341). (In Russ.)
- 9. Kuryanova, I. V. (2019). The current state of the problem of personality identification by voice and speech. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11 (827), 75–86. (In Russ.)
- 10. Kur'yanova I. V. (2020). Identifikacionnye harakteristiki inoyazychnogo govoryashchego (ekspertno-kriminalisticheskij aspekt): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
- 11. Potapova, R. K. (2005). Subject-oriented perception of foreign language speech. Voprosy Jazykoznanija, 2, 46–65. (In Russ.)
- 12. Kuryanova, I. V. (2018). Possibilities of identification of foreign speakers by expert methods. Vestnik of Volgograd State University. Linguistics, 17 (3), 60–69. (In Russ.)
- 13. Kuryanova, I. V. (2011). Language markers of the universal and specific in ethnic identity. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 13 (619), 117–136. (In Russ.)
- 14. Köster, O., Shiller, N. O. (1997). Different influences of the native language of a listener on speaker recognition. Forensic Linguistics. The international Journal of Speech language and the law, 1. 18–27. Vol. 4.
- 15. Potapova, R. K. (1999). Some aspects of forensic phonetics experts learning (on the basis of Russian). SPECOM'1999 International Workshop «Speech and Computer» (pp. 208–211). Moscow.
- 16. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2011). Kommunikative Sprechtätigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. Köln ; Weimar ; Wien: Böhlau Verlag.
- 17. Aldoshina, I. A. (2000). Osnovy psihoakustiki (Fundamentals of psychoacoustics). Moscow: Oborongiz. (In Russ.)

Информация об авторе

Курьянова И. В. – кандидат филологических наук, заведующая экспериментально-фонетической лабораторией криминалистики по речеведению Института прикладной и математической лингвистики Московского государственного линг-

вистического университета; начальник Управления судебного речеведения ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции

Information about the author

Kuryanova I. V. – PhD (philological science), Head of the experimental phonetic laboratory of criminalistics for speech translation at the Institute of Applied and Mathematical Linguistics of the Moscow State Linguistic University;

Head of the Department of forensic linguistics of the Moscow State Budget Institution «Moscow research center» of the Department of Regional Security and Anti-Corruption of Moscow

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

Научная статья

УДК 81'34

DOI 10.52070/2542-2197_2021_11_853_150

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «ПРОСОДИЯ», «ИНТОНАЦИЯ» И СМЕЖНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ В ЛИНГВИСТИКЕ

М. В. Попова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, neunerin@qmail.com

Аннотация. В статье представлен краткий обзор подходов к трактовке терминов «просодия» и «интонация» в отечественной и зарубежной лингвистике. Автор освещает актуальные проблемы дефинирования ключевых понятий статьи в связи с существованием различных подходов к их изучению. Проводится сравнительное исследование с целью систематизации научных знаний. Делается вывод о тенденции к сближению содержания вышеназванных терминов, а также о необходимости унификации терминологического аппарата.

Ключевые слова: супрасегментный уровень, интонация, просодия, просодика, просодемика, супрасегменталии

Для цитирования: Попова М. В. Сравнительный анализ понятий «просодия», «интонация» и смежных специальных терминов в лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 150–160. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_12_854_150.

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPTS OF "PROSODY", "INTONATION" AND RELATED SPECIAL TERMS IN LINGUISTICS

M. V. Popova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, neunerin@gmail.com

Abstract. The article provides a brief overview of approaches to the interpretation of the terms "prosody" and "intonation" in Russian and foreign linguistics. The author highlights the actual problems of defining the key concepts of the article in connection with the existence of various approaches to their study. A comparative study is being carried out with the aim of systematizing scientific knowledge. The conclusion is made about the tendency towards convergence of the content of the above terms, as well as the need to unify the terminological apparatus.

Key words: suprasegmental level, intonation, prosody, prosodemics, suprasegmentals

For citation: Popova, M. V. (2021). Comparative analysis of the concepts of "prosody", "intonation" and related special terms in linguistics. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 150–160. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_150

Введение

Следует отметить, что в отношении трактовки некоторых лингвистических терминов зачастую существуют различные, иногда диаметрально противоположные мнения. В качестве примера можно привести термины «интерференция», «трансференция» и «трансфер», которые имеют значительные расхождения в интерпретации не только с позиции различных научных дисциплин и подходов, но и в рамках лингвистики [Попова, 2018]. Яркий пример неоднородности терминологического аппарата представляет собой и супрасегментный фонетический уровень, в котором также принято выделять просодический и интонационный подуровни. В данном случае даже разделение на подуровни не ограждает исследователей от проблем интерпретации специальной терминологии. Таким образом, задачей настоящего исследования является сравнительно-сопоставительный анализ содержания терминов «просодия» и «интонация», а также смежных специальных терминов в словарных и научных статьях лингвистического направления с целью унификации терминологического аппарата.

Эволюция содержания терминов «просодия» и «интонация»

Слово «просодия» восходит к греческому «προσωδία» и означает «сопровождающая пение», «припев». Понятие просодии в Древней Греции широко употреблялось в музыке, обозначая вид торжественного хорового пения с инструментальным аккомпанементом, а также характер мелодических акцентов и протяженность слогов, другими словами, соотношение текста и мелодии вокального произведения. В античных грамматиках просодическое учение определяло правила версификации: долготу и краткость слога, его мелодические свойства, распределение акцентов, ритмических ударений и др. «Особенностью просодии является частое совпадение ритмического ударения с речевым, особенно в конце стиха, что служит признаком изменения системы ударения в языке от музыкального к экспираторному и соответственно в стихосложении — от метрического к тоническому»

[Радциг, 1982, с. 505–506]. Позднее слово было заимствовано из греческого языка в латинский (prosōdia) и приобрело значение «тонический акцент», «количество слога», «ударение» [Потапова, 2014, с. 5]. С античных времен понятие «просодия» долгое время по большей части употреблялось в рамках стихосложения.

В лингвистике расцвет изучения просодии наблюдается в XX веке, а о просодике как о самостоятельной науке принято говорить благодаря трудам членов Пражского лингвистического кружка, в частности основателя фонологии – Н. Трубецкого. В рамках фонологии просодия изучала «все те звуковые явления, протяженность которых не совпадает с протяженность фонемы: ударение, тон, интонация, а также до известной степени количество» [Мартине, 1960, с. 199].

В связи с ростом интереса исследователей к проблематике просодии, и, как следствие, увеличением числа научных работ в данной области, возникает большое количество смежных специальных терминов, таких как, например, «просодика» и «просодемика». Наиболее последовательное разграничение данных понятий приводит в своих исследованиях Р. К. Потапова [Потапова, 1989; Потапова, 2014].

Слово «интонация» пришло в русских язык сравнительно недавно, оно было заимствовано в XIX веке из французского языка. Первоначально интонация в лингвистике рассматривалась как понятие, тождественное «мелодике», таким образом, описание фразовой интонации сводилось в основном к описанию изменения высоты тона. А. М. Белл выделял пять основных движений тона в зависимости от типа высказывания: ровный (характерный для раздумий); восходящий (характерный для вопросительных конструкций или выражения сомнения); нисходящий (характерный для утверждений), нисходяще-восходящий (указывающий на незавершенность) и восходяще-нисходящий (выражающий опровержение) [Bell, 1867]. Более близкой к современному подходу в интонировании представляется методика немецкого фонетиста В. Фиетора, который предлагает членение речевого потока на синтагмы (речевые такты), что представляется необходимым, с учетом специфики ритма немецкого языка в отличие от английского, и вводит уровни (низкий, средний и высокий), в рамках которых предлагает описывать движение тона. Предполагается, что в основу такого подхода легла нотная грамота: нотный стан удобен для отражения изменения высоты тона, тактовые черты являют собой деление на речевые такты, а в качестве одного из способов описания мелодического контура В. Фиетор использовал ноты [Viëtor, 2011].

Современная трактовка терминов «просодия» и «интонация»

Словарь произношения английского языка описывает просодию как комплекс средств оформления фонетических единств речи, таких как слог, акцентная группа, речевой такт (синтагма), фраза или фонетический текст [Jones, 2011]. Кембриджский словарь английского языка определяет просодию как «ритм и интонацию», в то время как термин «интонация» в данном словарном издании предлагается понимать как изменения звука, возникающие в результате повышения и понижения голоса в процессе речепродукции, особенно когда это влияет на смысл высказывания [Cambridge Dictionary, 2021]. Цифровой словарь немецкого языка (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache - DWDS) предлагает дефинировать просодию как лингвистические и артикуляционные явления, такие как ударение, интонация, паузы и др., которые влияют на структуру речи [DWDS, URL]. Интонация же трактуется как изменение тона по высоте, долготе, силе и другим характеристикам в процессе речи [там же]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что зарубежные словарные издания рассматривают просодию как более широкое понятие, которое включает в себя интонацию. А интонация описывается как понятие, синонимичное термину «мелодика».

Обратимся к отечественным словарным изданиям: лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) определяет просодию как систему фонетических средств, в рамках которой выделяют мелодику, ударения, временные и тембральные характеристики, ритм и словесные тоны (для тональных языков) [ЛЭС, 1990]. Просодические средства оформления речи присутствуют на всех уровнях фонетических единств и выполняют смыслоразличительную функцию. Интонация же, согласно ЛЭС, представляет собой взаимосвязь мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения: «вместе с ударением интонация образует просодическую систему языка» [там же, с. 277]. Несмотря на то, что в рамках определения термина «интонация» предполагается, что понятие является частью просодической системы, словарная дефиниция термина «просодия» данного понятия не содержит, а его определение, по нашему мнению,

является синонимичным описанию мелодики. Таким образом, можно сделать вывод о том, что термины «интонация» и «просодия» находятся в гиперогипонимических отношениях, так как и зарубежные, и отечественные словарные издания определяют интонацию в широком смысле как изменение тона или мелодику речи, в то время как просодия представляется некоторой системой, одним из элементов которой выступает интонация.

Следует отметить, что в ряде ранних фонетических исследований наблюдается синонимичное употребление терминов «просодия» и «интонация» как системы супрасегментных средств языка [ЛЭС, 1990]. Однако наиболее позднее работы разграничивают данные понятия, основываясь на том, что супрасегментные средства в рамках интонирования могут быть применимы только к слогу, слову или фразе, в то время как элементы просодической супрасегменталии могут быть применимы к фонетическим единствам любого уровня.

Для более глубокого понимания специфики употребления вышеназванных терминов в лингвистике следует обратиться также к научным статьям. Существует две основных позиции, согласно одной из которых просодия является более широким понятием (О. Х. Цахер, В. Schönherr, I. Lehiste и др.), что согласуется со словарными определениями, согласно второй – интонация «включает» в себя просодию (О. С. Ахманова, Т. М. Николаева, Н. Д. Светозарова и др.). Следует отметить, что приверженцы второй позиции полагают, что интонационный контур обладает просодическими характеристиками, которые служат средствами реализации лингвистических функций [Николаева, 1977]. В своих работах Н. Д. Светозарова подчеркивает, что «понимание просодии как понятия более "узкого" связано с тем, что говоря о просодии, зачастую подразумевают средства просодической организации речевых единиц, тогда как в понятие интонации входит и содержательный аспект» [Светозарова, 1982, с. 6]. Д. Болингер отмечает, что помимо организующей функции, служащей для сегментации высказывания, интонация является важным средством выражения отношения говорящего к высказыванию и его состояния во время порождения высказывания [Bolinger, 1981].

Согласно работам некоторых лингвистов, отражение отношения к сказанному и эмоционального состояния говорящего входит в содержание термина «просодия высказывания», который также

включает в себя те фонетические и фонологические свойства речи, зависящие от других факторов, в частности, от типа речевого акта и фразового ударения, от того, как элементы высказывания соотносятся друг с другом семантически и синтаксически, и от их ритмической организации [Ladd, 2008; Ferreira, 2002; Wagner, Watso, 2010]. При такой трактовке содержание термина «просодия» очень близко к содержанию термина «интонация».

Многие исследователи, среди которых Д. Джоунс, Дж. Ферс, Ш. Хэттори и Н. С. Трубецкой определяют просодию как «совокупность супрасегментных характеристик, характеризующих ту или иную фонетическую единицу (слог, фонетического слово или фразу)» [Потапова, 2012, с. 92]. При этом подчеркивается принципиальное различие просодии и интонации в связи с тем, что интонационные модели могут соответствовать одной и той же речевой структуре с постоянными просодическими характеристиками, в том время как структуры с различным просодическим оформлением могут относиться к одной и той же интонационной модели. Р. К. Потапова в своих работах отмечает, что обе области акустических характеристик неразрывно связаны: с одной стороны, невозможно произнести какую-либо фонетическую единицу, не оформив ее интонационно и не вписав ее таким образом в рамки того или иного типа речевого акта, а с другой – ни один интонационный контур не может включать в себя акустические особенности, присущие отдельным фонетическим единицам данного языка. Таким образом, любое высказывание характеризуется симбиозом просодии и интонации, первая из которых определяется фонетической природой языка и не участвует в процессе передачи семантической нагрузки, а вторая отвечает языковому значению, детерминируя специфику речевого акта и интенцию говорящего [Потапова, 2012; Потапова 2014]. Другими словами, акустические характеристики речевых единиц в потоке речи могут интерпретироваться как с позиции просодии, так и с позиции интонации, при этом термины «просодия» и «интонация» не следует отождествлять.

Особенности употребления смежных специальных терминов

Наряду с термином «просодия» нередко употребляется также термин «просодика». В проанализированных научных статьях и словарных изданиях термины употребляются как абсолютные синонимы

[Светозарова, 1982; Светозарова 2015; ЛЭС, 1990]. Следует также отметить, что некоторые исследователи употребляют термин «интонация» как тождественный понятию «мелодика» [Богомазова, Подольская, 2004]. В свою очередь, Р. К. Потапова предлагает разграничение терминов «просодия», «интонация», «просодика» и «просодемика». По ее мнению, просодия относится к универсальным средствам материализации звучащей речи, посредством которой происходит формирование просодики и просодемики, различающихся в зависимости от семиологической релевантности [Потапова, 2014]. Следует подчеркнуть, что на уровне высказывания просодические характеристики речи, в число которых входят частота основного тона (ЧОТ), интенсивность и длительность, часто соотносятся с высотой тона, долготой и громкостью с позиции перцепции, что в значительной мере сближает ключевые термины настоящей статьи. Корреляцию систем просодических признаков можно наблюдать на примере систематизации акустических параметров в работах А. Мюллер. Автор полагает, что просодия обладает следующими акустическими параметрами:

- а) ЧОТ и ее изменения (измеряется в герцах);
- б) интенсивность звука и ее вариации (измеряется в децибелах);
- в) долгота слога, паузы и их модификации (измеряется в мил.сек.).
- И хотя корреляты не абсолютны, наблюдается соответствие:
- а) высота тона и ее вариации это мелодия речи или интонация;
- б) громкость голоса и ее вариации;
- в) темп и его модификации [прив. по: Григорьев, Тычинина, 2006].

Анализ специальной литературы по теме исследования позволяет заключить, что, несмотря на различные интерпретации ключевых понятий, на сегодняшний день можно наблюдать их сближение при описании лингвистических объектов на уровне высказывания как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, необходимо отметить, что в связи с возросшим в последние десятилетия интересом к исследованию интерференции на супрасегментном уровне терминология нуждается в унификации. На сегодняшний день не существует единого подхода к разграничению терминов «просодия» и «интонация», однако наблюдается сближение их содержания, а также появление новых терминов, которые могут представить собой решение проблемы унификации

терминологического аппарата. В связи с этим предлагается рассматривать просодию как «субстанциональное понятие, относящееся к физическим средствам реализации звучащей речи», а формируемую посредством просодии просодику – как особенности реализации говорящим слога в потоке речи и структурную организацию «слоговой последовательности в определенное структурное ритмомелодическое единство» [Потапова, 2012, с. 128]. Другими словами, как характеристику, позволяющую, с одной стороны идентифицировать личность говорящего («индивидуальная просодика»), а с другой – его языковую принадлежность («языковая просодика») [там же, с. 128—129]. Интонация же в данном контексте представляет собой совокупность акустических характеристик, имеющую языковое значение и детерминирующую тип речевого акта и интенцию говорящего.

Таким образом, акустические характеристики могут исследоваться с позиции интонации и просодии как различных, но неразрывно взаимосвязанных «дименсий», каждая из которых обусловлена той или иной спецификой: в первом случае — характером речевого акта, смысловой нагрузкой и намерением говорящего, а во втором — природой языка. При этом следует отметить, что просодическое оформление речевой единицы зачастую служит решающим фактором при трактовке высказывания и раскрывает адресату не только денотативную, но и коннотативную значимость речевого действия. Другими словами, совокупность акустических средств в наложении на интонационное оформление высказывания дает возможность восприятия высказывания в более глубоком смысле, с учетом намерения и эмоционально-оценочных компонентов речи говорящего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Попова М. В. Подходы к интерпретации понятия «интерференция» в отечественной и зарубежной науке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 6 (797). С. 52–64.
- 2. Радииг С. И. История древнегреческой литературы: учебник для филологических специальностей университетов. М.: Высшая школа, 1982.
- 3. *Потапова Р. К.* Функционально-речевая специфика просодии и семантики // Речевые технологии. 2014. Вып.1–2. С. 3–21.
- 4. *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.

- 5. *Потапова Р. К.* Просодические характеристики макросегментации слитной речи. Экспериментальная фонетика. Автоматическое распознавание и синтез речи. М.: Изд-во МГУ, 1989.
- 6. *Bell A.* Visible Speech: the science of universal alphabetic; self-interpreting physiological letters, for the writing of all languages in one alphabet illustrated by tables, diagrams and examples. London, 1867.
- 7. *Viëtor W.* Elemente der Phonetik und Orthoepie des Deutschen, Englischen und Französischen. Leipzig: Nabu Press, 2011.
- 8. *Jones D. et al.* Cambridge English Pronouncing Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 18th ed.
- 9. Cambridge Dictionary, Cambridge University Press. Retrieved June 26, 2021 from. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/prosody
- 10. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. URL: https://www.dwds.de/d/wb-dwdswb>
- 11. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- 12. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М. : Изд-во Наука, 1977.
- 13. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л. : Изд-во ЛГУ, 1982.
- 14. *Bolinger D.* Some Intonation Stereotypes in English // Problèmes de Prosodie: Expérimentations, Modèles et Fonctions. 1981. Vol. II. P. 97–101.
- 15. *Ladd D. R.* Intonational phonology. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2008. 2nd (ed.).
- 16. Ferreira F. Prosody // Encyclopedia of Cognitive Science. London : Macmillan Reference Ltd, 2002.
- 17. *Wagner M., Watson, D. G.* Experimental and theoretical advances in prosody: A review // Language and cognitive processes. 2010. # 25 (7–9). P. 905–945. URL: https://doi.org/10.1080/01690961003589492
- 18. Потапова Р. К., Потапов В. В. Речевая коммуникация: от звука к высказыванию. М.: Языки славянских культур, 2012.
- 19. *Светозарова Н. Д.* Просодия // Большая российская энциклопедия. Полупроводники Пустыня / гл. ред. Ю. С. Осипов. М.: Большая российская энциклопедия, 2015.
- 20. Богомазова Т. С., Подольская Т. Е. Теория и практика по фонетике немецкого языка (для повышения квалификации преподавателей высшей школы). М.: Лист Нью, 2004.
- 21. Григорьев Е. И., Тычинина В. М. Звуки речи и их коммуникативная функция: учебное пособие для студентов филологических специальностей, аспирантов и преподавателей. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006.

REFERENCES

- 1. Popova, M. V. (2018). Podxody` k interpretacii ponyatiya "interferenciya" v otechestvennoj i zarubezhnoj nauke = Approaches to interpretation of the concept of "interference" in Russian and foreign science. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6 (797), 52–64. (In Russ.)
- 2. Radcig, S. I. (1982). Istoriya drevnegrecheskoj literatury': uchebnik dlya filologicheskix special'nostej universitetov = History of the ancient greek literature: a textbook for the philological specialties of universities. Moscow: Vyshcha Shkola Publishing House. (In Russ.)
- 3. Potapova, R. K. (2014). Funkcional'no-rechevaya specifika prosodii i semantiki = Functional and speech specificity of prosody and semantics. Speech technology, 1–2, 3–21. (In Russ.)
- 4. Martine, A. (1960). Princip e'konomii v foneticheskix izmeneniyax = The principle of economy in phonetic changes. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury'. (In Russ.)
- 5. Potapova, R. K. (1989). Prosodicheskie xarakteristiki makrosegmentacii slitnoj rechi. E`ksperimental`naya fonetika. Avtomaticheskoe raspoznavanie i sintez rechi = Prosodic characteristics of continuous speech macrosegmentation. Experimental phonetics. Automatic speech recognition and synthesis. Moscow: MSU. (In Russ.)
- 6. Bell, A. (1867). Visible Speech: the science of universal alphabetic; self-interpreting physiological letters, for the writing of all languages in one alphabet illustrated by tables, diagrams and examples. London, 1867.
- 7. Viëtor, W. (2011). Elements of phonetics and orthoepy in German, English and French. Leipzig: Nabu Press. (In German)
- 8. Jones, D. et al. (2011). Cambridge English Pronouncing Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press. 18th ed.
- 9. Cambridge Dictionary. (2021). Cambridge University Press. Retrieved June 26. https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/prosody
- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. https://www.dwds.de/d/ wb-dwdswb
- 11. Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' = Linguistic Encyclopedic Dictionary (1990). Moscow: Sovetskaya e'nciklopediya. (In Russ.)
- 12. Nikolaeva, T. M. (1977). Frazovaya intonaciya slavyanskix yazy'kov = Phrasal intonation of slavic languages. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- 13. Svetozarova, N. D. (1982). Intonacionnaya sistema russkogo yazy'ka = The intonation system of the Russian language. Leningrad: LGY Publishing House (In Russ.)
- 14. Bolinger, D. (1981). Some Intonation Stereotypes in English. Problèmes de Prosodie: Expérimentations, Modèles et Fonctions, II, 97–101.

- 15. Ladd, D. R. (2008). Intonational phonology. Cambridge, England: Cambridge University Press. 2nd ed.
- Ferreira, F. (2002). Prosody. In: Encyclopedia of Cognitive Science. London: Macmillan Reference Ltd.
- 17. Wagner, M., Watson, D. G. (2010). Experimental and theoretical advances in prosody: A review. Language and cognitive processes, 25 (7–9), 905–945. https://doi.org/10.1080/01690961003589492
- 18. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2012). Rechevaya kommunikaciya: ot zvuka k vy`skazy`vaniyu = Speech communication: from sound to utterance. Moscow: Yazy`ki slavyanskix kul`tur. (In Russ.)
- 19. Svetozarova, N. D. (2015). Prosodiya (Prosody). In Yu. S. Osipov (ed.), The Great Russian Encyclopedia (p. 614). Moscow: The Great Russian Encyclopedia (In Russ.)
- 20. Bogomazova, T. S., Podol'skaya, T. E. (2004). Teoriya i praktika po fonetike nemeczkogo yazy'ka (dlya povy'sheniya kvalifikacii prepodavatelej vy'sshej shkoly') = Theory and practice in the phonetics of the German language (for advanced training of teachers of higher education. Moscow: List N'yu. (In Russ.)
- 21. Grigor'ev, E. I., Ty'chinina, V. M. (2006). Zvuki rechi i ix kommunikativnaya funkciya: uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskix special'nostej, aspirantov i prepodavatelej = Speech sounds and their communicative function: a textbook for students of philological specialties, graduate students and teachers. Tambov: TGU im. G.R. Derzhavina (In Russ.)

Информация об авторе

Попова М. В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Popova M. V. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Phonetics, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021

Научная статья

УДК 81'112

DOI 10.52070/2542-2197_2021_11_853_161

ГЛУБИННОЕ АННОТИРОВАНИЕ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ: К МЕТОДУ АНАЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Р. К. Потапова¹, В. В. Потапов², А. В. Джунковский³

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,

¹RKpotapova@yandex.ru

²volikpotapov@gmail.com

³Vetinari01@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые возможности междисциплинарного применения разработанной технологии глубинного аннотирования поликодовых текстов. Описывается сам метод глубинного аннотирования, после чего обосновывается технология «аналитического перевода» на основе этого метода. «Аналитический перевод» предполагает комплексную работу обучающихся с иностранным текстом. Она отличается от классического перевода большим вниманием к контексту ситуации общения. Предполагается и обосновывается, что такой метод может быть эффективным для обучения студентов нелингвистических технических специальностей.

Ключевые слова: глубинное аннотирование, поликодовость, мультимодальность, аналитический перевод, междисциплинарный подход

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 18-18-00477.

Для цитирования: Потапова Р. К., Потапов В. В., Джунковский А. В. Глубинное аннотирование поликодовых текстов: к методу аналитического перевода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 161–167. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_161

Original article

DEEP POLYCODE TEXT ANNOTATION: TO ANALYTICAL TRANSLATION METHOD

R. K. Potapova¹, V. V. Potapov², A. V. Dzhunkovskiy³

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹RKpotapova@yandex.ru

²volikpotapov@gmail.com

³Vetinari01@gmail.com

Abstract. In this paper we describe some practical possibilities of interdisciplinary application of the developed technology of deep annotation of polycode texts. The method of in-depth annotation itself is described, after which the technology of "analytical translation" based on this method is substantiated and described. "Analytical translation" involves the multifaceted work of language students with a foreign text and differs from the classical translation by a great emphasis on the context of the communication situation. It is assumed and argued that such a method can be effective for teaching non-linguistic technical students.

Key words: Deep annotation, polycode, multimodal, analytical translation, interdisciplinary approach

Acknowledgments: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation (RSF), project No. 18-18-00477.

For citation: Potapova, R. K., Potapov, V. V., Dzhunkovskiy, A. V. (2021). Deep polycode text annotation: to analytical translation method. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 161–167. DOI: 10.52070/2542-2197 2021 11 853 161

Introduction

Previously we have put forward an innovative method of deep parametric polycode text annotation for multimodal Internet texts.

The processing of polycode data (including verbal text fragments, paraverbal manifestations of polycode speech, non-verbal parameters of movement and other gesture characteristics, extralinguistic factors) became the basis for a special method of certification (called annotation in the text) and led to the creation of a clear algorithm in the field of corpus linguistics.

The analysis of polycode multimodal texts within the framework of corpus linguistics makes it possible to move on to solving problems such as machine (automated) translation of foreign language texts into Russian in various fields of knowledge while taking into account the rapid informatization and digitalization of modern society. During annotation, polycode multimodal text was analyzed for a number of variables.

We posit that the use of this method in teaching foreign languages to students of technical specialties may be productive and in demand due to several factors.

Firstly, in the proposed approach to teaching a foreign language, the text is considered as a complex synthetic whole [Potapova, Potapov, Dzhunkovskiy, 2019], requiring sequential analysis for a number of predefined variables, which can be effective when teaching language disciplines to persons who are accustomed to working with clear logical structures.

Secondly, this approach involves working with multimodal, polycode foreign language texts, which in the modern world are becoming the prevailing method of transmitting information [Potapova, Potapov, Dzhunkovskiy, 2019]. Thus, the use of this approach in the foreign language instruction of technical specialists meets the needs of the modern labor market and implies the use of the latest information technologies.

Deep annotation technique for polycode multimodal texts

The analysis of texts in accordance with the developed annotation technique is based on a multilateral approach to the text as a whole. The annotation process implies the analysis of verbal, paraverbal, non-verbal and extraverbal variables associated with the polycode multimodal text under consideration.

In the course of this analysis, a number of variables are considered, which include those that contain information about the author of the text, such as name, age, gender, native language of the author, as well as their location.

In addition, information about the text is considered as part of the discourse. If the text is published in print media, it becomes possible to determine the date of publication, source, as well as the type of material. In cases where the text is published on the Internet, additional information becomes available for analysis: the number of subscribers to the resource or the author, statistics about a particular publication (how many times it has been viewed, commented on, liked), the duration of audio and video fragments included in the text.

Then the types of polycode text are determined. This annotation parameter is most relevant for digital text materials, which may contain text / images / audio / video materials and / or hyperlinks in any possible combination [Potapova R. et al., 2019].

If the annotated text contains video or images (figures, tables, illustrations, etc.), it becomes possible to analyze polycode signals, such as facial expressions, gestures, proxemics. This allows us to analyze the situation of communication as such: to determine the number, age, gender composition and social status of communicants, situations and topics of communication, types of communication, as well as the emotional-modal state of communicants.

The next stage in the analysis of the text is to determine its linguistic features: whether the text is addressed to a specific recipient or an undefined

group of recipients; whether the speech of the communicants is prepared; whether it is possible to find in its composition words and phrases foreign for the author of the text; whether it has tonality, emotionality, intertextuality and temporality; what speech defects are exhibited by communicants and whether one of the types of polycode communication prevails over the rest.

Using the deep annotation technique as a tool for teaching foreign languages

The method of deep annotation described above allows one to consider multimodal polycode text as a complex whole consisting of a message as an object of information, a message as a linguistic unit, a communication situation, a surrounding discourse, and information about the author.

This approach to annotation is especially relevant in the modern world in connection with the spread of multimodal polycode messages on the Internet.

Despite the fact that the proposed approach can also be used to analyze traditional printed texts, it turns out to be the most effective when considering modern polycode multimodal texts on the Internet.

Due to the fact that modern linguodidactics pays relatively little attention to working with this category of texts, our proposed innovative method may be most in demand for teaching foreign languages to people who are most adapted and accustomed to working with just such texts.

This is also in line with modern government initiatives to digitize the Russian economy and has the advantage that it can be easily adapted for distance learning purposes due to the nature of the material being analyzed.

The essence of the method lies in the fact that during the translation of a foreign polycode multimodal text into Russian, its parallel analysis is carried out according to the criteria described above. In the course of translation, context plays an important role: our proposed method of "analytical translation" assumes a deep, consistent and systematic analysis of the context of the translated message, which in turn can be useful in terms of increasing the accuracy of translation.

We posit that the proposed approach to annotation will be most in demand for students of non-linguistic specialties, in particular technical ones. This hypothesis is connected with the fact that students of non-linguistic specialties often do not consider language as a system, which is inherent for linguists. The proposed method of "analytical translation" will allow non-linguists to better understand the structure of the language and

the message as such, which, possibly, can lead to positive changes in the level of language proficiency and increase the speed of acquisition. In this case, complex information in a foreign language comes to the fore, taking into account the lexical, semantic-semantic and pragmatic features.

While using this method of analytical translation, students are to do the following:

- 1. Identify and decode the general situation of communication;
- 2. Determine the semantic focus and influence of the context on the understanding of the text;
- 3. Compare the information received in a foreign language with information in the native language;
- 4. Determine the role of each of the communicants with a focus on the lexical level of discourse;
- 5. Mentally compare a similar situation and its linguistic explication, comparing the information received in the target language;
- 6. Based on the knowledge gained, in the future, by analogy, use similar polycode models in the target language.

Conclusions

The article discusses the possibility of using the results of the development of a methodology for in-depth annotation of polycode texts as a language teching tool. The technique is based on deep annotation of multimodal polycode texts. The proposed method of "analytical translation" is based on simultaneous translation and analysis of verbal, paraverbal, extraverbal and non-verbal aspects of the text in-parallel. It is assumed that the use of this technique can be especially effective when working with multimodal polycode texts on the Internet.

Due to the fact that modern students are more and more immersed in the Internet environment, teaching students to use the proposed methods and materials meets the modern demands of the labor market and seems appropriate. The approach to translating foreign language texts proposed in the article may turn out to be more familiar to students of technical specialties in connection with its clearly structured logic and a given sequence of actions necessary to achieve a result.

The development of methodological materials with subsequent experimental verification of the effectiveness of the method can provide an answer to the question of the advisability of introducing the proposed method.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. *Ротароva R. К., Ротароv V. V., Dzhunkovskij A. V.* О новом методе формирования и аннотирования поликодового мультимодального корппуса данных применительно к социальным сетям Интернета // Вестник Московского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 7 (823). С. 134—145.
- 2. *Potapova R. et al.* Some peculiarities of internet multimodal polycode corpora annotation / R. Potapova, V. Potapov, L. Komalova, A. Dzhunkovskiy // Lecture Notes in Computer Science. 2019. Vol. 11658, 392–400.

REFERENCES

- Potapova R. K., Potapov V. V., Dzhunkovskij A. V. (2019). O novom metode formirovanija i annotirovanija polikodovogo korpusa dannyh primenitel'no k social'nym setjam Interneta. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = The Experience of Formation and Deep Annotation of a Polycode Multimodal Russian Internet Social Networks Message Corpora. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7 (823), 134–145. (In Russ.)
- 2. Potapova R. et al. (2019). Some peculiarities of internet multimodal polycode corpora annotation / R. Potapova, V. Potapov, L. Komalova, A. Dzhunkovskiy. Lecture Notes in Computer Science, 11658, 392–400.

Информация об авторах

Потапова Р. К. – доктор филологических наук, профессор; действительный член Международной академии информатизации; заведующая кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики; директор Института прикладной и математической лингвистики Московского государственного лингвистического университета

Потапов В. В. – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Учебно-научного компьютерного центра Филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;

Джунковский А. В. – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Экспериментально-фонетической лаборатории криминалистики по речеведению Московского государственного лингвистического университета

About the authors

Potapova R. K. – Sc. D. (Linguistics), Professor, Full Member of the International Informatization Academy, Head of Department of Applied and Experimental Linguistics, Director of Institute of Applied and Mathematical Linguistics of Moscow State Linguistic University

Potapov V. V. – Sc. D. (Linguistics), Senior Researcher of the Education-Scientific Computer Centre of the Lomonosov Moscow State University

Dzhunkovskiy A. V. – PhD (Linguistics), Junior Researcher of the Laboratory of Experimental Phonetics and Forensic Linguistics Institute of Applied and Mathematical Linguistics of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

Научная статья

УДК 81.42

DOI 10.52070/2542-2197 2021 11 853 168

ЭЛЕМЕНТЫ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЩЕНИЯХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРЕЗИДЕНТА ГЕРМАНИИ

3. С. Романова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, zromanovva@qmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются формы и способы включений религиозного дискурса в структуру рождественских обращений федерального президента Германии. Сам жанр имеет интердискурсивный характер ввиду своих функциональных особенностей. Федеральный президент представляет собой политическую фигуру и обращается к народу, однако повод для данного обращения является религиозным. Автор выдвигает рабочую гипотезу, что элементы религиозного дискурса выполняют определенные функции в текстах рождественских обращений.

Ключевые слова: дискурс, рождественское обращение, религиозный дискурс, политический дискурс, интердискурсивность

Для цитирования: Романова 3. С. Элементы религиозного дискурса в рождественских обращениях Федерального Президента Германии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 168–179. DOI: 10.52070/2542-2197 2021 11 853 168

Original article

ELEMENTS OF RELIGIOUS DISCOURSE IN GERMAN PRESIDENT'S CHRISTMAS MESSAGE

Z. S. Romanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, zromanovva@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the forms and ways of incorporating religious discourse into the structure of the Christmas message delivered by the Federal President of the Federal Republic of Germany. The genre itself is interdiscursive due to its participants and the occasion. The Federal President is a political figure while the holiday is religious in its nature. The author proposes a hypothesis that elements of religious discourse fulfill certain functions in the texts of Christmas messages.

Key words: discourse, Christmas message, religious discourse, political discourse, interdiscursivity

For citation: Romanova, Z. S. (2021). Elements of religious discourse in German President's Christmas message. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 168–179. DOI: 10.52070/2542-2197 2021 11 853 168

Введение

Выступление главы государства ФРГ приурочено к главному христианскому празднику страны - Рождеству, что предопределяет включение религиозного дискурса или его элементов в обращение политика. В Германии с обращением выступает федеральный президент – один из ведущих политиков страны. С рождественским обращением к верующим обращаются также церковные иерархи, прежде всего Папа Римский в католической церкви. Выступление федерального президента адресовано всем гражданам страны независимо от их вероисповедания. Важно иметь в виду, что Рождество – один из главных государственных праздников в ФРГ, отмечаемый как верующими, так и неверующими и ставший неотъемлемой частью культуры страны, ее культурной константой. Рождественское обращение федерального президента является также многолетней традицией общественной жизни ФРГ, берущей начало в 1970 году, когда с обращением выступил Густав Хайнеман. Как правило, в рождественских обращениях президент не только поздравляет людей с праздником, он также оценивает результаты уходящего года и выражает свои надежды на будущий.

Рождественские обращения федерального президента были рассмотрены в статье Г. М. Фадеевой, которая рассматривает данный тип текстов как медиасобытие [Фадеева, 2016]. В предлагаемом исследовании мы концентрируемся только на дискурсивном взаимодействии, характерном для данного жанра. Рождественское обращение представляет собой особое гибридное явление, в котором актуализируются несколько дискурсов. Оно рассматривается как особый акт или текст политической коммуникации [Фадеева, 2016; Селиванова, 2020], т.е. данный жанр относится исследователями к политическому дискурсу.

Актуальность предлагаемой публикации видится в востребованности исследований не только по проблемам дискурса, но и по взаимодействию дискурсов, в том числе религиозного и политического. Исследование рождественского обращения федерального президента ФРГ наиболее плодотворно может быть осуществлено с дискурсивных позиций и должно учитывать следующие факторы. Выступление президента страны происходит всегда в определенные

дни (в избранном нами временном отрезке обращение было опубликовано на официальном сайте федерального президента ФРГ 24 декабря в 1990, 1991, 1992, 1993 годы, с 1994 по 2020 год – 25 декабря), оно детерминировано конкретной политической и экономической ситуацией в стране, т. е. актуально для граждан в момент его трансляции.

В статье поставлена цель установить взаимодействие религиозного и политического дискурсов в рождественских обращениях, а также выявить, насколько религиозный дискурс детерминирует ежегодное рождественское выступление федерального президента ФРГ и каковы языковые особенности и функции включений религиозного дискурса в этих обращениях.

Исследование проведено на материале рождественских обращений с 1990 по 2020 год. Важно отметить, что рождественские обращения имеют устную форму и транслируются в Германии по радио и телевидению, для нашего исследования использовались только расшифрованные тексты, представленные на официальном сайте федерального президента Германии¹. В качестве методов исследования были использованы как общенаучные методы (описание, обобщение, систематизация), так и лингвистические (интерпретационный, дискурсивный анализы).

Выбранный временной период объясняется значимостью 1990 года в истории Германии: в 1990 году произошло воссоединение двух немецких государств. За тридцатилетний период с рождественским обращением выступило 7 президентов:

- Рихард Вайцзэккер (Христианско-демократический союз Германии (ХДС);
 - Роман Херцог (ХДС);
- Йоханнес Рау (Социал-демократическая партия Германии (СДПГ);
 - Хорст Кёлер (ХДС);
 - Кристиан Вульф (ХДС);
 - Йоахим Гаук (протестантский пастор);
 - Франк-Вальтер Штайнмайер (СДПГ).

Таким образом, каждая личность имеет свои политические и, возможно, религиозные взгляды, которые могут также выявиться в структуре и содержании рождественского обращения.

¹URL: http://www.bundespraesident.de/

Формы включений религиозного дискурса в текст рождественского обращения

Рождественское обращение представляет собой особый жанр. С одной стороны, как отмечалось выше, он принадлежит к политическому дискурсу, так как оратор является политическим деятелем, обращающимся к народу, но, с другой — речь произносится по религиозному поводу, даже дата выступления несет в себе религиозный, христианский смысл, что предопределяет взаимодействие этих двух дискурсов.

Для того, чтобы выявить взаимодействие дискурсов, необходимо обозначить возможные способы этого взаимодействия. М. Г. Дудкинская, с опорой на работы Е. В. Ротановой, В. Е. Чернявской, Е. В. Скугаревой, выделяет следующие маркеры интердискурсивного взаимодействия: семантические (инородные сюжеты, темы), референциальные (антропонимы, реалии и др.), языковые (фонетические, лексические, грамматические элементы и средства, присущие другим дискурсам), интертекстуальные (цитаты, аллюзии и др.) [Дудкинская, 2019].

Предмет статьи предполагает определение понятия «религиозный дискурс». Е. В. Бобырева понимает под религиозным дискурсом «совокупность речевых актов, которые используются в религиозной сфере», а также «набор определенных действий, ориентированных на приобщение человека к вере, совокупность речеактовых комплексов, сопровождающих процесс взаимодействия коммуникантов» [Бобырева, 2008]. В данной статье религиозный дискурс рассматривается в более широком смысле – как совокупность речевых образований, связанных с религиозной тематикой посредством обращения к сюжетам и ценностным установкам религиозного дискурса, а также с использованием присущих данному дискурсу стратегий.

В ходе анализа исследовательского материала было установлено, что наиболее частотными маркерами интердискурсивного взаимодействия являются интертекстуальные: цитирование текстов Библии. Они являются прецедентными текстами, что закономерно, учитывая повод рождественского обращения. В Рождество христиане празднуют рождение Иисуса Христа. Эта история изложена в Евангелиях от Матфея 1:18–25, от Луки 2:1–20, а также отчасти в Евангелии от Иоанна 1:1–14. Текст, на который опираются большинство президентов в своих обращениях, представляет собой изложение истории

Рождества евангелистом Лукой. Именно в этом тексте мы находим сюжет Благовещения пастухам¹:

Und es waren Hirten in derselben Gegend auf dem Felde bei den Hürden, die hüteten des Nachts ihre Herde. Und des Herrn Engel trat zu ihnen, und die Klarheit des Herrn *leuchtete* um sie; und sie fürchteten sich sehr. Und der Engel sprach zu ihnen: *Fürchtet euch nicht!* Siehe, ich verkündige euch große Freude, die allem Volk widerfahren wird; denn euch ist heute der Heiland geboren, welcher ist Christus, der Herr, in der Stadt Davids (Lk 2:8–11).

<...> Ehre sei Gott in der Höhe und *Friede auf Erden* bei den Menschen seines Wohlgefallens (Lk 2:14).

Ангел является группе пастухов и сообщает им благую весть, то есть весть о рождении Мессии, Спасителя. Те испугались явления ангела, на что получают наставление «Не бойтесь!», ставшее довольно часто воспроизводимой цитатой. После этого появляется множество других ангелов, славящих Бога и воспевающих мир на земле для всех богоугодных людей. Ключевыми фразами для цитирования этого евангельского эпизода являются «Не бойтесь!» и «На земле мир».

Цитирование выше рассмотренных строк из Евангелия от Луки («Fürchtet euch nicht!», «Friede auf Erden»), включение концепта «свет», а также обращение к самому библейскому сюжету, к истории рождения Иисуса Христа в виде пересказа являются самыми продуктивными способами включения религиозного дискурса в рождественских обращениях федерального президента ФРГ.

Сначала будут рассмотрены случаи цитирования. Речь президента Рихарда фон Вайцзеккера в 1992 году начинается с этой цитаты:

«Fürchtet Euch nicht», so spricht der Engel die Menschen auf Erden an. Das verstehen wir alle, ob wir Christen sind oder nicht, denn jeder kennt die Angst.

Свою речь он посвящает кризисным ситуациям в мире, произошедшим в предыдущий год, в частности войнам в Сомали и в Югославии. Цитата предваряет эти темы. Президент также обращается к сюжету рождения Иисуса и бегства его семьи в Египет. Звучит призыв к взаимопомощи и взаимопониманию: «Doch Weihnachten lädt uns zur Gemeinsamkeit ein, zum Nehmen und Geben, zum Zuhören und Verstehen».

172

¹ Библейские тексты приводятся по ресурсу: https://www.die-bibel.de/, версия Lutherbibel 2017

Анализ материала показывает, что использование прецедентных текстов встречается, как правило, в начале и в конце речи; таким образом оратор сразу обращает внимание слушателей на важный аспект праздника, а в конце подводит итог. В 2012 году Йоахим Гаук также начинает свою речь с обращения к библейскому сюжету и цитирования Евангелия:

In dieser Geschichte um das Kind in der Krippe begegnen uns Botschaften, die nicht nur religiöse, sondern alle Menschen ansprechen: "Fürchtet Euch nicht!" und "Friede auf Erden!"

Аналогичное находим в 2008 году в рождественском обращении Хорста Кёлера:

«Für jeden von uns, ob Christ oder nicht, sind die Bilder von Weihnachten einleuchtend: Ein Kind wird geboren, in einem Stall in einer Futterkrippe – und mit ihm kommt Licht in die Welt. Menschen in Sorge und Angst hören den Ruf: "Fürchtet euch nicht!"»

В этом же фрагменте встречается новый тип включения религиозного дискурса в текст рождественского обращения — реализация концепта «свет», что будет рассмотрено в следующем разделе статьи.

В 2014 году протестантский пастор Йоахим Гаук делает особенный упор на обсуждаемой нами цитате, так как в своем обращении президент акцентирует внимание на таких проблемах, как Friedlosigkeit, Bürgerkriege, Terror und Mord (отсутствие мира; гражданские войны; террор и убийства). Выбор тем, поднимаемых в обращении, обусловлен политической ситуацией в мире, в 2014 году произошел военный конфликт на востоке Украины. Таким образом президент противопоставляет реальный порядок вещей заветам евангельским:

Wenn wir dann die weihnachtliche *Botschaft* hören: "*Friede auf Erden!*", so klingt sie in diesem Jahr besonders dringlich».

Ermutigung: Das ist die zweite weihnachtliche *Botschaft*. Auch sie erklang einst auf den Feldern von Bethlehem und sie lautet: "Fürchtet euch nicht!" Der Gott, der der Welt in der Gestalt eines kleinen Kindes erschienen ist, will jede Furcht von uns nehmen.

"Fürchtet euch nicht!": Das möchte ich in diesem Jahr allen zurufen, die sich durch die Entwicklung in der Welt beunruhigt fühlen, die besorgt sind, dass wir auf etliche Fragen noch keine Antworten kennen.

Die Botschaft "Fürchtet euch nicht!" dürfen wir auch als Aufforderung verstehen, unseren Werten, unseren Kräften und übrigens auch unserer Demokratie zu vertrauen.

Повторяемость цитаты практически в каждом абзаце, в том числе в середине речи, используется не столько для организации текста, сколько для усиления смысла, который президент вкладывает в свое обращение.

В 2019 году Франк-Вальтер Штайнмайер посвящает своё обращение конфликтам и дебатам среди граждан. Темами конфликтов являлись минувшие выборы в Европейский парламент, вопросы изменения климата. В связи с произошедшим в том году нападением на синагогу в Галле президент акцентирует также внимание граждан на проблемах антисемитизма. Главной идеей в тексте является демократия и ответственность каждого гражданина за свою страну и других людей. Он заканчивает свою речь словами: «"Fürchtet Euch nicht!", heißt es in der Weihnachtsgeschichte. Mut und Zuversicht – das wünsche ich Ihnen und uns allen für das kommende Jahr». Таким образом, федеральный президент вдохновляет своих граждан на более осознанные решения, и евангельская цитата выступает в качестве ободряющего заключения его идеи.

Следующей часто воспроизводимой цитатой является «Friede auf Erden» из второй главы Евангелия от Луки. Необходимо отметить, что в отличие от предыдущей цитаты, последняя определяет саму суть обращения, что подтверждается частотностью ее употребления: «Friede auf Erden» включена в 9 рождественских обращений. Ввиду ограниченности объема статьи не представляется возможным представить каждое использование цитаты, поэтому приводим наиболее яркие примеры.

В 1995 году Роман Херцог заканчивает свою речь следующим образом:

Denn: "Frieden auf Erden", das ist nicht nur die Pflicht, die uns das Weihnachtsfest auferlegt, sondern es ist auch die Verheißung, die es uns zuspricht. Wir müssen uns nur darum bemühen.

До этой цитаты в обращении тема сохранения мира поднимается в его обращении еще три раза:

Dem *Frieden* und der Mitmenschlichkeit wäre auch sehr gedient, wenn wir mit unserer Sprache sorgfältiger und menschlicher umgingen, als wir es gelegentlich tun;

Dem *Frieden* unter uns ist das nicht dienlich, und wohin es führen kann, haben wir erst vor wenigen Wochen wieder erlebt, beim Tod des israelischen Ministerpräsidenten Itzhak Rabin, der ein mutiger Kämpfer für den *Frieden* war und genau deshalb ermordet worden ist.

Ключевой темой этого обращения является Mitmenschlichkeit, т. е. человечность, отношения между людьми. Президент призывает людей к взаимопомощи, даже если это что-то незначительное на первый взгляд: «Mitmenschlichkeit fängt im Kleinen an, mit einem Lächeln oder einer ausgestreckten Hand...». Важным способом включения религиозного дискурса выступает и обращение к сюжету, где президент сравнивает семью Иисуса Христа, вынужденную спасаться бегством, чувствующую неуверенность своего положения, с семьями, которые испытывают те же проблемы в том 1995 году:

Die Unsicherheit, in der sich diese Familie befand, verstehen wir vielleicht besser als manche früheren Generationen. Die Älteren von uns haben selbst erlebt, was Vertreibung und Heimatlosigkeit bedeutet. Die Jüngeren erfahren es fast täglich aus den Fernsehberichten, die uns aus Ex-Jugoslawien, aus Ruanda und vielen anderen Ländern erreichen.

Рождественское обращение Йоханнеса Рау в 2003 году было особенно наполнено включением темы «мир». Помимо отсылки к тексту оригинала: «Es ist die Botschaft von der Nächstenliebe und vom Frieden auf Erden, dem äußeren Frieden und dem inneren», слово Frieden встречается в обращении еще три раза:

Deswegen danke ich allen Soldatinnen und Soldaten, Polizistinnen und Polizisten, auch den vielen zivilen Helferinnen und Helfern, die, oft weit weg von zu Hause, ihren Dienst leisten für *Frieden...*».

Meine Frau und ich wünschen Ihnen und uns allen, dass die *Botschaft* von Weihnachten, vom *Frieden* in der Welt und vom Frieden in uns, in unserem Leben immer wieder Wirklichkeit wird – im Kleinen und im Großen.

В 2014 году Йоахим Гаук сказал: «Wenn wir dann die weihnachtliche Botschaft hören: "*Friede auf Erden!*", so klingt sie in diesem Jahr besonders dringlich». Помимо данного примера, президент обращается к теме мира еще шесть раз. Для большей убедительности он противопоставляет *Frieden* и *Unfrieden*, подчеркивает, что демократия в Германии противостоит немиру. Таким образом, можно отметить, что речь Йоахима

Гаука наполнена различными элементами религиозного дискурса, что объясняется, по нашему предположению, и его пасторским прошлым.

На лексическом уровне религиозный дискурс реализуется в рождественских обращениях посредством использования традиционного пожелания gesegnete Weihnachten, а также словом Botschaft, которое является синонимом «евангелия» и в переводе с древнегреческого означает благая весть, на немецком «die Frohe Botschaft» в текстах встречается weihnachtliche Botschaft.

Концепт «свет» в рождественских обращениях

Под образом «света» имеется в виду как рождение Иисуса Христа, так и христианское понимание «спасения», являющееся одним из краеугольных аспектов христианской веры. В Евангелии от Иоанна в первой главе говорится о сущности Иисуса Христа, евангелист сравнивает его со светом для верующих: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин 1:4)². Таким образом, данный маркер интердискурсивности вводит новую тему. В 10 обращениях мы находим отсылку к концепту «свет».

В 1990 году Рихард фон Вайцзеккер цитирует отрывок из Евангелия от Иоанна, выражает свое отношение и обращается к библейскому сюжету:

"Wer seinen Bruder liebt, der bleibt im Licht", so heißt es im Neuen Testament. Das Licht ist ihr Zeichen der Liebe. Sie bringen es zu Weihnachten, dem Fest der Liebe, an dem sich nach christlichem Glauben Gott als Mensch der Welt zuwendet;

Viele Menschen fragen nach diesem Licht in ihrem Alltag;

Laßt uns deshalb mit den Herrnhutern das Licht der Liebe in jedes Haus tragen und in jedem Haus empfangen.

Здесь можно говорить о разъясняющий стратегии религиозного дискурса, присущей проповедям [Карасик, 2002]. В данном случае мы видим истолкование религиозного текста, президент дает понимание света как любви к ближнему. Кроме того, идет обращение к одной из важнейших христианских ценностей, выраженной словом *Liebe*, которая здесь взаимосвязана с рассматриваемым концептом.

 $^{{}^{1}}URL:\ https://www.duden.de/rechtschreibung/Botschaft$

²URL: https://bible.by/verse/43/1/4/

Этот же мотив прослеживается в обращении Романа Херцога в 1994 году. Вместо имени Иисуса Христа президент использует перифразу (das wahre Licht). Семантически это выражается не только самим словом Licht, но и синонимичными лексемами Glanz, erhellen, эксплицирующими концепт Licht. В этом же обращении оратор, призывая людей не терять надежду, использует антитезу из Евангелия:

Wenn an Weihnachten, wie es heißt, das wahre Licht in die Welt gekommen ist, dann nicht, um gefühlvollen Glanz zu verbreiten, sondern um zu erhellen, wie es in der Welt wirklich aussieht.

Es ist besser, ein Licht anzuzünden, als über die Dunkelheit zu klagen.

Аналогичное противопоставление и тот же глагол повторяются в обращениях Романа Херцога в 1997 и 1998 годах:

Das Weihnachtsfest lebt seit je von einer besonderen Spannung: Auf der einen Seite fällt es in die *dunkelsten* Tage und längsten Nächte des Jahres, und auf der anderen Seite ist es von *festlichem Licht erhellt* (1997);

Es gibt einen alten Spruch: *Die ganze Dunkelheit* der Welt reicht nicht aus, *das Licht einer einzigen Kerze* zu löschen (1998).

Роман Херцог вводит также еще один сюжет в свою речь, в котором он упоминает историю трех волхвов:

Auch wer sich nicht so gut *in der Bibel* auskennt, kennt *die Geschichte von den Drei Königen und dem Stern von Bethlehem*. Diese Männer sind damals, so heißt es, *dem Stern gefolgt*. Sie haben Altbekanntes verlassen, um Neues zu suchen (1994).

Вифлеемская звезда также вербализует концепт «свет». Ведь по преданию, именно ее свет привел волхвов к новорожденному ребенку.

В последующих обращениях Йоханнеса Рау в 1999, 2000, 2001 и 2002 годах имя концепта Licht повторяется многажды:

Die Botschaft der Weihnachtsgeschichte ist auch heute noch gültig und sie geht jeden von uns an, weil sie Licht in die Welt bringt (1999);

Zu unseren schönsten Traditionen gehört das Weihnachtsfest, dazu gehören die Lichter und die Stimmungen, die Gefühle und die Erwartungen, die wir damit verbinden (2000);

Gerade bei uns in Deutschland ist das Weihnachtsfest bestimmt von friedlichen, ja oft idyllischen Bildern. Wir denken an den *Weihnachtsbaum* und an die Kerzen, die *friedliches Licht verbreiten* (2001);

Und allen gilt die alte und jedes Jahr neue Botschaft des Weihnachtsfestes. Sie kündet von der Nähe Gottes zu jedem einzelnen Menschen und sie kündet von Frieden auf Erden. Auch wer kein Christ ist, wird sich der großen Zuversicht, die in den Bildern und Liedern von Weihnachten ausgedrückt wird, nicht verschließen, wenn er Weihnachten feiert. Jeder kann sich von der Freude anstecken lassen, die von dem Licht ausgeht, das in der Finsternis leuchtet» (2002); «Das kleinste Licht ist stärker als alle Finsternis» (2002).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- 1. Жанр рождественского обращения представляет собой гибридный тип дискурса, в котором актуализируются два дискурса политический и религиозный. Федеральный президент ФРГ выступает с обращением, чтобы поздравить граждан страны с христианским праздником и обратить внимание общества на важные для текущего момента темы.
- 2. В обращениях президентов центральными темами являются актуальные для общества вопросы внутренней и внешней политики. Элементы религиозного дискурса в них имеют целью мотивировать или призывать граждан к осознанным гражданским поступкам в духе христианских добродетелей.
- 3. Основными способами включения религиозного дискурса в структуру рождественского обращения являются: цитирование, обращения к библейскому сюжету рождения Иисуса Христа, лексические средства экспликации концепта «Licht», а также включение лексических маркеров Рождества «gesegnete Weihnachten», «Botschaft».
- 4. Самыми частотными цитатами являются строки из Евангелия от Луки «Fürchtet euch nicht!», «Friede auf Erden», зафиксированными в 14 из 31 обращения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Фадеева Г. М.* Рождественское телеобращение главы государства как медиасобытие // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. Вып. 7 (746). С. 273–285.

- 2. *Селиванова И. В.* Рождественское обращение испанского монарха как объект лингвистического исследования // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. Вып. 2 (27). С. 15.
- 3. Дудкинская М. Г. Особенности дискурсивного взаимодействия в романе Т.Пинчона «Выкрикивается лот 49» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 7 (823). С. 99–112.
- 4. *Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс: ценности и жанры // Знание. Понимание. Умение. 2008. Вып. 1. С. 162–167.
- 5. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

REFERENCES

- 1. Fadeeva, G. M. (2016). Head of state Christmas address as a media event. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7 (746), 273–285. (In Russ.)
- 2. Selivanova, I. V. (2020). The Spanish King's Christmas message as an object of linguistic study. Memoirs of NovSU, 2 (27), 15. (In Russ.)
- 3. Dudkinskaya, M G. (2019). Some characteristics of discursive relations in T.Pynchon's "The Crying of Lot 49". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7 (823), 99–112. (In Russ.)
- 4. Bobyreva, E. V. (2008). Religioznyj diskurs: cennosti i zhanry = Religious discourse: values and genres. Knowledge. Understanding. Skill, 1, 162–167. (In Russ.)
- 5. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 2002. (In Russ.)

Информация об авторах:

Романова 3. С. – аспирант кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета.

Information about the authors:

Romanova Z. S. – Postgraduate Student, Department of German Lexicology and Stylistics, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

Научная статья

УДК 81'27

DOI 10.52070/2542-2197 2021 11 853 180

СОЦИОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ TEKCTOB ПРОЕКТА ORAL HISTORY

Г. М. Фадеева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, galina fadeeva@rambler.ru

Аннотация. В статье раскрывается потенциал текстов устных рассказов-воспоминаний, записываемых в рамках национального немецкого проекта *Oral History* и схожих по целям частных проектов как важных источников для социостилистических исследований. Данный корпус позволяет раскрыть многоаспектность восприятия индивидуумом событий XX в., что находит отражение в языке воспоминаний свидетелей своего времени и предполагает комплексный подход к их изучению.

Ключевые слова: корпус устных текстов, проект Oral History, рассказанная история, свидетель своего времени, социостилистика, социолингвистика

Для цитирования: Фадеева Г. М. Социостилистический потенциал текстов проекта *Oral History* // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 180–190.

DOI: 10.52070/2542-2197 2021 11 853 180

Original article

SOCIO-STYLISTIC POTENTIAL OF ORAL HISTORY PROJECT TEXTS

G. M. Fadeeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, galina_fadeeva@rambler.ru

Abstract. The article brings to the surface a great role of Oral History texts and their potential as sources of sociostylistic research. The text corpus serves to reveal the ambiguity of impressions of witnesses of the last hundred years, what is reflected in the language of Oral History texts. The archives compiled in the course of this project as well as other German language archives promote a complex approach to the sociostylistic study of language.

Key words: speech corpus, Oral History project, a told story, a witness of his / her time, sociostylistics, sociolinguistic research

For citation: Fadeeva, G. M. (2021). Socio-stylistic potential of *Oral History* Project texts. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 180–190.

DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_180

Введение

Статья посвящена взаимодействию социокультурных и языковых процессов в Германии XX века, которые находят отражение в аудио- и видеозаписях устных рассказов-воспоминаний и интервью свидетелей своего времени. Эти тексты записываются и архивируются в рамках национального научного проекта *Oral History*, а также в других близких по целям проектах.

В настоящее время социостилистические исследования текстов проекта *Oral History* только начинают завоевывать внимание лингвистов, поэтому актуальной представляется задача показать роль и потенциал данных корпусов текстов как важных объектов не только исторических исследований (именно этот подход находится в центре внимания немецких историков), но также социолингвистических (социостилистических) исследований, в том числе, в целях изучения функциональной и социальной дифференциации немецкого языка как в системном состоянии, так и в динамике.

Одним из основоположников отечественной *социолингвистики* по праву считается Е. Д. Поливанов, исследовавший широкий круг проблем взаимоотношения языка и общества, в том числе вопросы социальной дифференциации языка. Основы *социостилистики*, т. е. понимание стилистики как социолингвистической науки, были разработаны в трудах Г. О. Винокура и В. В. Виноградова. В статье «О задачах истории языка» (1941) Г. О. Винокур подчеркивал, что стилистика изучает наряду с проблемой языкового строя проблему языкового *употребления*, т. е. совокупность языковых привычек и норм данного общества, которые обусловливают определенный *отбор* средств языка, детерминированный разными условиями языкового общения [Винокур, 1959]. Мощным импульсом для развития стилистики как социолингвистической дисциплины послужило определение понятия «стиль», предложенное В. В. Виноградовым.

Полностью разделяя взгляды Γ . О. Винокура и В. В. Виноградова на социолингвистический характер стилистики и ее особые задачи, этот подход на материале немецкого языка успешно разрабатывала выдающийся стилист XX века Э. Γ . Ризель, которая подчеркивала

особое значение взаимодействия экстра- и интралингвистических факторов.

К основным задачам социостилистики Э. Г. Ризель относила изучение закономерностей в речи социальных групп (социолектов) и индивидуумов (идиолекты) [Riesel, Schendels, 1975]. В монографии «Стиль немецкой обиходно-разговорной речи» [Riesel, 1964] связь стилистики Э. Г. Ризель с социолингвистикой проявилась особенно ярко [Фадеева, 2017].

Для настоящей статьи принципиальным является сформулированное на основе глубокого анализа научной литературы утверждение Л. Г. Лузиной о том, что лингвистическая стилистика раньше других разделов языкознания обратилась к исследованию динамического состояния языковой системы, изучая речевую деятельность и обращаясь при этом к широкому внеязыковому контексту ситуации [Лузина, 2004]. Как мы видим, в трудах всех вышеназванных ученых речь идет о языковом варьировании (выборе), обусловленном ситуацией или контекстом.

К объектам изучения социостилистики относятся и рассматриваемые в данной статье устные персонифицированные тексты проекта *Oral History*, т. е. записанные и заархивированные устные рассказы / воспоминания.

Тексты Oral History как объекты социостилистических исследований

Задача сохранения устного немецкого языка в архивах корпусов и их изучения становится все более актуальной в силу таких экстралингвистических причин, как уход из жизни носителей различных идиомов немецкого языка, представителей определенных социолектов; уход из жизни свидетелей своего времени, а с ними и их живой немецкой речи и др. [Фадеева, 2018].

Направление, в рамках которого происходит сбор и архивирование устных воспоминаний в Германии, называется *Oral History*, что разъясняется в немецкоязычных научных источниках через немецкие соответствия: *erinnerte Geschichte* (история в воспоминаниях), *mündliche Geschichte* (устная история), *erzählte Geschichte* (рассказанная история).

Рассказанная и записанная устная история понимается как метод современной историографии, который зародился в 40-е годы XX века,

а уже в 1954 году в Калифорнийском университете Беркли был создан центр *Oral History*. Временем «первого расцвета» данного направления принято считать 1960–1970-е годы [Вrüggemeier et al., 2009]. Изначально идея принадлежала историкам, обратившим внимание на значимость индивидуальных биографий обычных людей (со всей их субъективностью) для понимания важных историко-политических контекстов. После бурных дискуссий на Немецком конгрессе историков в 1984 году критика данного направления исследований утихла, а дальнейшее развитие «истории повседневности» (*Alltagsgeschichte*) доказало, что это был не просто очередной модный поворот в науке (*modischer turn*), а глубокое изменение взгляда как на данную академическую дисциплину, так и на изменение отношения к собственной истории [Schildt, 2015].

Понятие «Oral History» часто применяется ко всем формам беседы со свидетелями своего времени, причем речь идет не только о беседах в привычном понимании, но и о формате свободного рассказа (freies Sprechen) в виде аудио- и видеоинтервью, которые затем архивируются и изучаются. Немецкие исследователи выделяют четыре наиболее существенные смены парадигм в истории данного направления:

- 1) послевоенный ренессанс «памяти культуры»;
- 2) постпозитивистский поворот 70-х годов;
- 3) изменение взгляда на отношения интервьюируемого и интервьюера;
- 4) дигитальную (цифровую) революцию [Brüggemeier et al., 2009]. Внимание историков и социолингвистов, работающих с текстами *Oral History*, направлено на разные объекты. В фокусе исторических исследований стоит индивидуум с его биографией и его рефлексиями по поводу исторических событий, которые ему довелось пережить как

свидетелю своего времени, причем, это часто именно рядовой человек. Таким образом, по мнению А. Ассманн (Assmann), речь идет о «возвращении от истории к историям», что представляет собой важнейшее историографическое изменение парадигмы нашего времени, от «макрокосмоса всемирно-исторической перспективы» к «микрокосмосу определенной среды» и ее будней¹. В 1990-е годы важную роль сыграло развитие медиализации, которое расширило сферу применения

и изучения текстов *Oral History* [Andresen, Apel, Heinsohn, 2015].

¹Цит. по: [Fix et al., 2000, с. 18].

Для социостилистических исследований наибольший интерес представляет то, что речь идет об аутентичных устных текстах, живом, неотредактированном устном слове.

Проект *Oral History* наряду с другими корпусами устной речи позволяет собирать и архивировать, т. е. сохранять аутентичную речь как сегодняшних, так и ушедших поколений и социальных групп. Это обеспечивает социолингвистическое изучение стратификации сосуществующих форм языка в их системном состоянии и в их динамике, а язык в его социальной дифференциации, как подчеркивал В. М. Жирмунский, «всегда представляет систему в движении, разные элементы которой в разной мере продуктивны и движутся с разной скоростью»¹.

Записанные рассказы свидетелей своего времени публикуются в немецких научных сборниках, сформированных по разным критериям и преследующих разные научные цели. К этому корпусу устных текстов можно отнести устные интервью, записанные в ходе реализации проекта, целью которого было изучение роли индивидуума в процессе изменения употребления немецкого языка после воссоединения Германии в 1990 г. Объемный сборник с материалами проекта, подготовленный к печати немецкими лингвистами У. Фикс (Fix) и Д. Барт (Barth), вышел в свет в 2000 году под названием «Sprachbiographien» [Fix, Barth, Beyer, 2000] в известном научном издательстве Peter Lang. Сборник состоит из двух частей: 1) научной части со статьями У. Фикс и Д. Барт; 2) текстов, которые авторы-составители определяют как «нарративно-дискурсивные интервью». Интервью были проведены в рамках проекта Немецкого научно-исследовательского общества (DFG) «Fremdheit in der Muttersprache. Sprachgebrauchswandel und Sprachloyalität in den neuen Bundesländern» (Незнакомое языке. Изменения в речи и языковая лояльность в новых федеральных землях). Напомним, что новыми федеральными землями после объединения Германии стали называться земли на территории бывшей ГДР.

Опубликованная У. Фикс и Д. Барт книга заняла особое место в проекте, поскольку речь в ней шла не только об *описании речеупом-ребления и коммуникативного поведения* жителей ГДР после объединения Германии (что, безусловно, представляет большой интерес для социостилистического изучения изменений в немецком языке на

¹Цит. по: [Крысин 2004, с. 76].

данном этапе истории Германии), но и о том, как рядовые участники коммуникации, носители языка, реагировали на эти изменения, как они переживали и оценивали эти события. Для авторов-исследователей было важно зафиксировать, описать и проанализировать этот материал с научной точки зрения. Актуальность задачи была очевидна для ученых, проживавших в новых федеральных землях, поскольку «на эту тему высказывался каждый» [Fix, Barth, Beyer, 2000, с. 7]. Примечательны в этой связи слова немецкого социо- и прагмалингвиста Б. Шлиебен-Ланге (Schlieben-Lange) о том, что лингвисту надо как историографу заниматься традициями устной речи, а это значит «отправляться на поиски источников»¹. Такими источниками являются, в частности, интервью, в которых опрошенные рядовые граждане, прожившие в ГДР, т. е. в социалистическом государстве, всю сознательную жизнь или большую ее часть, рассказывали «свою историю» объединения Германии.

Всего в период 1994—1996 годов были записаны 30 интервью продолжительностью от полутора до двух часов, целью которых было изучение определенного сегмента дискурса, представляющего собой зафиксированные варианты индивидуального восприятия и рефлексии по поводу исторических событий. Общественная и научная значимость проведенной работы очевидна. Как пишет У. Фикс, в ходе проектной работы произошли уточнение и дифференциация постановки проблем. Вопрос о роли индивидуума перерос в вопрос о необходимости изучения «истории устной речи» (Oral Language History), т. е. произошел поворот от «истории» к «историям» [там же, с. 17].

Записанные и опубликованные тексты устных интервью являются персонифицированными текстами. Среди опрошенных в ходе реализации проекта люди разного социального статуса, образования, возраста, территориальной принадлежности, политических взглядов. В роли интервьюера выступали, как правило, близкие родственники, друзья, знакомые, а сама беседа проходила в квартире интервьюируемого, что позволяло быстро преодолеть первоначальную неуверенность, скованность и напряженность, поэтому интервью проходили, как подчеркивают исследователи, в доверительном тоне, непринужденно, свободно и даже в ряде случаев «весело» (heiter).

¹Цит. по: [Fix, Barth, Beyer, 2000, с. 7].

Текст каждого опубликованного в сборнике интервью предваряет краткий комментарий с анонимизированным обозначением интервью ируемого, датой его рождения или указанием возраста на момент интервью, сведениями о его образовании, профессии, карьере, особенностями речи и др. Приведем несколько примеров предваряющих комментариев¹:

- 1. Интервью частного ремесленника, *урожденного саксонца*, 58 лет. Интервью записывалось в его квартире. Атмосфера была непринужденная, ничто ее не нарушало (с. 321).
- 2. Интервью преподавателя немецкого языка в маленьком городке в Тюрингии. Фрау П. 37 лет, она опытный оратор, но иногда соскальзывает в просторечный обиходный стиль (с. 515).
- 3. Интервью с 29-летним бывшим электриком из Саксонии, который после объединения Германии стал работником социальной службы по уходу за больными. Говорит на ярко выраженном саксонском диалекте, речь плавная и свободная, а предложения он часто завершает разговорным вопросительным «ne» (с. 609).
- 4. Интервью молодой женщины 24 лет, которая изучает политологию и германистику. Интервью проходило в ее квартире на кухне за чаем и фруктами. Она говорит быстро *с легким едва слышным тюрингским акцентом*. Часто завершает предложения вопросами «ne?» или «Weiß du?» (c. 678).

Все записанные интервью (рассказы) свидетелей своего времени являются речевыми характеристиками (идиолектом) рассказчиков. Вопросы интервьюера обычно состоят из нескольких слов и служат лишь стимулом для рассказа. Можно с уверенностью говорить об аутентичности данных устных текстов как сохраненных для исследования примерах живой немецкой речи в ее многообразии. Для публикации в сборнике «Sprachbiographien» тексты интервью были слегка сокращены за счет тех частей, которые не были связаны с предметом исследования «Изменения в языке и речеупотреблении». Авторы объясняют это тем, что часть сборника, содержащая транскрипции интервью, задумывалась как книга для чтения, дающая возможность доступа к теме любому заинтересованному читателю. Для научного анализа сохранены аудиозаписи и тщательные, точные транскрипции рассказов.

 $^{^{1}}$ Перевод и выделение курсивом наш. – Γ . Φ .

Анализ корпуса устных интервью позволил ученым, наряду с другими важными наблюдениями, прийти к определенным выводам по одной из недостаточно изученных в лингвистике тем — стилистическому анализу аргументации, т. е. речь идет об исследовании взаимосвязи между: «как» говорить, «что» говорить и «где» говорить. Несмотря на неизбежное субъективное преломление всего, что сообщали интервьюируемые, эти наблюдения имеют определенную ценность для формирования коллективного представления: а) о том, что «это» с точки зрения опрашиваемого было «так»; б) о том, как «это» изображается и интерпретируется опрашиваемым [Fix, Barth, Beyer, 2000].

Значимость и перспективность дальнейших социолингвистических исследований корпуса подобных интервью состоит в следующем: 1) устные тексты, собранные и заархивированные в ходе реализации различных частных проектов, содержат ценные сведения о языке и речи определенного исторического этапа и их социальной стратификации; 2) эти тексты содержат материал для междисциплинарных исследований, например, для исследования с позиций социологии, истории, социальной психологии и лингвистики. Наконец, они дают богатейший материал для выявления взаимосвязи между индивидуально-когнитивным уровнем и социально-нормативной стороной речевой практики, что является актуальной задачей лингвистики в целом и социостилистики, в частности.

Заключение

Социостилистическое исследование текстов *Oral History* предполагает их изучение, имеющее в каждом конкретном случае определенную научную цель. Интервью, в которых люди высказывают и обосновывают свою оценку исторических событий, свидетелями которых они были, дают обширный материал для исследования групповой, социальной, территориальной и иной идентичности, например:

- обиходно-бытового стиля представителей определенной социальной группы в определенный исторический период;
 - диалекта в динамике его изменений;
 - идиолекта рассказчика;
- динамики социального развития языка в разные эпохи в его социальной дифференциации.

Изучение данных и иных аспектов речевой деятельности требует обращения к широкому внеязыковому контексту, к социальной и коммуникативной обусловленности отбора языковых средств в речи, к функционированию языка в обществе. Анализ корпусов устных текстов немецкого языка подтверждает необходимость и неизбежность обращения стилистики к социальному аспекту исследуемых материалов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. *Винокур Г. О.* О задачах истории языка // Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. учеб.-педагог. изд-во Мин. просвещ. РСФСР, 1959. С. 207–226.
- 2. *Riesel E.*, *Schendels E.* Deutsche Stilistik. Moskau : Verlag Hochschule, 1975. (In Germ.)
- 3. *Riesel E.* Der Stil der deutschen Alltagsrede. Moskau : Verlag Hochschule, 1964. (In Germ.)
- 4. Φ адеева Γ . M. Элиза Генриховна Ризель // Отечественные лингвисты XX века. М. : ЯСК, 2017. С. 453–472.
- 5. *Лузина Л. Г.* Социальный аспект лингвостилистических исследований. (Обзор) // Социолингвистика вчера и сегодня: сб. обзоров. М. : РАН ИНИОН, 2004. С. 94–106.
- Фадеева Г. М. Корпусы устных текстов немецкого языка как объект социолингвистики // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. №1–2 (32–33). С. 212–228.
- 7. Brüggemeier Fr.-J., Wierling D., Heinze C. Einführung in die Oral History. Fern Universität in Hagen, 2009. (In Germ.). URL: https://vu.fernuni-hagen.de/lvuweb/lvu/file/FeU/KSW/2014SS/03518/oeffentlich/03518-vorschau.pdf
- 8. *Schildt A.* Avantgarde der Alltagsgeschichte // Es gilt das gesprochene Wort. Oral History und Zeitgeschichte heute. Göttingen: Wallstein, 2015. S. 195–209. (In Germ.)
- 9. Fix U., Barth D., Beyer F. Sprachbiographien. Frankfurt a. M.; Berlin; Bern: Peter Lang, 2000. (In Germ.)
- 10. Andresen, K., Apel L., Heinsohn R. Es gilt das gesprochene Wort. Oral History und Zeitgeschichte heute // Es gilt das gesprochene Wort. Oral History und Zeitgeschichte heute / Hg. K. Andresen, L. Apel, Kh. Heinsohn. Göttingen: Wallstein, 2015. S. 7–22. (In Germ.)
- 11. Крысин Л. П. Проблема социальной дифференциации языка в современной лингвистике // Социолингвистика вчера и сегодня: сб. обзоров. М.: РАН ИНИОН. 2004. С. 75–93.

REFERENCES

- 1. Vinokur, G. O. (1959). O zadachakh istorii yazyka (On the tasks of the history of language). In: Izbrannye raboty po russkomu yazyku (pp. 207–226). Moscow: Gosud. uchebno-pedagog. izd-vo Min. prosveshch. RSFSR. (In Russ.)
- 2. Riesel, E., Schendels, E. (1975). Deutsche Stilistik. Moskau: Verlag Hochschule. (In Germ.)
- 3. Riesel, E. (1964). Der Stil der deutschen Alltagsrede. Moskau: Verlag Hochschule. (In Germ.)
- 4. Fadeeva, G. M. (2017). Ehliza Genrikhovna Rizel' = Eliza Genrikhovna Riesel. In: Otechestvennye lingvisty XX veka (pp. 453–472). Moscow: Izd. dom YASK. (In Russ.)
- 5. Luzina, L. G. (2004). Sotsial'nyi aspekt lingvostilisticheskikh issledovanii. (Obzor) = The social aspect of linguo-stylistic research. In: Sotsiolingvistika vchera i segodnya: Sb. obzorov (pp. 94–106). Moscow: INION RAN (In Russ.)
- 6. Fadeeva, G. M. (2018). German speech corpora in socio-cultural studies. In: Human Being: Image and essence. Humanitarian aspects: Scientific journal, 1–2 (32–33), 212–228. Moscow: RAN INION. (In Russ.)
- Brüggemeier, Fr.-J., Wierling, D., Heinze, C. (2009). Einführung in die Oral History. FernUniversität in Hagen. (In Germ.). https://vu.fernuni-hagen.de/ lvuweb/lvu/file/FeU/KSW/2014SS/03518/oeffentlich/03518-vorschau.pdf
- 8. Schildt, A. (2015). Avantgarde der Alltagsgeschichte. In: Es gilt das gesprochene Wort. Oral History und Zeitgeschichte heute (S. 195–209). Göttingen: Wallstein. (In Germ.)
- 9. Fix, U., Barth, D., Beyer, F. (2000). Sprachbiographien. Frankfurt a.; M.; Berlin; Bern: Peter Lang. (In Germ.)
- 10. Andresen, K., Apel L., Heinsohn R. (2015). Es gilt das gesprochene Wort. Oral History und Zeitgeschichte heute. (Hgs.) K. Andresen, L. Apel, Kh. Heinsohn. In: Es gilt das gesprochene Wort. Oral History und Zeitgeschichte heute (S. 7–22). Göttingen: Wallstein. (In Germ.)
- 11. Krysin, L. P. (2004). Problema sotsial'noi differentsiatsii yazyka v sovremennoi lingvistike = The problem of social differentiation of language in modern linguistics. In: Sotsiolingvistika vchera i segodnya: Sb. obzorov (pp. 75–93). Moscow: INION RAN (In Russ.)

Информация об авторе

Фадеева Г. М. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лексикологии и стилистики факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Fadeeva G. M. – PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Lexicology and Stylistics of German, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

Научная статья

УДК 811

DOI 10.52070/2542-2197_2021_11_853_191

ДИСКУРС В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (терминологический аспект)

В. В. Яковлева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия vipanteleeva@mail.ru

Аннотация. В статье с целью уточнения терминологического аппарата проводится выделение и анализ основных характеристик педагогического, образовательного и академического дискурсов как типов институциональных дискурсов образовательного пространства. Предлагается модель сопоставления данных типов дискурсов по ряду таких параметров, как статусные отношения между участниками дискурса, сфера функционирования и цель дискурса. Сделаны выводы о разграничении сфер реализации исследуемых типов дискурсов.

Ключевые слова: дискурс, образовательный дискурс, педагогический дискурс, академический дискурс, институциональный дискурс

Для цитирования: Яковлева В. В. Дискурс в образовательной деятельности терминологический аспект) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 191–203.

DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_191

Original article

DISCOURSE IN EDUCATIONAL ACTIVITIES (terminological aspect)

V. V. lakovleva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, vipanteleeva@mail.ru

Abstract. The paper explores the characteristics of pedagogical, educational and academic discourses as types of institutional discourses in educational space in order to clarify the terminological apparatus. A model is proposed for comparing the types of discourse in several parameters such as status relations between participants in the discourse, the sphere of implementation and the purpose of the discourse. Conclusions are made about distinction of the researched types of discourses in their implementations.

Key words: discourse, educational discourse, pedagogical discourse, academic discourse, institutional discourse

For citation: lakovleva, V. V. (2021). Discourse in educational activities (terminological aspect). Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 191–203. DOI: 10.52070/2542-2197 2021 11 853 191

Введение

В современной науке отсутствует единое мнение в вопросах дефиниции понятия «дискурс» ввиду многоплановости сферы его функционирования (ср. педагогический, образовательный, академический, школьный, университетский дискурс и др.), а также единая система подходов к определению сущности данного явления, его элементов и структуры. Дискурс образовательного пространства исследуется, с одной стороны, как область взаимодействия «учитель – преподаватель / ученик – студент» и форма институциональной коммуникации. С другой – образовательный дискурс рассматривается в более обширном контексте и включает в себя свободное обсуждение общественностью проблем, тенденций, достоинств и недостатков сферы образования и академической науки. Большинство исследований базируется на понимании дискурса в образовательной деятельности как типа институционального дискурса, который определяется как специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые должны общаться в соответствии с нормами определенного социума [Карасик, 2002, с. 194].

Цель исследования — уточнение терминологического аппарата, используемого при анализе различных типов дискурса, в части номинации видов коммуникации образовательной деятельности. Материалом исследования служит корпус дефиниций таких смежных понятий, как «педагогический дискурс», «образовательный дискурс» и «академический дискурс» в работах российских лингвистов (всего проанализировано 34 труда). В качестве критериев разграничения типов дискурса в статье анализируются такие характеристики дискурса как его участники, цель, содержание и контекст функционирования, поскольку именно данные характеристики нашли наибольшее отражение в исследуемом материале.

Педагогический дискурс

Усилившийся к концу XX века интерес к коммуникации в педагогическом процессе был обусловлен общей антропологизацией

гуманитарных наук, вследствие чего данная область обогатилась фундаментальными трудами А. А. Леонтьева, В. И. Карасика и их последователей.

Подавляющее большинство исследователей выделяют таких участников педагогического дискурса, как «учитель» и «ученик», причем ряд исследователей подчеркивает их статусно-ролевое неравенство. Отсутствие диалога в процессе взаимодействия участников педагогического дискурса способствует развитию «армейской» модели построения дискурса, где основной целью преподавания становится полное подчинение учащихся [Зоткина, 2015]. Институциональность педагогического дискурса может также выражаться в оппозиции «агент» – «клиент», где агентом является представитель учебного заведения [Цинкерман, 2012]. К важным чертам педагогического дискурса причисляется такая характеристика, как персонализация, при которой в педагогическом взаимодействии центральное место занимает студент / ученик как личность [Ручкина, 2009]. Не менее интересной является концепция Г. М. Андреевой, разделяющей отношения участников на симметричные (ролевые) и асимметричные (статусные) [Андреева, 2008].

Отталкиваясь от данных об участниках педагогического дискурса, представляется возможным определить контекст его функционирования. Так, контекст педагогического дискурса — речевое взаимодействие представителей социальных групп — рассматривается как коммуникативное пространство «учитель — ученик» [Зоткина, 2015], разворачивается в рамках официально закрепленных сфер общественных институтов [Цинкерман, 2012] со специально отведенным временем для общения (лекция, опрос, урок, экзамен и т. д.), имеющими отражение в учебных текстах и других знаковых комплексах (учебная литература, конспекты, протоколы и пр.). Выстраивание педагогического дискурса в определенном социальном институте представляется как совокупность установок, средств и методов педагогического дискурса, направленных на формирование, развитие и изменение личности обучаемого в ходе организованного образовательного процесса [Куровская, 2015].

В ставшем уже классическим исследовании педагогического дискурса В. И. Карасика в качестве цели педагогического дискурса обозначается социализация нового члена общества [Карасик, 2002]. Ю. Ю. Поспелова выделяет две основные цели педагогического

дискурса, одна из которых совпадает с целью, выделенной В. И. Карасиком и его последователями. Ко второй основополагающей цели педагогического дискурса исследователь причисляет, с одной стороны, формирование новых, с другой — усложнение уже существующих в сознании обучаемых структур концепта в процессе их учебнопознавательной деятельности.

Ввиду наличия различных дефинитивных характеристик педагогического дискурса, а также в зависимости от целей и задач ученые выделяют различное содержание данного типа дискурса. Отмечая отсутствие должного внимания к воспитательной функции педагогического дискурса, Т. Н. Цинкерман говорит о важности тандема образовательной функции с воспитательной, определяющих основную функцию педагогического дискурса [Цинкерман, 2012]. Педагогический дискурс рассматривается как организованное обучение / общение педагога и учащегося посредством использования учебных текстов и других знаковых комплексов в рамках определенной педагогической ситуации, в ходе которой происходит решение конкретной педагогической задачи [Куровская, 2015]. Таким образом, педагогический дискурс является не просто результатом педагогической деятельности, – это непосредственно и сам процесс его создания. Заложенные в педагогический дискурс семиотические, информационные, культурологические и антропологические основы образуют фундаментальную опору, которая влияет на дальнейшее развитие образовательной системы в целом [там же].

На основании вышеизложенного представим педагогический дискурс в широком смысле как взаимодействие участников, находящихся в статусно-неравных отношениях, один из которых выступает как пассивный реципиент и / или объект педагогического воздействия («ученик»), а другой – транслирует содержание дискурса («учитель») с целью передачи знаний, умений и навыков, трансляции информации, культурного кода, формирования психологических черт, особенностей, установок личности в рамках институционального дискурса образовательного учреждения (школы).

Образовательный дискурс

В последние десятилетия в отечественной лингвистике стал активно использоваться термин «образовательный дискурс». Образовательный дискурс включает в себя помимо образовательного

процесса также образовательные реформы, законы и иные процессы сферы образования [Добренькова, 2006]. Это свидетельствует о том, что область реализации образовательного дискурса по сравнению с педагогическим представляется более обширной, в результате чего можно говорить о специфики образовательного дискурса как об охватывающей все сферы деятельности человека [Исаева, Кривченко, 2019]. Обслуживая широкий спектр социальных институтов, образовательный дискурс включает в себя тексты различных профессиональных сфер, что закладывает основу интерференции дискурсов [там же]. В вопросе определения участников образовательного дискурса среди исследователей нет единства подходов. Так, к универсальной градации участников образовательного дискурса идентичной с участниками педагогического дискурса относятся отношения «учитель / преподаватель — ученик / студент».

Контекст употребления образовательного дискурса представлен во всем многообразии социальных институтов [там же]. Б. В. Пеньков, в свою очередь, разделяет область реализации образовательного дискурса в соответствии с особенностями локализации индивидуума на школьную (пребывание в школе) и обиходно-бытовую (дом, улица) [Пеньков, 2009]. Вследствие дифференциации образования, возникновения рынка образовательных услуг, необходимости образовательных учреждений в рекламе и связях с общественностью сфера реализации нынешнего образовательного дискурса дает новые возможности и раскрывает границы за счет таких мероприятий, как встречи с потенциальными студентами, тестирования, профориентация, консультационные услуги, - все это варианты коммуникации образовательных учреждений и заинтересованных лиц; а непосредственно сам процесс беседы преподавателя со студентом относится к отдельной области рассмотрения в рамках уже педагогического дискурса [Ушакова, 2010].

Целью образовательного дискурса является выделение и включение проблемных вопросов в поле учебных и научных знаний, где «выступают агенты познавательного диалога или информационного процесса обмена знаниями с их временным статусом» [там же, с. 69]. Образовательный дискурс противопоставляется социальному институту образования, который, в свою очередь, характеризуется наличием иерархизированных профессионально-статусных уровней

и представляет собой формализованную систему освоения знаний, успешное освоение которых завершается выдачей какого-либо документа государственного образца [Ушакова, 2010].

Раскрывая содержание образовательного дискурса, следует отметить, что тематика образовательного дискурса может затрагивать вопросы развития современного школьного и вузовского образования, коррупционные вопросы в системе образования, соотношение обучения на бюджетной и коммерческой основах [там же]. Так, специфика данного типа дискурса состоит в том, что он «проникает во все сферы деятельности человека» [Исаева, Кривченко, 2019, с. 234].

Исходя из вышесказанного, образовательный дискурс представляется разноуровневой системой образовательного процесса, выходящей за пределы учебных классов и аудиторий и охватывающей все сферы деятельности человека. Наряду с классическими образовательными задачами (обучение и воспитание), образовательный дискурс включает в себя также околообразовательные процессы — принятие образовательных законов, проведение образовательных реформ, разного рода преобразования и т. д., вследствие чего круг участников данного типа дискурса расширяется и дополняется администрацией учебного заведения и иными заинтересованными лицами, помимо уже входящих в дискурс образовательного пространства оппозиций «учитель / преподаватель — ученик / студент».

Академический дискурс

Наряду с педагогическим и образовательным дискурсами образовательное пространство представлено академическим дискурсом. Академический дискурс представляется не только как коммуникация в сфере высшего образования, участниками которой являются преподаватель и студент, но и как совокупность различных форм профессионального общения ученых (защита диссертации, конференции, публикации и др.). Некоторые исследователи считают академический дискурс полностью синонимичным научному дискурсу, другие — отмечают разнородность данных понятий.

В качестве участников академического дискурса выступают, с одной стороны, ученые в сфере профессиональной коммуникации, с другой – противопоставленные друг другу в рамках обучающего вза-имодействия «преподаватель – студент» или, шире, «учитель / преподаватель – ученик / студент».

М. Круль предлагает различать в зависимости от отношений между участниками акта коммуникации следующие виды взаимодействия: преподаватель — преподаватель (научный академический дискурс); преподаватель — сотрудник вуза (профессиональный академический дискурс); преподаватель — студент (дидактический академический дискурс) [Круль, 2015].

Под влиянием социокультурных характеристик участников коммуникации (например, когда коммуниканты — взрослые люди, имеющие профессию и богатый жизненный опыт), репертуар коммуникативных ролей может расширяться и выходить за рамки оси «учитель — ученик», наиболее частотны коммуникативные пары «потребитель услуги — исполнитель», «коллега — коллега» [Анищенко, 2015, с. 83]. В ходе коммуникации между преподавателем и обучающимся может происходить обмен ролями (к примеру, на семинаре) [Савич, 2015].

Контекст академического дискурса помимо учебных мероприятий (лекций, коллоквиумов, практических, семинарских или лабораторных занятий, экзаменов и т. д.) представляют научные конференции, выступления с докладами, защиты диссертационных исследований, а также тексты научных публикаций Академический дискурс, обладая тематической (в сфере образования) и целевой (передача информации) направленностями, реализуется в процессе обучения и обмена информацией непосредственно в учебных заведениях [Дроздова, 2015].

Научный академический дискурс характеризуется состязательностью. Участники коммуникации должны так или иначе сформулировать свою точку зрения по вопросам исследуемого материала и высказать свое отношение к уже существующим в данной области исследованиям. Особо отмечается, что научная состязательность точек зрения различных ученых проявляется эксплицитно реже, чем выражается имплицитно [Шилихина, 2013]. Контекст академического дискурса заключается в овладении знаниями и дальнейшей трансформации/развитии этих знаний в умения и навыки, а также в формировании личностных качеств, необходимых для решения как теоретических, так и практических задач в профессиональной сфере [Савич, 2015].

Цель научной коммуникации сводится к отражению коллективных процессов человеческого познания, реализуемого посредством научного текста, рассматриваемым автором как вербализованная формя знания с этнокультурной спецификой [Чернявская, 2017]. Основной целью и потребностью субъекта в рамках академического дискурса

является сообщение какой-либо информации со стремлением убедить аудиторию в правоте излагаемой позиции [Шилихина, 2013], быть верно понятым [Богданова, 2018].

Академический дискурс включает в себя комплекс видов общественной деятельности, заключающийся непосредственно в обучении, демонстрировании обучения, популяризации идей и формировании знаний [Дроздова, 2015]. Содержание академического дискурса Д. Р. Дроздова определяет как «любые языковые проявления на темы, касающиеся науки и процесса обучения, системы обучения, а также межличностного взаимодействия на всех уровнях внутри какого-либо учебного заведения» [там же, с. 38].

Таким образом, академический дискурс реализуется преимущественно в сфере высшего образования как в ходе образовательного процесса в учебном заведении, так и в процессе получения / передачи информации, осуществляемом в академической среде в целом. Спецификой данного типа дискурса является точность в толковании и трансляции научных материалов, а также высокая степень интертекстуальности, основу которой составляют прецедентные тексты.

Заключение

Проанализированные нами источники позволяют выделить следующие типы институционального дискурса: педагогический дискурс, образовательный дискурс и академический дискурс. Ввиду отсутствия четко обозначенных границ употребления исследованных терминов можно сделать вывод о том, что выбор того или иного термина зависит от исследовательских целей и задач.

Педагогический дискурс, характеризуясь наличием в своем составе семиотических, информационных, культурологических и антропологических основ, оказывает влияние на развитие образовательной системы в целом. Один из участников базового процесса коммуникации педагогического дискурса — педагог, будучи источником информации, оказывает не только образовательное, но и воспитательное воздействие на обучающихся. При этом в педагогическом дискурсе важен не только результат педагогической деятельности, но и сам процесс создания этого результата.

Образовательный дискурс охватывает более широкую сферу реализации – в отличие от педагогического дискурса, концептосферу

образовательного дискурса составляет образование как система. Выходя за рамки учебных аудиторий, образовательный дискурс охватывает деятельность, непосредственно связанную с образовательным процессом в целом.

Академический дискурс, охватывая в широком смысле образовательную деятельность, представляет собой совокупность различных форм профессионального общения ученых и коммуникацию в сфере высшего образования. В отличие от педагогического и образовательного дискурсов в академическом дискурсе в ходе обмена информацией между участниками дискурса преобладает использование ментальных перформативных высказываний, характеризующихся высокой степенью интертекстуальности.

Анализ данных типов дискурсов способствовал уточнению терминологического аппарата, разграничению и исследованию области их употребления, а также выявлению как общих черт, так и различий между разными типами дискурсов, которые представляется возможным отразить в таблице 1.

 $\begin{tabular}{ll} $T{\it a}{\it b}{\it n}{\it u}{\it u}{\it a} & 1 \\ \begin{tabular}{ll} {\bf Conoctab. render} & {\it u}{\it n}{\it c}{\it u}{\it c}{\it v}{\it p}{\it c}{\it a} \\ \begin{tabular}{ll} {\it o}{\it b}{\it p}{\it a}{\it c}{\it u}{\it e}{\it u}{\it e}{\it v}{\it e}{\it v}{\it e}{\it e}{\it v} \\ \end{tabular}$

	ПД*	ОД*	АД*
Статусное неравенство участников	+	+	
Трансляция знаний	+	+	+
Передача морально-этических норм	+	+	_
Ограниченная сфера реализации	+ (образов.	_	+
	учреждение)		(науч.,
			вуз)

^{*}ПД – педагогический дискурс,

Таким образом, общим и основным параметром всех трех исследуемых типов дискурсов является трансляция знаний. Наряду с этим было выявлено, что в педагогическом дискурсе участники характеризуются ролевым неравенством, сопровождающимся иногда наличием критики со стороны «привилегированного» участника, где учащийся становится лишь пассивным реципиентом транслируемой

^{*}ОД – образовательный дискурс,

^{*}АД – академический дискурс

информации. Образовательный дискурс имеет также некую статусную сепарацию/дистанцию участников общения, но общение происходит в более свободной форме. Академический дискурс отличает равенство всех участников общения, которые могут спорить, сомневаться и критически относиться к высказываниям инакомыслящих, при этом участники находятся в статусно равных отношениях и являются равноправными участниками общения.

Педагогический и образовательный дискурс выделяются не только передачей знаний (т. е. реализацией образовательной функции), но и морально-этических установок, закрепленных в определенных сферах жизни общества, что позволяет реализовать также воспитательную функцию, т. е. воспитание полноценной социализированной личности. Отличительной особенностью академического дискурса становится наличие только лишь образовательной функции, что определяется как статусно-ролевыми отношениями участников дискурса, так и прототипным местом реализации данного типа общения.

Говоря о сфере реализации, следует отметить, что педагогический и академический дискурс ограничены местами реализации: педагогический дискурс — образовательным учреждением, а академический — образовательным пространством научной сферы, в то время как образовательный дискурс не имеет привязки к какой-либо локации и может быть реализован в любой сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- 2. Зоткина Л. В. Конфликтные речевые тактики, используемые в русском и английском педагогическом общении первой половины XIX века (на материале произведений Ш. Бронте и Л. Чарской) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2015. Вып. 1. Т. 15. С. 16–20.
- 3. *Цинкерман Т. Н.* Коммуникативно-стилевые особенности разновидностей педагогического дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2012. Вып. 2 (16). С. 74–79.
- 4. *Ручкина Е. М.* Лингво-аргументативные особенности стратегий вежливости в речевом конфликте: на материале педагогического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2009.
- 5. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект-пресс, 2008.

- 6. *Куровская Ю. Г.* Языкознание и когнитивная лингвистика как инструменты анализа особенностей педагогического дискурса // Ценности и смыслы. 2015. Вып. 6 (40).
- 7. *Добренькова Е. В.* Социальная морфология образовательного дискурса. М.: Альфа-М, 2006.
- 8. *Исаева О. Н., Кривченко И. Б.* Функциональные характеристики малоформатных текстов заглавий в образовательном дискурсе (на материале американских учебников по гражданскому правоведению) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Вып. 9. Т. 12. С. 234—238.
- 9. *Пеньков Б. В.* Дифференциация институционального дискурса: образовательный дискурс // Вестник РУДН. Лингвистика. 2009. Вып. 4. С. 63–68.
- 10. *Ушакова О. П.* Образовательный дискурс в межкультурном диалоге // Наука и современность. 2010. Вып. 5–3. С. 68–73.
- 11. *Круль М.* Академический дискурс в польской научной картине мира (обзор специальной литературы): материалы Международного круглого стола, Минск, 16–18 апреля 2015. Минск: БГУ, 2015. С. 54–55.
- 12. *Анищенко А. В.* Второе высшее лингвистическое образование как разновидность академического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 6 (717). С. 76–84.
- 13. *Савич Е. В.* Дискурс-ориентированное образование: категориальное содержание академического дискурса: материалы Международного круглого стола, Минск, 16–18 апреля 2015. Минск: БГУ, С. 85–91.
- 14. *Дроздова Д. Р.* Вербальные способы реализации манипулятивных стратегий в академическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. Вып. 11–3 (53). С. 95–99.
- 15. *Шилихина К. М.* Ирония в академическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Филология. Журналистика. 2013. Вып. 1. С. 115–118.
- 16. *Чернявская В. Е.* Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. М.: Либроком, 2011.
- 17. *Богданова Л. И.* Академический дискурс: проблемы теории и практики // Cuadernos de Rusística Española. 2018. Вып. 14. С. 81–92.

REFERENCES

- 1. Karasik, V. I. (2002). Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurse = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
- 2. Zotkina, L. V. (2015). Conflict Speech Tactics in the Russian and English Pedagogical Communication in the First Half of the XIXth (on the Material

- of Ch. Bronte's and L. Charskaya's Works). Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 1, 16–20. Vol. 15. (In Russ.)
- 3. Tsinkerman, T. N. (2012). Communicative and style peculiarities of pedagogical discourse types. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 2 (16), 74–79 (In Russ.)
- 4. Ruchkina, E. M. (2009). Lingvo-argumentativnye osobennosti strategii vezhlivosti v rechevom konflikte: na materiale pedagogicheskogo diskursa = Linguistic and argumentative features of politeness strategies in speech conflict: on the material of pedagogical discourse: thesis of PhD in Philology. Kaluga. (In Russ.)
- 5. Andreeva, G. M. (2008). Sotsial'naya psichologia = Social Phychology. Moscow: Aspect-press. (In Russ.)
- 6. Kurovskaya, Yu. G. (2015). Linguistics and cognitive linguistics as tools for analyzing the characteristics of pedagogical discourse. Values and meanings, 6 (40), 65–77. (In Russ.)
- 7. Dobrenkova, E. V. (2006). Social'naja morfologija obrazovatel'nogo diskursa = Social morphology of educational discourse. Moscow: Alpha-M. (In Russ.)
- 8. Isaeva, O. N., Krivchenko, I. B. (2019). Functional characteristics of title mini-texts in educational discourse (by the material of the American course books on civil law). Philology. Theory and Practice, 9, 234–238. Vol. 12. (In Russ.)
- 9. Penkov, B. V. (2009). Differenciaciya institucional'nogo diskursa: obrazovatel'nyj diskurs = Differentiation of Institutional Discourse: Educational Discourse. Vestnik RUDN. Linguistisc, 4, 63–68 (In Russ.)
- 10. Ushakova, O. P. (2010). Educational discourse in intercultural dialogue. Nauka i sovremennost', 5–3, 68–73. (In Russ.)
- 11. Krul, M. (2015). Academic Discourse in the Polish Scientific Picture of the World = Review of Special Literature. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola Minsk, Belarusian State University. 2015, April 16–18 (pp. 54–55). (In Russ.)
- 12. Anishchenko, A. V. (2015). Second Higher Linguistic Education as a Type of Academic Discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 6 (717). 76–84. (In Russ.)
- 13. Savich, E. V. (2015). Discourse-oriented education: categorial content of academic discourse. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola Minsk, Belarusian State University. 2015, April 16–18 (pp. 85–91). (In Russ.)
- 14. Drozdova, D. R. (2015). Verbal Means of Manipulative Strategy Implementation in the Academic Discourse. Philological sciences. Questions of theory and practice, 11–3 (53), 95–99. (In Russ.)
- 15. Shilikhina, K. M. (2013). Irony in academic discourse. Science Journal of Volgograd State University. Philology. Journalism, 1, 115–118. (In Russ.)

- Chernyavskaya, V. E. (2011). Kommunikacija v nauke: normativnoe i deviantnoe. Lingvisticheskij i sociokul'turnyj analiz = Communication in science: normative and deviant. Linguistic and Sociocultural Analysis. Moscow: Librocom. (In Russ.).
- 17. Bogdanova, L. I. (2018). Academic Discourse: Theory and Practice. Cuadernos de Rusística Española, 14, 81–92. (In Russ.)

Информация об авторе

Яковлева В. В. – аспирант, преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

lakovleva V.V. – Postgraduate Student, Lecturer, Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Faculty of German, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82-3

DOI 10.52070/2542-2197 2021 11 853 204

КУЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС В РОМАНЕ Х. ЯНАГИХАРЫ «МАЛЕНЬКАЯ ЖИЗНЬ»

Д. А. Демина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, dasha_k@mail.ru

Аннотация. В статье представлен лингвосемиотический анализ романа X. Янагихары «Маленькая жизнь» на материале описания еды в романе. Результаты анализа демонстрируют цельность замысла автора и многогранность возможных прочтений произведения. В данном романе описание еды является важным инструментом для отображения внутреннего состояния героя и помогает читателю интерпретировать роль некоторых событий и периодов в жизни главного героя.

Ключевые слова: дискурс, описание еды, роман «Маленькая жизнь», Х. Янагихара

Для цитирования: Демина Д. А. Кулинарный дискурс в романе Х. Янагихары «Маленькая жизнь» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 204–214.

DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_204

Original article

CULINARY DISCOURSE IN THE NOVEL "A LITTLE LIFE" CY H. YANAGIHARA

D. A. Demina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, dasha k@mail.ru

Abstract. The article presents a semiotik analysis of the novel "A Little Life" by H. Yanagihara on the basis of food description in the novel. The results of the analysis demonstrate the integrity of the main idea of the author and a variety of possible ways of understanding the book. In this novel food description is an important tool for reflecting the inner state of the main character and it also helps the reader interpret the role of certain events and periods in the life of the main character.

Key words: discourse, food description, novel "A Little Life", H. Yanagihara

For citation: Demina, D. A. (2021). Culinary discourse in the novel "A little life" by H. Yanagihara. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 204–214. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_204

Введение

Роман американской писательницы Ханьи Янагихары «Маленькая жизнь» вышел в свет в 2015 году и в том же году стал бестселлером. Роман вошел в короткий список Букеровской премии¹ и финал национальной книжной премии США², также книга была удостоена премии «Художественная книга года» по версии журнала «Кirkus»³. Роман вызвал широкий и разнообразный отклик у публики. Иногда в одном отзыве соседствуют восхищение и неприятие, признание и возмущение. Так, Vox не стали бы никому рекомендовать книгу, при этом тут же называют ее «лучшим романом года»⁴, а «The Guardian, через прилагательные вроде «травмирующий» и «мучительный» пытаются объяснить, почему «Маленькую жизнь» обязан прочитать каждый». А вот в The Observer обещают, что от «изматывающего, опустошающего чтива» ваше «сердце вырастет в несколько раз, словно у Гринча». В The New Yorker роману дали такую оценку — «фундаментальный, тревожный, темный, несмотря ни на что не лишенный красоты»⁵.

Книга изобилует описаниями различных блюд, приготовления еды, приема пищи, любимых кафе и ресторанов героев, праздничных застолий. Эти описания создают атмосферу отдельных эпизодов, однако общий замысел данного художественного приема не очевиден при первом прочтении романа, поэтому мы решили выделить все

1

¹ Официальный сайт Букеровской премии. URL: https:// themanbookerprize. com (дата обращения: 07.06.2021).

² Официальный сайт Национальной премии США. URL: www.nationalbook. org (дата обращения: 07.06.2021).

³ Официальный сайт премии Киркус 2015. URL: https://www.kirkusreviews.com/prize/2015/finalists/fiction/www.nationalbook.org (дата обращения: 07.06.2021).

⁴ Отзывы критиков на Афиша Daily. URL: https://daily.afisha.ru/brain/3596-slishkom-tyazhelo-spor-kritika-i-redaktora-o-malenkoy-zhizni/ (дата обращения: 07.06.2021).

⁵ Там же.

отрывки, в которых есть описание еды и найти критерии для классификации данных описаний.

Композиция романа и распределение отрывков с описанием еды по периодам жизни героя

На фоне дружбы четырех друзей – архитектора Малкольма, актера Виллема, художника Джей-Би и юриста Джуда – роман рассказывает о переживаниях главного героя (Джуда). Корни этих переживаний где-то в прошлом, но это прошлое не дает герою возможности жить в настоящем. Несмотря на то, что герой очень красив и умен, что добивается успехов в карьере, окружен друзьями и близкими, прошлое не отпускает его.

Роман имеет сложное нелинейное построение: на фоне последовательного повествования о жизни главного героя Джуда и его друзей (архитектора Малкольма, актера Виллема, художника Джей-Би) со времен учебы в колледже, об их взрослении и карьерном росте, роман изобилует ретроспективами – автор постоянно обращается к прошлому главного героя. Однако писательница делает это очень осторожно и медленно – читателю приоткрывается прошлое Джуда очень постепенно. И все-таки с самого начала читатель догадывается, что в этом прошлом кроется что-то важное и страшное, и это страшное медленно надвигается, как темная глыба. Кажется, что чтобы сломить человека, достаточно уже того, что мы узнаем о Джуде в первых же путешествиях в его прошлое. В современной психотерапевтической традиции любое подобное переживание признается глубокой детской травмой: отсутствие родителей, нежелание ни одного детского дома принять мальчика, жизнь с жестокими монахами, которые не любят своего воспитанника, а позже оказывается, что они насиловали Джуда. Но чем дальше мы заглядываем в прошлое главного героя, тем более страшные картины предстают перед нами: готовность покалечить за украденную вещь, предательство единственного человека, которому доверял Джуд, и, в конце концов, измывательства и попытка убийства.

И при всем этом Джуд выживает. Чужие люди замечают только, что у молодого человека немного странная походка — именно таким читатель находит главного героя в начале романа. Несмотря на трагическую судьбу, Джуд выживает и даже сохраняет в своем сердце возможность любить, а также чувство чести. Но прошлое, все чаще

врываясь в линейное повествование романа, все больше влияет на героя и мешает ему жить, доверять людям, любить. Описаний прошлого становится все больше, мы понимаем, какую неисправимую роль оно играет в жизни молодого человека. Джуд постоянно во всем корит себя. Он не смог полюбить себя, принять себя, простить себе, что все это с ним случилось. Он — душевный инвалид с израненной душой. И в конце концов эти раны оказываются смертельными.

Сам роман существует вне времени: в нем нет конкретных дат, но в нем нет и никакого исторического фона [Борисенко, Завозова, Сонькин, URL]. Таким образом автор хотела ограничить мир читателя эмоциональным миром героев, без привязки к конкретным историческим событиям. Автор говорит, что «отсутствие подобных ориентиров в "Маленькой жизни" придает книге... черты сновидения, искусственности, притчи» [там же].

Роман поделен на восемь частей. До шестой части каждый раздел перескакивает через 5 лет. Начинается повествование с того момента, когда Джуду 23 года, его друзьям — по 25 лет. Это какое-то современное нам время, но нет никаких конкретных дат. Во второй части Джуду около 30. В третьей же части время начинает перескакивать из настоящего в прошлое и обратно.

Заканчивается роман тоже в «современном времени», хотя опираясь на жизнь героев, мы знаем, что прошло около 30 лет. Никаких социальных изменений, технических изобретений — внешняя жизнь застыла. Так она застывает и для читателя романа, который погружается в литературную реальность, в мир героев, и забывает о действительном времени.

При этом в романе есть свое внутреннее время и даты: дни рождения героев, День благодарения, День труда. Вокруг этих дат выстраивается жизнь друзей, происходят некие события.

Повествование не линейное, и это отражает тот факт, что это рассказ о внутреннем мире героя: он постоянно возвращается в прошлое, потом снова выныривает в настоящее. «Существует раздел гуманитарных исследований «Trauma Studies», занимающийся изучением феномена индивидуальной и коллективной травмы и ее репрезентации в произведениях искусства. Интересно, что травма интерпретируется не как событие, состоявшееся в прошлом, но как процесс постоянного возвращения к нему. Опыт травматического переживания

будто бы расплывается в памяти. Именно это и наблюдается в романе в истории главного героя. Травма творит причудливые вещи с памятью, замыкая жизнь на себе, будто бы отрезая человека от того опыта, который был до нее» [Бояркин, URL].

В центре повествования стоит Джуд, его детские травмы и их последствия. Переживания Джуда разъедают его самого и ранят его друзей, и это выражается в построении романа: когда дружба, любовь, друзья и все окружающие люди становятся лишь вспомогательным средством для описания того, что произошло и продолжает мучить героя. Прошлое Джуда раскрывается перед читателем (и перед близкими героя) очень постепенно, шаг за шагом, от пугающего к еще более пугающему. И вместе с героем мы выпадаем из настоящего в некий ужасный мир, который занимает все больше места и все дальше выталкивает настоящее.

В романе часто меняется рассказчик, от лица которого ведется повествование в конкретный момент. Этот прием, как и переходы во времени, держит внимание читателя, заставляет читать внимательно и вдумчиво. Сложная композиция романа отражает и сложность внутреннего мира героя: пережившего мрак и сохранившего свое человеческое лицо.

Роман является цельным произведением с очень сложной, но продуманной и выдержанной структурой. Автор до мелочей просчитал сюжет и все события своего произведения. При написании романа Х. Янагихара знала о своих героях все, даже то, что так и не было написано: например, она знает, кто является родителями Джуда, какова его раса и др. [Борисенко, Завозова, Сонькин, URL]. И как в любом, если не гениальном, то, как минимум, построенном по всем правилам жанра, романе, здесь нет лишних деталей. Убежденность в данном факте навела нас на мысль о целесообразности анализа описаний еды в романе, которыми он явно изобилует. Для того, чтобы проследить логику автора, мы решили создать таблицу, в которой мы выделили основные периоды жизни героя в хронологическом порядке: жизнь в монастыре, период с братом Лукой, жизнь в приюте, побег из приюта, учеба в колледже, период бедной юности на Лиспенард-стрит, успешная молодость, связь с Калебом, счастливые годы жизни с Виллемом, время после гибели Виллема.

Затем мы начали заполнять данную таблицу отрывками с описаниями еды. Раздел жизни в приюте так и остался пустым, автор ничего

не пишет о еде в этот период. Однако мы сохранили этот раздел, так как отсутствие любых описаний еды в этот период также имеет значение. Раздел же про связь с Калебом, наоборот, был добавлен в ходе работы с таблицей. Этот период мы сначала не выделили в отдельный раздел, так это небольшой период времени в жизни героя. Однако когда мы начали анализировать текст с точки зрения кулинарного дискурса, мы пришли к выводу, что этот момент является ключевым в понимании темы, поэтому мы вынесли его в отдельный раздел.

Таким образом, всего разделов оказалось 10. Мы решили рассматривать только те случаи, когда упоминание еды непосредственно связано с Джудом. В основном, это так и есть, однако есть еще две темы, где часто упоминается еда: больной умерший брат Виллема и больной умерший сын Гарольда. После нашего исследования мы можем с уверенностью сказать, что в этом факте есть особый замысел, однако это явление заслуживает отдельного исследования, поэтому мы ограничились эпизодами, связанными именно с Джудом.

В период жизни в монастыре описаний еды довольно много: это и ключевой момент первой кражи (крекеров с кухни), и первый в жизни «торт» на день рождения в виде мафина со свечкой, скромная монастырская еда (картошка, морковь, сельдерей), мечты о яствах, которые ждут Джуда в прекрасном будущем с братом Лукой (пицца, гамбургеры, вареная кукуруза и мороженое).

Когда Джуд бежал из монастыря с Лукой, описаний еды дается немного: сэндвичи с арахисовым маслом, хлеб, бананы, молоко, миндаль, лук, перец, куриные грудки, много кофе и кусочек имбирного печенья.

Во время жизни в приюте еда не упоминается совсем.

Затем Джуд сбегает из приюта. Сначала о еде в этот период не говорится, потом мальчик попадает к доктору Тейлору, и здесь появляются гамбургеры, картошка фри и молоко, омлет, бекон, булочки, бананы, мясной рулет, пюре, брокколи, сэндвичи.

В период жизни в колледже Джуд работает в кондитерской, украшая пирожные и торты. Он также ходит в гости к своему другу, учителю и будущему приемному отцу Гарольду, который угощает его вкусной едой, а однажды за ужином знакомит его со своим другом Лоренсом, с которым впоследствии будет связана профессиональная деятельность Джуда.

Время на Лиспенард-стрит — период бедной, но полной счастья жизни. Здесь довольно много подробного описания еды: блюда в дешевой забегаловке в Чайнатауне, вечеринки с простой, но вкусной едой дома у друзей. Живя на Лиспенард-стрит, Джуд следит за тем, чтобы холодильник всегда был полон, а продукты всегда были свежими.

Следующий период — время успешной молодости, когда друзья нашли свое профессиональное призвание, стали зарабатывать деньги, но их дружба и любовь друг к другу продолжаются. В этот период упоминаний еды очень много: праздничные ужины у Гарольда, шикарный праздничный ужин в честь усыновления Джуда, походы в рестораны. Но потом в жизни главного героя появляется Калеб, который подло и бесчеловечно ведет себя с Джудом. Здесь тоже упоминается еда, но об этом стоит поговорить отдельно чуть ниже, так как это ключевой момент в выбранной теме.

Наступает самый счастливый период в жизни молодого человека (глава называется «Счастливые годы»), Джуд начинает жить с Виллемом, находит человека, которому может доверять абсолютно. Здесь больше всего упоминаний еды: Джуд учит готовить Гарольда (становится его наставником), многие важные разговоры Джуда и Виллема происходят за ужином или во время приготовления ужина. Здесь еда напрямую описывается как радость:

Also that week, the things you like anyway seem, in their very existence, to be worthy of celebration: the candied-walnut vendor on Crosby Street who always returns your wave as you jog past him; the falafel sandwich with extra pickled radish from the truck down the block that you woke up craving one night in London; the apartment itself, with its sunlight that lopes from one end to the other in the course of a day, with your things and food and bed and shower and smells [Yanagihara, 2016, c. 530].

Более того, в эту неделю начинаешь радоваться самому существованию того, что тебе и так всегда нравилось: торговцу засахаренными грецкими орехами на Кросби-стрит, который всегда машет тебе в ответ, когда пробегаешь мимо, сэндвичам с фалафелем и двойной порцией маринованной редьки, которые продают в фургончике в конце квартала и которых тебе однажды так захотелось в Лондоне, что ты проснулся посреди ночи, самой квартире и солнечному свету, который в течение дня перепрыгивает с одного ее конца на другой, и всем твоим вещам, и еде, и кровати, и душевой кабине, самому запаху дома» [Янагихара, 2017, с. 475].

Однако и ссоры происходят за едой, и перед ампутацией Джуд в последний раз на своих ногах идет в ресторан, и в день гибели Виллема Джуд готовит пасту, Виллем закупает продукты.

После гибели Виллема наступает последний период в жизни Джуда, период угасания. Здесь для еды остается совсем немного места. Джуд практически перестает есть, и в какой-то момент он понимает, что если:

However, he isn't too upset, because now he knows: if he doesn't eat, if he can last to the point just before collapse, he will begin having hallucinations, and his hallucinations might be of Willem [Yanagihara 2016, c. 710].

продержаться почти до обморока, начнутся галлюцинации, и в его галлюцинациях может появиться Виллем [Янагихара 2017, с. 641].

Его снова выкармливают те, кто его любит, но Джуд потерял вкус к жизни.

Распределив таким образом описания еды по периодам жизни, мы смогли разглядеть некоторые закономерности и можем представить свое понимание замысла автора.

Значение описания еды в романе

Проанализировав все описания еды в романе, мы пришли к выводу, что описание еды — важный компонент романа, что это один из инструментов, с помощью которого автор раскрывает свой замысел.

Нам удалось увидеть следующие закономерности:

- в счастливые моменты жизни или моменты, когда Джуд полон надежды, в тексте много описаний еды;
 - почти все важные разговоры происходят во время еды;
- негативные моменты тоже связаны с едой, но тогда ее описание становится неаппетитным;
- в моменты кризисов и отчаяния герой практически не ест, либо его кормят насильно.

На основании проведенного анализа мы полагаем, что еда в романе — символ жизни, символ надежды, внутреннего комфорта и цельности. При описании одного из самых беспросветных периодов жизни, в приюте, где не было места ни любви, ни надежде (только призрачной надежде на побег) автор совсем не упоминает еду. Когда мальчик сбегает из монастыря с Лукой, сначала, пока Джуд еще полон надежд на будущее, это вкусные сэндвичи с арахисовым маслом, разнообразие в виде нарезанного хлеба, снова арахисового масла, связки бананов, молока, миндаля, лука, перца, куриных грудок. Рутина, сопровождаемая кофе. А потом начинается кошмар в жизни подростка. И теперь о еде речи нет, только в ночь, когда все началось, было имбирное печенье, которое мальчик так и не смог съесть. После этого описаний еды в этот период нет.

Когда Джуд бежит из приюта, он полон надежд, но карманы его пусты, и он увещевает себя, что сон важнее еды, однако он готов есть, и еда является положительным образом. Затем в жизни мальчика про-исходят новые ужасные события — и о еде нет ни слова. Вскоре маленький странник попадает к доктору Тейлору. Джуд подозревает, что что-то с доктором не так, что как-то придется «отблагодарить» его за «доброту», но в его сердце все-таки теплится надежда на хороший исход. Доктор Тейлор лечит мальчика и кормит его: сначала в столовой гамбургером, картошкой фри и молоком, омлетом, беконом, булочкой, бананами, мясным рулетом, пюре, брокколи; затем в подвале сэндвичами, но постепенно порции становятся все меньше, а в конце (когда доктор Трейлор перестал лечить Джуда и начал свои измывательства над ним) доктор давал мальчику еду на газете, как животному (а не на тарелке и подносе, как раньше).

С точки зрения нашего исследования особенно интересен период общения с Калебом. Джуд знакомится с ним за ужином у Родса, общего знакомого. При этом все знают «у Родса всегда так: прекрасная еда, цветы на столе, и все-таки всегда что-то идет не так, приходят нежданные гости, не хватает мест» [Янагихара, 2017, с. 282]. То есть знакомство происходит уже в некоторых хаотичных обстоятельствах. Еда в этот период жизни описывается как катастрофа: разлитый на ковер зеленый карри (эпизод, когда Калеб впервые избил Джуда), тарелка, разбитая на мелкие осколки, пролившееся вино. Безобразная сцена, которую Калеб закатил Джуду и Гарольду, тоже происходит в ресторане, в одном из любимых ресторанов Гарольда. Это чудовище врывается в жизнь Джуда и разрушает ее, будит монстров прошлого и отнимает радости настоящего. После этих разрушительных отношений Джуд совершает первую попытку самоубийства. После этого еда становится для Джуда безвкусной, перестает приносить радость.

Новую жизнь вливает в Джуда Виллем. Герой проживет самые счастливые годы своей жизни в любви и доверии. Но когда погибает

Виллем, радость от еды, т. е. радость от жизни и надежда на любовь, покидает Джуда окончательно.

Мы видим, что с помощью еды автор описывает не только и не столько материальное состояние своего героя, но и его эмоциональное состояние, его отношение к миру.

Заключение

Значение изобилия эпизодов с описанием еды в романе бросилось нам в глаза при первом же прочтении книги, но раскрылось оно перед нами лишь по итогам исследования: когда мы разделили текст по последовательным периодам жизни главного героя, распределили по данным разделам все описания еды и наглядно увидели, какому периоду какие описания соответствуют. Мы пришли к выводу, что описание еды в романе является важным инструментом, с помощью которого автор творит определенную атмосферу событий и выражает внутреннее состояние героя, создает соответствующее замыслу настроение у читателя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. Борисенко А., Завозова А., Сонькин В. Афиша Daily. Интервью с Х. Янагихарой: Об устройстве «Маленькой жизни», Набокове и возможной экранизации. URL: https://daily.afisha.ru/brain/3613-ob-ustroystve-malenkoy-zhizni-nabokove-i-vozmozhnoy-ekranizacii
- 2. *Бояркин П. Х.* Янагихара. Маленькая жизнь. URL: https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/3/hanya-yanagihara-malenkaya-zhizn.html
- 3. Yanagihara H. A Little Life. New York: Macmillan Publishers, 2016.
- 4. Янагихара X. Маленькая жизнь. Москва: Corpus, 2017.

REFERENCES

- Borisenko, A., Zavozova, A., Son'kin, V. Afisha Daily. Interv'yu s H. YAnagiharoj: «Ob ustrojstve «Malen'koj zhizni», Nabokove i vozmozhnoj ekranizacii. https://daily.afisha.ru/brain/3613-ob-ustroystve-malenkoy-zhizninabokove-i-vozmozhnoy-ekranizacii
- 2. Boyarkin, P. H. Yanagihara. Malen'kaya zhizn'. https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/3/hanya-yanagihara-malenkaya-zhizn.html
- 3. Yanagihara, H. (2016). A Little Life. New York: Macmillan Publishers.
- 4. Yanagihara H. (2017). Malen'kaya zhizn'. Moscow: Corpus.

Информация об авторе

Демина Д.А. – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой Второго иностранного языка института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Demina D.A. – PhD (Pedagogy), Head of the Department of Second Foreign Language of the Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

Научная статья

УДК 811.112.2

DOI 10.52070/2542-2197 2021 11 853 215

ГЕОПОЭТИКА КАК СПОСОБ ПРОЧТЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (на материале немецкого языка)

Е. И. Карпенко¹, Н. В. Любимова²

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, ¹elena_karpenko@list.ru ²natalju@yandex.ru

Аннотация. Пространственный поворот в литературоведении позволил изучать типы, функции и символические образы литературного пространства. С геопоэтических позиций, внимание уделяют пространственной составляющей литературного текста в соотношении с реальным пространством, как и способности включенного в широкий культурный контекст пространства влиять на смыслы произведения. Предметом рассмотрения являются языковые средства, позволяющие прийти к топологическому рисунку текста.

Ключевые слова: геопоэтика, поэтизация пространства, топографическое оформление, топологическая интерпретация, хронотопический ориентир, немецкий язык

Для цитирования: Карпенко Е. И., Любимова Н. В. Геопоэтика как способ прочтения литературных пространств: лингвистические аспекты (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 215–229.

DOI: 10.52070/2542-2197 2021 11 853 215

Original article

GEOPOETICS AS A MEANS OF LITERARY SPACES INTERPRETATION: LINGUISTIC ASPECTS (on the German language)

E. I. Karpenko¹, N. V. Lyubimova²

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia ¹elena_karpenko@list.ru, ²natalju@yandex.ru

Abstract. Spatial turn in literary studies allows investigating the types, functions and symbolic images of a literary space. According to the geopoetic positions special attention is paid to the spatial component of a literary text with regard to the real

space as well as the capacity of the space included into the broad cultural context to influence the meanings of the literary work. The subject of the research is the language means used to reveal the topological pattern of the text.

Key words: geopoetics, space poetization, topographic pattern, topology interpretation, chronotopic reference point, the German language

For citation: Karpenko, E. I., Lyubimova, N. V. (2021). Geopoetics as a means of literary spaces interpretation: linguistic aspects (on the German language). Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 215–229.

DOI: 10.52070/2542-2197 2021 11 853 215

Der Raum des Empfindens verhält sich zum Raum der Wahrnehmung wie die Landschaft zur Geographie. Der Wahrnehmungsraum ist ein geographischer Raum.

Erwin Straus (1935)

Введение

В последние годы на стыке литературоведения, лингвистики и культурологии интенсивно развивается геопоэтический подход — один из возможных способов прочтения художественной литературы¹, используя который читатель особое внимание направляет на реализацию категории текстового пространства. Исходной точкой анализа становятся реальные географические данности, образ которых использован автором для построения литературного пространства художественного произведения. Так происходит переосмысление географической информации для символического моделирования литературного пространства, которое соотносится с другими пространствами, отграничиваясь от них или интергируясь в последние [Frank, 2014].

Поэтизация реального пространства в тексте художественной литературы осуществляется с целью его литературно-идейной обработки и за счет включения в широкий культурно значимый контекст. Для этого может быть выбран любой регион, ландшафт, обладающий, с авторской точки зрения, высоким геопоэтическим потенциалом. Он

¹Термин «lesart», «leseart», f — способ прочтения отрывка текста какого-л. автора, известен с XVII в., в первой половине XVIII в. он уже общеупотребителен. См.: «leseart»: Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. URL: https://www.dwds.de/wb/dwb/leseart

вдохновляет автора и побуждает его к конструированию одного из возможных литературных миров, образ которого будет перекликаться с реальным миром. Читая такие тексты, мы не можем не принимать в расчет имплицитное присутствие автора, в результате чего становятся очевидными параллели «между творческими силами художника и географическим местом» [Зассе, Маршалек, 2013, с. 7].

Многие известные писатели экзистенциально связаны с конкретным пространством, которое впоследствии становится ключевым для их творчества [Ritzer, 2015, с. 5]: Берлин в прозе Теодора Фонтане (Theodor Fontane: «Effi Briest», «Irrungen, Wirrungen», «Frau Jenny Treibel» и др.); Франца Хесселя (Franz Hessel: «Heimliches Berlin», «Spazieren in Berlin») и Альфреда Дёблина («Berlin, Alexanderplatz»); Любек в творчестве Томаса Манна (Thomas Mann: «Buddenbrooks», «Lübeck als geistige Lebensform»); пространство «деревенского поэтического реализма» в цикле новелл «Сельдвила и ее обитатели» («Die Leute von Seldwyla»); классика швейцарской литературы Готфрида Келлера (Gottfried Keller) — всё это примеры взаимодействия и взаимовлияния реальных пространств и выстроенных по их образу и подобию литературных пространственных конструкций.

Принятие во внимание географических, культурных, исторических факторов, а также взаимопроникновения литературных традиций приводит к тому, что текстовое пространство воспринимается как социокультурный феномен нового уровня и позволяет задуматься о символическом или метафизическом потенциале географических пространств.

Литературное пространство: от топографического оформления к топологическому рисунку

«Уже на уровне сверхтекстового, чисто идеологического моделирования язык пространственных отношений оказывается одним из основных средств осмысления действительности» [Лотман, 1998, с. 211]. Лингвокреативный характер конструирования геопоэтически нагруженных пространств в художественных текстах требует, с лингвистической точки зрения, подробного описания репертуара геопоэтических средств современной художественной литературы. Реальное пространство заполнено элементами ландшафта, запахами и звуками природы, физическими объектами и рукотворными артефактами,

флорой и фауной. Подражая реальному, литературное пространство требует *теографического* оформления [Nitsch, 2015]. Чем более необычна форма ландшафта в реальности, тем ярче будут его поэтические признаки и, соответственно, тем выразительнее будет отражение такого ландшафта в литературном тексте.

Уникальный образ геопоэтического пространства складывается, например, за счет имплементации в текст различных единиц топономастического кода. Это объясняется тем, что топографическая наполненность литературного пространства открывает возможности для его ассоциативно и коннотативно значимого метафорического, а порой и символического, переосмысления. «Поэтика "строительства каждого возможного мира с именем, омонимичным языковому топониму, предполагает гиперинтенсификацию одних (реальных или легендарных, но непременно наиболее ценных для творца-мечтателя) черт исходного географического объекта при полном "забывании" всех остальных» [Бабенко, 2006, с. 59-60]. Топологическая же интерпретация пространства как внешнего или внутреннего, своего или чужого, центрального или периферического возможна в том числе благодаря его топографическому наполнению: «Понятия "высокий — низкий", "правый — левый", "близкий — далекий", "открытый — закрытый", "отграниченный — неотграниченный", "дискретный – непрерывный" оказываются материалом для построения культурных моделей с совсем непространственным содержанием и получают значение: "ценный – неценный", "хороший – плохой", "свой – чужой", "доступный – недоступный", "смертный – бессмертный" и т. п.» [Лотман, 1998, с. 211].

Лингвистический уровень геопоэтического анализа требует систематизации инструментов геопоэтического конструирования, с одной стороны, и восприятия структуры текстового пространства, – с другой. Это путь к пониманию того, как автор осуществляет нарративное конструирование пространства, и как его модель потенциально может быть воспринята читателем, от которого ожидается, что он обладает достаточным уровнем развития компетенций, позволяющих ему произвести необходимые ментальные действия по идентификации пространства, адекватно воспринять культурный код пространства, в том числе с опорой на способность к инференции – получению выводного знания из деталей описания, из характеристик героев и их

деятельности. Для этого идеальный читатель должен обладать арсеналом сведений, реферирующих к пространству вообще, к конкретному реальному пространству в частности, и уметь сопоставить это конкретное пространство с тем, что конструируется в тексте. Перечислим некоторые маркеры, на которые в процессе чтения следует обращать особое внимание (примеры приводим из немецкого языка, однако перечисленные категории маркеров вполне экстраполируются на любой язык):

- 1) названия горных пород (Gneis, Glimmerschiefer, Kalk, Sandstein), обозначения состава почв (Salzboden, vulkanischer Boden, Auen- und Küstenboden usw.), и прочих характерных субстанций (Sand, Lehm, Kohle, Kies), используемые при описании геологических особенностей ландшафта;
- 2) названия элементов и форм горных массивов, ледников, водных пространств (например, der Sérac: сера́к вертикальное ледниковое образование на передней кромке ледника); обозначения форм рельефа местности, включая региональные наименования (например, das Tobel швейц. нем. труднодоступный глубокий овраг с ручьем, как правило, в лесу);
- 3) единицы топономастического кода (антропонимы, топонимы, гидронимы, оронимы, дренонимы, хрематонимы и проч., включая так называемые топонимические ансамбли);
- 4) наименования растительности как элемента структуры ландшафта, а именно: ботаническая (фитонимы, дендронимы, флоронимы) и геоботаническая терминология (например, der / das Biotop, die Sukkulente, Endemiten pl.);
- 5) названия представителей населяющей ландшафт фауны (зоонимы);
- 6) названия погодных феноменов (дождь, ветер, снег, роса, туман). В любом случае, знаковым для логики геопоэтического анализа может стать описание конкретных признаков различных осадков, особенно, если обращать внимание на региональные и даже на диалектные характеристики и обозначения. Каждому лингвисту известен пример о значительном количестве лексем, обозначающих снег в эскимосских языках, приводимый в связи с гипотезой лингвистической относительности. Но тексты альпийского региона, как и словари алеманнских диалектов и региолектов показывают, что лексем, необходимых для категоризации качества снега, здесь не меньше, чем

у эскимосов. Например, в алеманнском регионе Альп зарегистрированы следующие характеристики:

ballig – Schnee, der sich leicht ballen lässt (влажный снег, из которого легко лепить снежки);

grullig – körniger, mehliger, lockerer, spröder Schnee (зернистый, мучнистый, рыхлый, рассыпчатый снег);

loftig – lockerer, leichter Schnee (легкий, рассыпчатый снег);

mollig – locker, von Schnee, der sich nicht leicht ballt oder der nicht festgetreten ist (снег, который не слежался, рыхлый снег, из которого не слепить снежок);

(p) flutterig — breiartig, dickflüssig, wie aufgetauter oder mit Regen getränkter Schnee (кашистый, густой, будто подтаявший или напитанный дождем снег);

g'raftet – vom Schnee, mit einer (dünnen) Eiskruste überzogen, überfroren, gefroren, hart (снег, покрытый тонкой ледяной коркой, смерзшийся, твердый);

g'sessen — durch Lagerung fest gewordener Schnee (слежавшийся в процессе хранения снег);

getrieben – durch Sturm fester gewordener Schnee (снег, затвердевший под воздействием ветра);

feiss(t) – vom Schnee, wenn er in grossen Flocken fällt, feucht schwer, weich, saftig, leicht zu ballen (снег, падающий в виде крупных снежинок, тяжелый, влажный, мягкий, сочный, легко поддающийся лепке);

glimpfig — weicher, zarter Schnee, der sich leicht ziehen lässt, anpassungsfähig (мягкий, нежный снег, которому легко придать форму, податливый);

der Pflutsch – flüssiger Schnee (мокрый снег)¹ и многие другие;

- 7) определенные тематические поля и семьи слов, как и прочие семантически или тематически объединенные группы лексем (например, обозначения орудий и продуктов аграрного сектора или охотничьего промысла и т. п.);
- 8) лексемы с абсолютным и относительным пространственным значением (oben, unten, weit, flach, steil, hoch, tief, bergauf, hinauf);
- 9) лексемы с семантикой передачи звуковых, цветовых и ольфакторных ощущений и восприятий: «Sie fotografiert das Hotel, und diese

¹Все лексемы со значением качества снега кодифицированы в словаре Schweizerisches Idiotikon. URL: www.idiotikon.ch

wunderbare Luft hier oben, sagt sie, und all die Vögel, die rundherum in den Bäumen singen» (A. Camenisch. Die Kur);

10) фразеологизмы и паремии, особенно изречения, поговорки, пословицы, зарифмованные (погодные) приметы, заключающие в себе горький или полезный опыт местного населения, например:

Feldspat, Gneis und Glimmer, die drei vergess' ich nimmer (Полевой шпат, гнейс и слюда, этих троих я не забуду никогда)¹;

Im Jenner viel Regen ohne Schnee tut Bäum, Bergen und Talen wehe (Январский дождь без снегопада, долины, деревья и горы не рады);

Regenbogen über den Rhein, / Daß morn gut Wetter giebt; / Regenbogen übers Land, / Regnet morn in alle Land (Над Рейном радуга, / Погода радует; / Радуга над землей, / Везде будет дождь проливной);

Wenn Pilatus hat ein[en] Hut, / So ist das Wetter gut; / Wenn Pilatus hat ein[en] Degen, / So giebt es sicher Regen (Пилат в шляпе, / Быть хорошей погоде, / Пилат со шпагой, / Быть дождю). Под шляпой и шпагой понимаются метафорические обозначения характерных форм облаков и указание на их положение относительно альпийской горной вершины Pilatus в центральной Швейцарии. Ороним Pilatus является варьируемым конституентом, так как примета «работает» и в других регионах².

Представляется, что значимыми маркерами для геопоэтического прочтения пространства также можно считать признаки интертекстуальности. Работая с этой категорий маркеров, следует обращать внимание на ссылки на литературные претексты, на использование информации биографического, культурно-специфического или исторического характера, на интертекстуальные игры с онимами, например: «...kannst denken, was du willst, der Schlaf ist nicht dein Bruder» (A. Camenisch. Die Kur). Приведенный контекст отсылает к роману «Schlafes Bruder» (1992) австрийского писателя Роберта Шнайдера. В заголовке этого романа, в свою очередь, содержится аллюзия на древнегреческую мифологию: бог смерти Танат является братом бога сна Гипноса. Интенсивность интертекстуальных переплетений говорит о степени внедренности пространства в широкий культурный контекст.

 $^{^{1}}$ Зд. и далее пер. наш. – *Н. Л., Е. К.*

²Все приведенные изречения из собрания М. Кирххофера: Kirchhofer, M. Wahrheit und Dichtung. Sammlung Schweizerischer Sprüchwörter. Ein Buch für die Weisen und das Volk. Zürich: Orell, Füssli und Compagnie, 1824.

Для понимания топологии пространства важным становится его восприятие через внутренний мир литературного героя. В литературном тексте пространственное перемещение героя, преодоление им природных препятствий, пересечение внутренних и внешних границ становятся метафорой жизненного пути. По этой причине репертуар геопоэтических средств в отдельном литературном тексте нередко включает в себя лингвистические средства экспрессии, отражающие особенности преломления характеристик пространства в эмоциях и чувствах героев.

Логика геопоэтического анализа конкретного произведения

Композиционно выделенные позиции текста, как правило, топографически наиболее детализированы. Географический нарратив в зачине литературного текста призван не только точно локализовать место и определить время действия (в этом состоит функция хронотопического ориентира), но и дать прочувствовать атмосферу, исторический, социокультурный (этнический, экономический, политический) колорит описываемого пространства. Локализация места действия в зачине осуществляется как топонимическими средствами описания, так и благодаря лингвистической спецификации ландшафтных, геологических, погодно-климатических особенностей местности.

Детективный роман Фридриха Дюрренматта «Обещание» (1958) открывается описанием поездки рассказчиков на автомобиле из города Кур, столицы кантона Граубюнден, в Цюрих. Наряду с топонимами (*Chur, Graubünden*), достоверно локализующими место действия в горной части восточной Швейцарии, описываемое пространство детализируется при помощи перифразы-реалии (*alter Bischofssitz – старинная епископская резиденция*), за счет упоминания типичных для данной местности агрокультурных занятий населения (*dass hier Wein wuchs – здесь рос виноград*), и наименования типичной геологической субстанции – в данном случае обломков природных камней горных пород в виде гальки: «...dazu das unangenehme Geprassel von *Kies*, mit dem man die Straße bestreut hatte» (Ф. Дюрренматт. Обещание). При дальнейшей спецификации ландшафта на первый план выходят погодные условия – значимые для горной части Швейцарии зимние осадки, затрудняющие поездку главных героев (снежная буря,

гололед): trister Schneegestöber; Schneefelder; das Pflaster war vereist; ein verschneites Tal, starr vor Kälte (Φ . Дюрренматт. Обещание).

Описание зимней Эльбы в зачине романа Зигфрида Ленца «Урок немецкого» (1968) также сочетает топонимическую локализацию (города́ и острова́ в Нижней Саксонии, расположенные на Эльбе: Stade, Finkenwerder, Hahnöfer-Sand) и спецификацию местности на основе описания характерной фауны (Krähen – вороны; Möwen – чайки; Schwarm – стая) и флоры (Schilfstoppel – тростниковая щетина; Weidengebüsch – тальник, ивняк), погодных условий (günstiger Wind – попутный ветер; Eisschollen – льдины; Treibeis – дрейфующий лед) и особенностей ландшафта (Strom - многоводная река, впадающая в море; перифрастическое наименование Эльбы; Strand – пляж, берег; Watt – Ваттовое море – мелководье у берегов Северного моря). Эффективным средством локализации литературного пространства оказываются фиктивные топонимы (фиктонимы), поскольку они акустически имитируют реальные обозначения населенных пунктов и сопровождаются легко узнаваемыми специфическими деталями описываемой местности. В зачине романа Йозефа Рота «Иов» (1930) фиктивные топонимы Zuchnow / Цухно, Kluczýsk / Клужицк фонетически ассоциируются с названиями расположенных на границе восточной части исторической Галиции волынских городов Дубно, Ровно, Луцк, Калуш, а топографические детали местности (die Gasse der Juden – еврейская улочка, schmale gewundene Straße – узкая петлистая дорога, vereinzelte Hütten – одинокие хижины, kilometerweiter Marktplatz – километровая рыночная площадь) воссоздают картину безошибочно узнаваемого восточно-галицийского штетла начала XX века.

Описание пространства в зачине литературного текста основывается на его восприятии рассказчиком, о чем свидетельствуют как эмотивно-оценочные эпитеты (trister Schneegestöber, das unangenehme Geprassel von Kies), так и прямая и непрямая номинация ментального, психоэмоционального состояния героев: «Wiederwillig beobachtete ich die Krähen» (3. Ленц. Урок немецкого); «Н. saß mürrisch neben mir am Steuer, in sich versunken, auf die schwierige Straße konzentriert» (Ф. Дюрренматт. Обещание). Негативные эмоциональные состояния героев сопровождаются включением в топографические описания маркеров мотива сна как топоса ирреальности / обмана / потусторонности: «Es ging wie in einem bösen Traum zu, wie verhext, als sollte ich

dieses Land, diese Berge nie kennen lernen» (Ф. Дюрренматт. Обещание). Для романа Дюрренматта типичным становится использование элементов мотива бегства, эксплицитно выраженного желания покинуть опасное пространство: «...so dass wir froh waren, die Stadt endlich hinter uns zu wissen... Es war wie eine Flucht» (Ф. Дюрренматт. Обещание). При этом в ходе развития сюжета у Дюрренматта мотив бегства переосмысливается как желание протагониста скрыться от беспросветной реальности: «"Ich verspreche es, Frau Moser", sagte der Kommissär, auf einmal nur vom Wunsche bestimmt, den Ort zu verlassen» (Ф. Дюрренматт. Обещание). Так запускается следующая, значимая для дальнейшего продвижения сюжета, функция гео-нарратива, а именно, сопровождение ментального и эмоционального состояния героев. Топографические описания могут обеспечивать замедление действия: «Studer lächelte freundlich und betrachtete es aufmerksam. Er hatte Zeit... Der Zug kroch durch eine graue Landschaft» (Ф. Глаузер. Вахмистр Штудер) или нагнетание и развязку напряжения, выделение нюансов настроения героев.

Отдельно следует рассмотреть символику прямых и косвенных цветовых обозначений. Доминирование в «Обещании» Ф. Дюрренматта серо-коричневого цвета (ein Stück metallener Himmel; Chur selbst offenbar steinig, grau; Erdaufschüttungen) создает настроение безысходности, невозможности противостоять внешним факторам, причем не только погодным, но и – метафорически – препятствующим расследованию преступления.

Описание природно-ландшафтных особенностей места действия через призму их восприятия героем запускает топологическое моделирование литературного пространства [Mahler, 2015]. Вследствие особой географии в описаниях горного ландшафта доминирует вертикальная ось «верх — низ». При этом изначальная (зафиксированная также в культурно-детерминированных слоях лексикона) культурная семантика пространства (верх — 'хорошо' = «Freiheit», «Erleichterung» еtс., низ — 'плохо') может переосмысливается. В романе Ф. Дюрренматта при описании поездки по дороге, «зажатой» между горными массивами, именно с пространством верха (горы, небо, пространство над землей) связан мотив опасности, преграды, затруднения: «Sonst schoben sich nur Wolken dahin, lastend, träge, noch voll Schnee»; «Ein weißer Bodennebel stieg auf... und mir den Anblick des Tals aufs Neue entzog» (Ф. Дюрренматт. Обещание).

Пространство *низа* (das Tal / долина), наоборот, лучше освещено, знакомо, безопасно, т. е. является «своим» в семиотическом смысле:

Doch nach und nach wurde es besser. Das Tal war wieder sichtbar, auch menschlicher... die Straße nun ohne Schnee und Eis, so dass eine anständigere Geschwindigkeit möglich wurde. Die Berge haben Platz gemacht, beengten nicht mehr... (Ф. Дюрренматт. Обещание).

По мере развития сюжета топология пространства *низа* изменяется: именно здесь совершается преступление: и у Ф. Глаузера, и у Ф. Дюрренматта это происходит в лесу, в скрытом, труднодоступном месте. С этим местом связаны наибольшая опасность и основные трудности расследования, которые не нейтрализуются даже благодаря улучшению погодных условий: «Es war ein durchaus *angenehmer Frühlingstag, leicht, ohne Föhn*, doch blieb unsere *Stimmung düster*» (Ф. Дюрренматт. Обещание).

Перепад высот, характерный для горных ландшафтов, может метафорически выстраиваться как продление вертикальной оси, например, по направлению вверх, как в следующем примере: «Ein schwarzer Himmel / überhing jetzt das Meer, und / die schneebedeckten, zerrissenen / Zinnen Alaskas prangten, / dünkte Steller das richtige Wort, / in rosaroten und violetten Farben» (В. Г. Зебальд. После природы. Поэзия элементов). В то же время, при продлении оси вниз возникают образы «зажатого в горной котловине города», словно погруженного в «огромную могилу»:

Die Stadt war von Bergen eingekesselt, die jedoch nichts Majestätisches aufwiesen, sondern eher Erdaufschüttungen glichen, als wäre ein unermessliches Grab ausgehoben worden (Ф. Дюрренматт. Обещание).

Метафора *могилы* как развитие топологии *низа* у Ф. Дюрренматта — это не только прямое указание на убийство с последующим типичным описанием похорон жертвы и связанных с этим событием эмоций, но и намек на профессиональное «самоубийство» главного героя (полицейского комиссара), на его пусть не физическую, но, безусловно, психологическую «смерть», тяжелое психическое расстройство, как в жанре психологической драмы.

Топологически не менее важной, антропоцентрически выделенной, является горизонтальная ось «вперед — назад», что связано с естественным движением / перемещением человека в пространстве.

В «Обещании» Ф. Дюрренматта продвижение вперед на автомобиле крайне затруднительно, связано с задержкой, с опасными маневрами, с преодолением препятствий:

Wir versuchten, in die Altstadt einzudringen, doch verirrte sich der schwere Wagen, wir gerieten in enge Sackgassen und Einbahnstraßen, schwierige Rückzugsmanöver waren nötig, um aus dem Gewirr der Häuser hinauszukommen... (Ф. Дюрренматт. Обещание)

Метафорически такое движение автомобиля проецируется на продвижение расследования убийства. Перед читателем раскрывается «ментальная карта» уголовного расследования с его путаницей, тупиками, «узкими местами» и тяжелыми «отступательными маневрами». Неслучайно задержки и неудачи в расследовании связываются с погодными или ландшафтными условиями («*Perfider* hätte der Tatort nicht ausgewählt werden können») и / или описываются пространственными метафорами: «Wir *schwammen*, hatten weder Anhaltspunkte noch Resultate...» (Ф. Дюрренматт. Обещание).

Помимо участия в продвижении сюжета эта геопоэтическая проекция на полицейское расследование представляется хронологически первой паратекстуальной отсылкой назад, к подзаголовоку «Обещания» (Requiem auf einen Kriminalroman – реквием по детективному роману), который, в свою очередь, раскрывает основную мысль рассказчика: успех сыщика в традиционном детективном романе – это не больше, чем иллюзия, обман, игнорирующий многофакторность, «волю случая» реального полицейского расследования. Таким образом, благодаря топологическому рисунку, создаваемому топографическими средствами описания, активируется способность читателя к осмыслению литературного пространства как пространства не только географического, но и культурно-семиотического, наполненного антропоцентрически значимыми, и, прежде всего, морально-ценностными доминантами мировосприятия человека.

Заключение

Геопоэтическое прочтение художественного текста, несомненно, предоставляет интерпретатору дополнительные возможности трактовки смыслов, в том числе присутствующих в тексте имплицитно. В литературном тексте географическое пространство выступает в качестве проекции жизненного пространства героев, при этом ландшафтный

(пейзажный) нарратив направляет и определенным образом организует читательское внимание при помощи средств топографического оформления описываемого места действия. Топографическое наполнение литературных локусов имеет синергетический эффект, проявляющийся в виде культурно и семиотически значимого топологического рисунка описываемого литературного пространства. В совокупности топографическое и топологическое оформление пространственных нарративов позволяет внимательному читателю достоверно локализовать место и определить время действия; почувствовать специфическую этнически окрашенную атмосферу описываемого географического региона; уточнить жанровые параметры текста, что особенно важно в случае гибридизации жанра; отслеживать общий модус повествования (замедление, ускорение действия; создание психологического напряжения и разрядки); прояснить направление геопоэтических метафорических проекций на основные сюжетные линии литературного текста (проспекция, продвижение сюжета), и, в конечном итоге, раскрыть основную авторскую интенцию как результат общих творческих усилий писателя и читателя.

СПИСОК ИСТОЧНИОВ

- Frank S. Zur Geopoetik Sibiriens im Kontext der russischen Avantgarde. Vortrag am Studientag «Kunstgeschichte und Geopoetik I» am 09.01.2014. Kunsthistorisches Institut Florenz (In Germ.). URL: https://www.khi.fi.it/de/aktuelles/veranstaltungen/archiv/2014/01/10054-2014-01-09.php
- 2. *Зассе М., Маршалек С.* Дисциплина геопоэтики : пер. с нем. Е. Дайс // University of Zurich : Zurich Open Repository and Archive, 2013. С. 111–124.
- 3. *Ritzer M.* Sinnbilder der Wirklichkeit. Berg, Gebirge, die Alpen im literarischen Realismus // Kultur Poetik. Zeitschrift für kulturgeschichtliche Literaturwissenschaft. Journal for Cultural Poetics. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. Bd. 15 S. 4–29. (In Germ.).
- 4. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста // Об искусстве. СПб. : Искусство–СПБ, 1998. С. 14–285.
- 5. *Nitsch W.* Topographien: Zur Ausgestaltung literarischer Räume // Handbuch Literatur & Raum / J.Dünne, A.Mahler (Hrsg.). Berlin; N. Y.: de Gruyter, 2015. S. 30–40. (In Germ.)
- 6. Бабенко Н. Г. Лингвопоэтика топонимики современной русской литературы// Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология, 2006. С. 59–66. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopoetika-toponimiki-sovremennoy-russkoy-literatury/viewer

7. *Mahler A.* Topologie // Handbuch Literatur & Raum / J.Dünne, A. Mahler (Hrsg.). Berlin; N. Y.: de Gruyter, 2015. S. 17–29. (In Germ.).

REFERENCES

- 1. Frank, S. (2014). Zur Geopoetik Sibiriens im Kontext der russischen Avantgarde. Vortrag am Studientag «Kunstgeschichte und Geopoetik I» am 09.01.2014. Kunsthistorisches Institut Florenz (In Germ.). https://www.khi.fi.it/de/aktuelles/veranstaltungen/archiv/2014/01/10054-2014-01-09.php
- 2. Sasse, S., Marszalek, M. (2013). Geopoetiki. In: Sid, I. Vvedenie v geopoetiku. Odinočnye ekspedicii v okeane smyslow = Introduction to Geopoetics. Singular Expeditions in an Ocean of Meanings (S. 111–124). Moscow: Art Chaus Media. (In Russ.)
- 3. Ritzer, M. (2015). Sinnbilder der Wirklichkeit. Berg, Gebirge, die Alpen im literarischen Realismus. In: KulturPoetik. Zeitschrift für kulturgeschichtliche Literaturwissenschaft. Journal for Cultural Poetics (S. 4–29). Bd. 15. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht. (In Germ.)
- 4. Lotman, Yu. M. (1998). Struktura khudozhestvennogo teksta = The Structure of the Artistic Text. Ob iskusstve (pp. 14–285). St. Peterburg: Iskusstvo–SPB. (In Russ.)
- 5. Nitsch, W. (2015). Topographien: Zur Ausgestaltung literarischer Räume. In: Handbuch Literatur & Raum. By J. Dünne, A. Mahler (Hrsg.) (S. 30–40). Berlin; N. Y.: de Gruyter. (In Germ.)
- 6. Babenko, N. G. (2006). Lingvopoetika Toponimiki Sovremennoy Russkoy Literatury = Linguopoetics of Toponymy in Contemporary Russian Literature. Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Philology, pedagogy and psychology, 8, 59–66. https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopoetika-toponimiki-sovremennoy-russkoy-literatury/viewer (In Russ.)
- 7. Mahler, A. (2015). Topologie. In: Handbuch Literatur & Raum / J. Dünne, A. Mahler (Hrsg.) (S. 17–29). Berlin; N. Y.: de Gruyter. (In Germ.)

Информация об авторах

Карпенко Е. И. – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Любимова Н. В. – кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Karpenko E. I. – PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Lexicology and Stylistics of German, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Lyubimova N. V. – PhD (Pedagogy), Professor, Professor at the Department of Lexicology and Stylistics of German, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 81'139

DOI 10.52070/2542-2197 2021 11 853 230

ДИАГНОСТИКА ДИНАМИКИ БАЗОВОЙ ЦЕННОСТИ *LEBEN*В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

А. И. Хлопова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, chlopova_anna@mail.ru

Аннотация. Основной целью статьи является определение динамики содержания одной из доминантных базовых ценностей, ценности *Leben*, в немецкой лингвокультуре. Исследование строится на сопоставлении данных лексикографических источников, в которых представлена лексема *Leben*, и двух ассоциативных экспериментов, проведенных автором в 2019 и в 2021 году. Полученные результаты показали, что ядерный компонент базовой ценности *Leben* остается стабильным на протяжении исследуемого временного периода, тогда как периферические компоненты изменяются в сторону расширения значения; кроме того, появляются новые значимые компоненты содержания.

Ключевые слова: диагностика динамики ценностей, свободный ассоциативный эксперимент, немецкая лингвокультура, ассоциативное поле, семантическое поле

Для цитирования: Хлопова А. И. Диагностика динамики базовой ценности *leben* в немецкой лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 230–245. DOI: 10.52070/2542-2197 2021 11 853 230

Original article

DIAGNOSTICS OF BASIC VALUE DYNAMICS OF LEBEN IN GERMAN LINGUISTIC CULTURE

A. I. Khlopova

Moscow State Linquistic University, Moscow, Russia, chlopova anna@mail.ru

Abstract. The main purpose of the article is to determine the dynamics of the content of one of the dominant basic values, the value *Leben*, in German linguistic culture.

The study is based on a comparison of data from lexicographic sources in which *Leben* token is presented and two associative experiments conducted by the author in 2019 and in 2021. The results showed that the nuclear component of the base value *Leben* remains stable over the study time period, while the peripheral components change towards value expansion; in addition, there are new significant content components.

Key words: diagnostics of value dynamics, a free associative experiment, German linguistic culture, an associative field, semantic field

For citation: Khlopova, A. I. (2021). Diagnostics of basic value dynamics of *leben* in German linguistic culture. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 230–245. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_230

Введение

Такая исследовательская процедура, как лингвистическая диагностика, является сегодня востребованной во многих прикладных областях. При этом очевиден поворот от применения этих процедур в сфере изучения языка к их использованию для исследования экстралингвистических факторов, таких как стереотипы, жизненные установки, идеалы, ценности. Необходимо отметить, что проведение диагностики «предполагает ориентацию на разные лингвистические подходы, постановку различных исследовательских задач и применение различающихся исследовательских процедур» [Ионова, 2017].

Этнические ценности — это совокупность культурных особенностей этноса, которые выделяются самими его представителями в качестве наиболее специфических черт, маркирующих его культурное своеобразие. Базовые ценности наследуются нами из прошлого и продолжают формироваться на протяжении всей жизни под влиянием внешних факторов, являются частью духовной культуры и входят в ее ядро. Поскольку наш опыт, отношение, представление и знание, любые изменения, связанные с ними, постепенно вербализуются и, соответственно, фиксируются в языке, содержание базовой ценности может быть описано в научных категориях, в частности, при помощи структурно-содержательных компонентов ассоциативного поля, обозначающих базовую ценность. Такой подход определяет возможность проведения лингвистической диагностики динамики базовой ценности Leben в немецкой лингвокультуре.

Ученые полагают, что аксиологический анализ такой ценности, как *жизнь*, представляется особенно трудным вследствие того, что

«в понимании современного человека *ценность* уже включена в понятие *жизнь*» [Фесенкова, 2000, с. 3]. Ценность жизни — это нечто существующее, само собой разумеющееся, не подлежащее обсуждению и дискуссии. Человек живет в структуре привычных ему мировоззренческих идей, имеет определенные ориентиры, которые признаются в обществе как желаемые и важные. Но человек может не осознавать, что ценности связаны с особенностями культурно-исторического и социального развития и что отношение к жизни в другой культуре может иметь иной характер, так как оно будет «пропитано» другими мировоззренческими представлениями.

Содержание лексемы *Leben* на основе данных лексикографических источников

Прежде чем определить психологически реальное содержания базовой ценности Leben в немецкой лингвокультуре, обратимся к инвариантному значению, представленному в лексикографических источниках, и определим динамику значения.

В этимологическом словаре В. Пфайфера указывается, что слово появилось в древневерхненемецком и означало *Umgang – общение*, *обращение*. В средневерхненемецком слово несколько изменило свое значение и стало пониматься как *Lebensweise*, *Stand*, *Orden* – образ жизни, местоположение. Сегодня оно понимается как *Existieren*, *lebhaftes Treiben*, *Betrieb – существование*, *движение*, *деятельность* [Pfeifer, URL].

В толковом словаре немецкого языка 1969 года слово Leben представлено как многозначное. В первом значении оно понимается как существование — das Existieren, Dasein. В этом значении жизнь противопоставлена смерти, это определенный период жизни, продолжительность жизни, бытие. В переносном значении жизнь также понимается как живость, оживленность, жизненная сила — Lebendigkeit, Vitalität. В следующем значении жизнь понимается как способ существования — Art und Weise des Existierens, des Daseins. При этом, способ существования представлен как нечто индивидуальное (например, ein üppiges, herrliches, glückliches Leben) и как нечто общественное (например, ein bürgerliches, soziales, christliches Leben). В следующем значении исследуемое слово понимается как совокупность форм жизни общества — Gesamtheit der gesellschaftlichen Lebensformen и делится

на реальность (например, das Leben hat ihn hart angefasst) и компоненты общественной жизни (например, Persönlichkeiten des öffentlichen Lebens) [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1969].

Согласно современному словарю немецкого языка Duden слово Leben также имеет несколько значений [Duden. Universalwörterbuch, URL]. В первом значении слово Leben, как и в словаре 1969 года, понимается как противоположное понятие к слову смерть – существование, живое состояние – das Lebendigsein, Existieren. Во втором значении лексема Leben представлена как продолжительность жизни, течение жизни – Dauer, Verlauf des Lebens, der Existenz, des Daseins. Как и в словаре 1969 года, слово *Leben* понимается как *образ жизни – Art zu leben*, Lebensweise. Значение, которое не представлено в словаре 1969 года, – содержание жизни – Lebensinhalt. Например, der Sport war für sie das Leben – спорт был ее жизнью. Следующие два значения, представленные с словаре Duden: будни, реальность, в которой проходит жизнь, совокупность форм жизни – der Alltag, die Wirklichkeit, in der sich das Leben abspielt; die Gesamtheit der Lebensformen и совокупность событий – Gesamtheit der Vorgänge, das Geschehen innerhalb eines Bereichs. В последнем представленном значении слово Leben трактуется как оживленность, суетливость – Betriebsamkeit, lebhaftes Treiben.

Смоделируем семантическое поле на основе лексикографических источников. В ядро значения будут входить компоненты: живое состояние; продолжительность жизни; образ жизни; реальность; совокупность событий. К периферии будут относиться остальные компоненты: живость, жизненная сила; смысл жизни; общественная жизнь; оживленность, суетливость.

Сочетаемость лексемы Leben

Согласно теории речевой деятельности А. А. Леонтьева, сочетаемость лексемы можно рассматривать как акт предикации, акт речевой деятельности, таким образом, все типы сочетаемости выражают характер речевого действия. В данном случае за счет рассмотрения речевой деятельности как двусмысленного предложения возможно применение категории предикативности, то есть выделение актуального смыслового признака.

На основе сочетаемости лексемы *Leben*, представленной в словарях Duden [The Free Dictionary, URL] и The Free Dictionary [Duden.

Universalwörterbuch, URL], выделим актуальные интегративные признаки исследуемой лексемы:

Общественная жизнь: Arbeit - paбота, Gesundheit - здоровье, gesellschaftlich - общественный, Ding - вещь, kulturell - культурный, Kunst - искусство, öffentlich - общественный, politisch - политический, Werk - mpyd (9 сочетаний);

Будни, реальность: führen — вести, normal — обычный, richtig — правильный, täglich — ежедневный, wahr — истинный, wirklich — действительный (6 сочетаний);

Новая жизнь: neu - новый, rufen - звать, verändern - изменять, einhauchen - вдохнуть, erwecken - пробудить (5 сочетаний);

Смерть: nehmen - брать (sich das Leben nehmen - noкончить жизнь самоубийством), Tod - смерть, Sterben - умирание (3 сочетания);

Жизнь индивида: eigen – собственный, Mensch – человек, menschlich – человеческий, Person – человек (4 сочетания);

Продолжительность жизни, срок: ganz - целый, lang - долгий, ewig - вечный (3 сочетания);

Небесконечность жизни, борьба за жизнь: *Leib – тело (Leib und Leben – живой и невредимый)*, *retten – спасать* (2 сочетания);

Воспоминания: erzählen – рассказывать (1 сочетание);

Жизнь народа: jüdisch – еврейский (1 сочетание);

Суматоха: *Treiben – суматоха* (1 сочетание);

Цена жизни: kosten – стоить (1 сочетание).

Интегративные признаки «будни, реальность», «смерть» и «продолжительность жизни» соответствуют ядерным значениям, выделенным на основе анализа лексикографических источников, признаки «общественная жизнь» и «суматоха» — периферийным компонентам.

Наиболее полно раскрытый признак «будни, реальность» репрезентирует лексему *Leben* как нечто обыкновенное, как жизнь, которую проживает индивид ежедневно. Повседневная жизнь противопоставлена на основе сочетаемости общественной, культурной жизни, которая понимается как совокупность общественных отношений и сводится к непрерывной общественной деятельности во всех ее сферах: духовной, политической, социальной, экономической, культурной, политической и т. д. Новая жизнь, новое начало противопоставляется смерти, концу жизни. Соответственно, на основе сочетаемости мы можем установить четкую бинарную оппозицию этого понятия

в немецкоязычной лингвокультуре. Отметим, что признак «новая жизнь»представлен преимущественно глагольными формами. Начало новой жизни связано во многих лингвокультурах с пробуждением, с изменениями к лучшему, с ощущением счастья. Признак «смерть», напротив, реализуется антонимами слова Leben – Tod и Sterben. На основе сочетаемости можно выделить следующую оппозицию: жизнь как долгий путь противопоставляется небесконечности жизни, осознанию риска лишиться жизни в любой момент и именно поэтому ценности жизни, борьбы за нее. Следует отметить, что жизнь рассматривается только в сочетании с конкретным индивидом. Жизнь индивида, личности связана со становлением человека, социализацией, принятием и усвоением норм, ценностей, традиций. Согласно Э. Фромму, «Вся жизнь индивида есть не что иное, как рождение самого себя» [Фромм, 2000, с. 13]. Жизнь индивида при этом противопоставляется жизни целого народа. Признак «воспоминания» отмечен единичной лексемой erzählen, которая свидетельствует о наличии некоторого опыта. Единичная лексема kosten также позволяет выделить признак «цена жизни». Известно, что человеческая жизнь бесценна. Цена жизни – это некая условная единица, определить которую пытаются философы, социологи, экономисты.

Данные свободного ассоциативного эксперимента 2019 года

Для установления психологически актуального содержания базовой ценности *Leben* в немецкой лингвокультуре обратимся к данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2019 году в городах Фехта, Берлин, Баден-Баден, Фрайбург, Потсдам с носителями немецкой лингвокультуры в возрасте от 17 до 23 лет. Условия проведения эксперимента стандартные. Респонденты получали печатную анкету с 28 словами-стимулами, репрезентирующими одноименные базовые ценности. Ввиду отнесения ценности *Leben* к базовым, она была также представлена в анкете. Согласно условиям эксперимента респонденты должны были реагировать первым пришедшим на ум словом на указанные слова-стимулы. Это важно и потому, что согласно теории речевой деятельности, слово приобретает психологически актуальное содержание в процессе деятельности, в нашем случае, в момент ассоциирования, в таком случае соотношение стимул-реакция следует рассматривать, вслед за А. А. Леонтьевым, как речевое действие.

На слово-стимул *Leben* было получено 100 реакций. Полученные реакции были распределены в соответствии с моделью ассоциативного значения В. А. Пищальниковой [Пищальникова, 2007, с. 159]:

• Понятия (21% от общего количества реакций):

Существование: Existenz - cyществование (1% от общего количества реакций);

Смерть: Tod - смерть (15%), sterben - умереть (5%), vor dem Tod - перед смертью (20% от общего количества реакций);

Реакции-представления соответствуют семантическому ядру слова Leben, выделенному на основе данных толковых словарей, или отражают четкую ассоциативную связь: жизнь - смерть.

• Представления (51% от общего количества реакций):

Реализация иных ценностей и эмоций: $Gl\ddot{u}ck - cчастьe$ (4%), Familie - ceмья (3%), Freiheit - cвобода (3%), Freude - padость (2%), Genuss - наслаждение (2%), Lachen - cmex (2%), $freisein - быть свободным, gesund - здоровый, gl\ddot{u}cklich sein - быть счастливым, <math>Liebe - nьбовь$, $Unabh\ddot{a}ngigkeit - независимость$ (21% от общего количества реакций);

Продолжительность жизни: $kurz - \kappa opom \kappa u u$ (8%), Endlichkeit - бренность, κ конечность, jetzt - ce u vac, lebe jeden Tag als w ar er der letzte - проживай каждый день так, как если бы он был последним, <math>Verg anglichkeit - непостоянство, быстротечность, Zeit - время (13% от общего количества реакций);

Вселенная: Erde - 3eмля, Luft - воздух, Sonne - cолнце, Tiere - животные, Welt - мир (5% от общего количества реакций);

Символы жизни: $atmen - \partial$ ышать, $Atem - \partial$ ыхание, Frühling – весна, Geschenk - nodарок (4% от общего количества реакций);

Качество жизни, образ жизни: $Gen\ddot{u}gsamkeit - нетребователь$ ность, Komfort - комфорт (2% от общего количества реакций);

Нереальное существование: Traum - мечта, Träume - мечты (2% от общего количества реакций);

Движение, активность: aktiv - aктивный (1 % от общего количества реакций);

Новая жизнь, этапы жизни: Baby - peбенок (1% от общего количества реакций);

Жизнь индивида: $eigenes\ Leben\ -\ coбственная\ жизнь\ (1\%\ от\ общего количества реакций);$

Развитие: Erfahrung - onыm (1% от общего количества реакций). Наибольшее количество реакций – представления, что может свидетельствовать об актуальности самой лексемы в немецкой лингвокультуре, о частотном употреблении слова в языке. При этом наиболее четко проявляется связь ценности Leben с другими ценностями. Это подтверждает уже отмеченную в предыдущих исследованиях идею о пересечении ассоциативных полей базовых ценностей в целом. Базовая ценность Leben связана четкой ассоциативной связью с такими ценностями как счастье, семья, здоровье, независимость, свобода и реализует базовые положительные эмоции: радость и смех. Эти ценности не могут быть реализованы друг без друга. Однако такая гипотеза требует верификации.

Реакции, соответствующие выделенному дополнительно признаку «продолжительность жизни», также свидетельствуют о кратком периоде жизни, недолгом существовании человека на земле.

5% реакций отражают дополнительно выделенный признак ассоциирования — «символы жизни». Реакции, относящиеся к этому признаку, синкретичны и могли бы в равной степени относиться к культурным реакциям. Однако ввиду того, что данные реакции реализуют культурные компоненты не только немецкой лингвокультуры, но и общечеловеческие символы, нам представляется возможным не выделять культурные реакции отдельно. Реакция дыхание жизни связана со строфой из Библии, которая описывает кульминацию Божьего творения — создание человека: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» [Толкования Священного писания URL].

Другой символ жизни — весна. Во многих культурах она является символом новой жизни, поэтому в немецкой культуре она предстает в образе молодого прекрасного юноши, начинающего жизнь. Кульминацией многих сказок и легенд является идея о том, что жизнь — это самый большой подарок, великое чудо. И это особенно ощущается, когда человек задумывается о быстротечности жизни.

Актуальный признак «Вселенная». Жизнь во Вселенной трактуется максимально широко и является предметом изучения представителями различных наук. Однако все ученые едины во мнении, что жизнь может существовать только на Земле, а для жизни человеку нужны кислород и солнечная энергия.

Как и в реакциях-понятиях в реакциях-представлениях можно выделить актуальный ассоциативный признак «мимолетность жизни», который отмечает бренность человека, его недолгое существование на земле.

В ассоциативном эксперименте проявляется дополнительный признак, выделенный в семантическом поле, но не отмеченный в сочетаемости лексемы – «качество жизни». При этом на основе реакций можно отметить как жизнь в комфортных условиях, так и, наоборот, скромное существование.

Единичные реакции отражают также выделенные на основе сочетаемости признаки: «новая жизнь» и «жизнь индивида».

Кроме того, в эксперименте проявляются, хотя и единичными реакциями, новые, не отмеченные в семантическом поле и на основе сочетаемости, признаки: «нереальное существование»; «движение, активность»; «развитие». Реальная жизнь противопоставляется жизни фантастической, мечтам индивида. В эксперименте также проявляются существующие в немецком обществе тенденции, которые говорят о необходимости постоянного развития человека на протяжении его жизни и активной жизненной позиции.

• Эмоционально-оценочные реакции (27% от общего количества реакций): schön – прекрасный (5%), lieben – любить (4%), wertvoll – ценный (4%), genießen – наслаждаться (3%), froh – радостный (2%), ist schön – прекрасен, ist toll – прекрасен, kostbar – ценный, liebenswert – стоит любить, lustig – веселый, Prüfung – экзамен, schwer – тяжело, spannend – увлекательна, überleben – пережить (27% от общего количества реакций).

24% реакций характеризуют *Leben* положительно, что логично ввиду того, что ценности представляются как стереотипы, содержащие в себе положительную окраску. Необходимо также отметить, что эмоционально-оценочные реакции характеризуют *Leben* как наивысшую ценность: *wertvoll* — *ценный*, *kostbar* — *ценный* (3% реакций — отрицательные). Они указывают на сложность жизни, трудность преодоления различных жизненных препятствий.

Таким образом, на основе реакций свободного ассоциативного эксперимента можем отметить, что для немецких респондентов жизнь — это живое состояние, которое противопоставляется смерти. Респонденты отмечают мимолетность и бренность человеческой жизни. В то же время важно отметить положительную оценку ценности

респондентами и ее ассоциативную связь с иными ценностями. Исходя из полученных данных, можно говорить о четком пересечении ассоциативных полей базовых ценностей, что может свидетельствовать о том, что одни ценности реализуют другие. Морально-этические ценности взаимосвязаны между собой и создают человеку определенный ориентир, определяют его социальный комфорт.

Данные свободного ассоциативного эксперимента 2021 года

Для определения возможной динамики в содержании базовой ценности Leben обратимся к данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями немецкой лингвокультуры в 2021 году. В условиях пандемии респонденты получали анкету в гугл-форме. В остальном условия остались неизменными. Распределим реакции в соответствии с избранной моделью ассоциативного значения:

• Понятия (18%):

Смерть: Tod-смерть (15%), sterben-умирать (2%) (17% от общего количества реакций);

Будни, реальность: $Wirklichkeit - \partial e \ddot{u}$ ствительность (1% от общего количества реакций).

Как и в случае с данными 2019 года, наибольшее количество понятийных реакций связано устойчивой ассоциативной связью: жизнь – смерть (17% от общего количества реакций).

• Представления (59% от общего количества реакций):

Реализация иных ценностей и эмоций: Gesundheit – здоровье (4%), Freude – радость (2%), Liebe – любовь (2%), Balance – баланс, Natur – природа (всего 10% от общего количества реакций);

Борьба за жизнь: $k\"{a}mpfen - бороться$ (6%), unbedingt zu bewahren - обязательно нужно сберечь (7% от общего количества реакций);

Многообразие жизни: Vielfalt - pазнообразие (5%), Abwechslung - pазнообразие, Veranstaltungsreihe - cepuя мероприятий (всего 7% от общего количества реакций);

Продолжительность жизни: beschreibbare Zeit — время, которое можно описать, lang — долгий, Spanne — промежуток, will ich lange — я хочу долго, Zeit — время, zu kurz — слишком короткий (всего 6% от общего количества реакций);

Вселенная: alles - sce (5%), Tier - животное (всего 6% от общего количества реакций);

Уникальность жизни: 1 (иислительное I), einzig — единственный, einzigartig — единственный в своем роде, Mach das beste draus — du hast nur eines — Получи от нее лучшее — у тебя она одна, unersetzbar — незаменимый (всего 5% от общего количества реакций);

Новая жизнь, этапы жизни: wachsen - pacmu (2%), $alt\ werden - cmapemь$, Baby - peбенок, Wachstum - pocm (всего 5% от общего количества реакций);

Символы жизни: Geschenk - nodapok, Wasser - вoda (всего 2% от общего количества реакций;

Развитие, самореализация: *Erfahrungen – onыm*, *Selbstver-wirklichung – самореализация* (всего 2% от общего количества реакций);

Ощущение жизни: $f\ddot{u}hlen - чувствовать$ (2) (всего 2% от общего количества реакций);

Смысл жизни: $Sinn\ des\ Lebens - cмысл\ жизни,\ Sinn - cмысл\ (всего 2% от общего количества реакций);$

Абстрактность, нереальное существование: abstrakt - aбстракт- ный, surreal - нереальный (всего 2% от общего количества реакций);

Любовь к жизни: lieben - любить (всего 1% от общего количества реакций);

Увлечения: Musik-музыка (всего 1% от общего количества реакций); Качество жизни, образ жизни: $Essen-e\partial a$ (всего 1% от общего количества реакций).

Более 50% реакций — реакции-представления. Такой высокий процент подтверждает уже высказанную идею о частотности, актуальности данного понятия для немецкого общества. При этом в количественном плане наиболее явно представлен дополнительный признак «реализация иных ценностей». Это подтверждает высказанную ранее идею о пересечении ассоциативных полей базовых ценностей в целом. Ввиду социальной интеракции ценности представляются нам взаимообусловленными и способными влиять друг на друга. Одни ценности являются необходимой предпосылкой для достижения других ценностей. Ф. Зауэр полагает, что существуют ценности, которые являются «спусковым механизмом» для других, ввиду чего возможно выстраивать определенные цепочки ценностей, например, привязанность может способствовать появлению любви, любовь — ответственности и т. д. При этом Ф. Зауэр отмечает возможность

существования совершенно различного вида цепочек и зависимость их от мотива деятельности [Sauer, 2019, с. 40]. Отличительной реакцией является в случае эксперимента 2021 году реакция Gesundheit (здоровье), входящая в ядро ассоциативного поля и связанная с повсеместным распространением коронавирусной инфекции COVID-19. На наш взгляд необходимо также отметить реакцию *Balance* (баланс), репрезентирующую не представленную ранее в списках базовых ценностей одноименную ценность Work-Life-Balance. Такая ценность вводится в ранг базовых в результате общей ситуации в мире: люди проводят много времени на работе, забывая о семейных ценностях и идеалах. Являясь новой ценностью, Work-Life-Balance сочетает в себе гармоничное соотношение двух других базовых ценностей: работы и жизни. С другой стороны, работа является частью жизни, и введение такой ценности в ранг базовых может считаться сомнительным. В любом случае Work-Life-Balance должна включать в себя определенный баланс между достижениями (усилиями, доходом, долгом) и осмысленностью (спокойствием, самореализацией). Реакции 2019 года, соответствующие признаку «продолжительность жизни», представляют жизнь как краткий период, как нечто мимолетное, мгновенное, бренное. Реакции 2021 года указывают на желание респондентов прожить долгую жизнь, а также на промежуток времени, отведенный человеку для жизни. Выделенный на основе реакций признак «новая жизнь» расширяется и включает в себя и другие периоды жизни человека: детство, взросление, старение. В качестве нового «символа жизни» респонденты называют воду. Являясь источником всего живого, вода также символизирует и течение жизни. Многие легенды связывают происхождение мира с водой. Вода является, в частности, в христианской традиции символом крещения, очищения от грехов и возрождения человека к новой, чистой жизни. Следует также отметить признак «вселенная», выделенный как в эксперименте 2019 года, так и 2021 года, указывающий на существование всего живого на Земле.

Динамика базовой ценности проявляется в появлении новых признаков, которые входят в ядро значения Leben. 7% от общего количества реакций представляют новый признак «борьба за жизнь», появление которого, вероятно, также связано с распространением коронавируса. Жизнь представляется респондентам как нечто многообразное в своем проявлении и в то же время уникальное. Именно

поэтому ее нужно прожить как можно лучше, добиться лучших результатов. Выделенный признак «смысл жизни» свидетельствует о том, что респонденты задумываются о смысле жизни, о ее сути, о своей функции в ней, относятся к ней ответственно. Стоит также отметить реакцию «абстрактность», которая в целом характерна для морально-этических ценностей.

• Эмоционально-оценочные реакции: wertvoll — ценный (6%), genießen — наслаждаться (5%), schön — прекрасный (5%), anstrengend — напряженный, auskosten — вкусить, Beste — лучшее, gut — хорошо, ja — да, kurzweilig — занимательный, Leid — страдание, rätselhaft — загадочный, Spaß — удовольствие, Trott — рутина (26% от общего количества реакций).

Эмоционально-оценочные реакции 2021 года сопоставимы с реакциями 2019 года. *Leben* понимается респондентами как наивысшая ценность. Отрицательные реакции указывают, как и в случае с реакциями 2021 года, на напряженность, сложности, которые встречаются в жизни. Негативные реакции также отмечают монотонный характер жизни.

• **Культурные реакции**: *lassen – позволять* (1 реакция).

Выделенная культурная реакция связана с известным выражением из произведения Ф. Шиллера «Wallensteins Lager»: *leben und leben lassen — жить и давать жить другим*, которое является своеобразным призывом быть внимательным к интересам других людей, искать с ними компромисс. Это определенная формула сосуществования, которая устраивает всех.

Заключение

Полученные результаты показали, что ценность *Leben* актуальна и значима для носителей немецкой лингвокультуры и реализуется в разнообразных реакциях-представлениях, отражающих индивидуальный опыт респондентов. Это позволяет, с одной стороны, считать ценность «жизнь» базовой для немецкой лингвокультуры. О значимости этой ценности в системе базовых для носителей лингвокультуры свидетельствует и характер коннотаций. Интегративные признаки «будни, реальность», «реализация иных ценностей», «жизнь в обществе», «смерть», «новая жизнь», «продолжительность жизни», «качество жизни, образ жизни», характерные для ценности

Leben, представлены во всех трех группах исследуемого материала: в словарных дефинициях, в характере сочетаемости лексемы Leben и в ассоциативных полях лексемы. Динамика содержания изучаемой ценности не затрагивает ядерных компонентов, а проявляется в некотором изменении периферических: признак «новая жизнь, этапы жизни» представлен не только рождением, но и взрослением и старением. Появляются также новые интегративные признаки: «многообразие жизни», «уникальность жизни», «ощущение жизни», «любовь к жизни». С другой стороны, важно отметить, что при общей динамике системы ценностей каждая из них изменяется с разной скоростью и в разном качестве. Если, например, такие ценности, как Arbeit [Хлопова, 2018], Ausbildung, Bildung, Gesundheit, Glück, Freiheit [Курилов, 2020], Mitleid [Ладоша, 2020] изменяются динамично и существенно, то ценность Leben, будучи более стабильной и воспринимаемой как главная ценность для носителя лингвокультуры, изменяет свое содержание очевидно медленнее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Ионова С. В. Идентификация и диагностика личности в лингвистике: поиск единичного и особенного // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XVII Междунар. науч. конф., Орехово-Зуево, 17–19 мая 2017 г. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2017. С. 79–81.
- 2. Фесенкова Л. В. Жизнь как ценность. М.: ИФРАН, 2000.
- 3. Pfeifer W. URL: https://www.dwds.de/d/zum-gedenken-an-wolfgang-pfeifer
- 4. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1969. URL: https://www.dwds.de/wb/Leben#etymwb-1
- 5. DUDEN. Universalwörterbuch. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/ Gesundheit
- $6. \quad \text{The Free Dictionary. URL: https://de.thefreedictionary.com/leben} \\$
- 7. *Фромм* Э. Человеческая ситуация ключ к гуманистическому психоанализу // Искусство любить. 2000.
- 8. *Пищальникова В. А.* История и теория психолингвистики: курс лекций: в 3 ч. Ч. 2. Этнопсихолигвистика. М.: МГЛУ, 2007.
- 9. Толкования Священного писания. URL: http://bible.optina.ru/old:gen:02:07
- 10. *Sauer F. H.* Das große Buch der Werte. Enzyklopädie der Wertvorstellungen. Köln: INTUISTIK-Verlag, 2019.
- 11. *Хлопова А. И.* Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.

- 12. Курилов С. Н. [и др.] Психологически актуальное содержание базовой ценности «свобода» // Современный мир: стратегии развития, технологии и образы будущего: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 24—25 октября 2019 г. М.: Изд-во «Национальный исследовательский университет» («МЭИ»), 2020. С. 502—508.
- 13. *Ладоша О. М.* [$u \ \partial p$.] Коммуникативно-прагматический потенциал лексемы MITLEID в немецкоязычной интернет-коммуникации // Филологические науки в МГИМО. 2020. # 2(22). С. 33–44.

REFERENCES

- 1. Ionova, S. V. (2017). Identification and diagnosis of personality in linguistics: search for a single and special = Language and thinking: psychological and linguistic aspects: materials of the XVII International Scientific Conference (pp. 79–81). (In Russ.)
- 2. Fesenkova, L. V. (2000). Zhizn' kak cennost' = Life as a value. Moscow: IFRAN. (In Russ.)
- 3. Pfeifer, W. https://www.dwds.de/d/zum-gedenken-an-wolfgang-pfeifer
- 4. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1969. https://www.dwds.de/wb/Leben#etymwb-1
- DUDEN. Universalwörterbuch. https://www.duden.de/rechtschreibung/ Gesundheit
- 6. The Free Dictionary. https://de.thefreedictionary.com/leben
- 7. Fromm, E. (2000). Chelovecheskaya situaciya klyuch k gumanisticheskomu psihoanalizu = The human situation The Key to Humanistic Psychoanalysis. The Art of Loving. (In Russ.)
- 8. Pishchal'nikova, V. A. (2007). Istoriya iteoriya psiholingvistiki: kurs lekcij: v 3-h ch.Ch. 2. Etnopsiholigvistika = History and theory of psycholinguistics: a course of lectures: in 3 parts. Part 2. Ethnopsycholinguistics. Moscow: MSLU. (In Russ.)
- 9. Interpretations of Scripture. http://bible.optina.ru/old:gen:02:07
- 10. Sauer, F. H. (2019). Das große Buch der Werte. Enzyklopädie der Wertvorstellungen. Köln: INTUISTIK-Verlag.
- Khlopova, A. I. (2018). Verbal'naya diagnostika dinamiki bazovyh cennostej = Verbal diagnostics of the dynamics of basic values: thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
- 12. Kurilov, S. N. et al. (2020). Psihologicheski aktual'noe soderzhanie bazovoj cennosti "svoboda" = Psychologically relevant content of the basic value of "freedom". Modern world: development strategies, technologies and images of the future: materials of the International Scientific and Practical Conference, 502–508. (In Russ.)

13. Ladosha, O. M. et al. (2020). Kommunikativno-pragmaticheskij potencial leksemy MITLEID v nemeckoyazychnoj internet-kommunikacii = The communicative-pragmatic potential of the MITLEID token in German-language Internet communication. Philology at MGIMO, 2 (22), 33–44. (In Russ.)

Информация об авторах

Хлопова А.И. – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Khlopova A. I. – PhD (Linguistics), Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics, Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

Научная статья

УДК 008

DOI 10.52070/2542-2197_2021_11_853_246

ЭГАЛИТАРНЫЕ ЦЕННОСТИ В КУЛЬТУРАХ ХАДЗА И ШВЕДОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Т. О. Рафиев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, slanchevb@mail.ru

Аннотация. Полемизируя с устоявшимся подходом к равенству как к единственной эгалитарной ценности автор выделяет группу ценностей, конституирующих модели поведения в различных культурах, и объединяет их в единый эгалитарный комплекс. Эти ценности выделяются на основе сравнительного анализа культурных практик народа хадза и шведов: индивидуализм, экономическая автономия личности, гендерное равенство, ювенильная свобода, запрет на публичную гордость, запрет на проявления авторитаризма, отказ от социальной эксклюзии, относительное равенство благосостояния.

Ключевые слова: эгалитаризм, эгалитарные ценности, компаративистика, культурные практики, хадза, шведы

Для цитирования: Рафиев Т. О. Эгалитарные ценности в культурах хадза и шведов: сравнительный анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 246–264.

DOI: 10.52070/2542-2197 2021 11 853 246

Original article

EGALITARIAN VALUES IN THE HADZA AND SWEDISH CULTURES. COMPARATIVE ANALYSIS

T O Rafiev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, slanchevb@mail.ru

Abstract. Arguing with the established approach to equality as the only egalitarian value, the author identifies a group of values constituting the considered behavioral models and combines them into a single egalitarian complex. These values are distinguished on the basis of a comparative analysis of the cultural practices of the Hadza and the Swedes: individualism, economic autonomy of the individual, gender equality, juvenile freedom, prohibition of public pride, prohibition of authoritarianism, rejection of social exclusion, relative equality of well-being.

Key words: egalitarianism, egalitarian values, comparative studies, cultural practices, Hadza, Swedes

For citation: Rafiev, T. O. (2021). Egalitarian values in the hadza and swedish cultures. Comparative analysis. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11 (853), 246–264. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_11_853_246

Введение

Теоретики эгалитаризма, вне зависимости от того, какой концепции они придерживаются, — утилитаризма (Амартия Сен), либерального равенства (Рональд Дворкин), приоритаризма (Дерек Парфит), — разделяют два основных подхода к равенству: равенство в распределении благ и равенство возможностей, которые в дальнейшем могут подразделяться на юридические, образовательные и т. д. Равенство выступает в целостности и по сути является единственной эгалитарной ценностью, воплощающейся в двух упомянутых выше формах. Однако, по нашему мнению, сравнительный анализ реальных культурных практик дает основания для пересмотра этой идеи. Равенство как ценность в имплицитной форме содержит в себе целый ряд эгалитарных ценностей, связанных друг с другом прочными связями и функционирующих как единый комплекс.

Эгалитаризм – это институциональное равенство, в данном случае понимаемое как происходящее от институций, как одна из констант культуры, определяется ценностными установками, реализующимися в устойчивых культурных практиках. Поиск и сравнение ценностных установок, обеспечивающих воспроизводство эгалитарной модели общества, представляются эвристичными для понимания того, как функционируют эгалитарные культуры. Для того чтобы найти основания для сравнения культур, не имеющих историко-генетических связей и находящихся на совершенно несопоставимых уровнях социального развития, необходимо обратиться к компаративистике. Компаративистский метод является одним из базовых при анализе текстов культуры. При этом возможны четыре подхода к сравнению: а) простое сопоставление; б) сравнение подобия, вызванного сходными условиями общественного развития; в) сравнение, обусловленное общностью происхождения, гомологичностью; г) сравнение сходства, обусловленного результатом культурного влияния [Жирмунский, 1979]. Сравнение неродственных культур представляется

возможным в единственном случае — если эти культуры могут быть соотнесены с одним или несколькими универсальными критериями, т. е. представлены типологически. Таким основанием для сравнения в силу его универсальности может быть критерий «иерархичности» / «эгалитарности». О том, что речь идет об универсальном критерии, свидетельствуют научные публикации различной тематики:

- гендерные исследования [Григорян, 2005];
- анализ организации сетевых сообществ [Рыков, 2013];
- исследования поведения высших приматов [Бутовская, 2002];
- изучение социальной организации.

«Иерархичность» / «эгалитарность» может проявлять себя поразному:

- а) как доминирование вертикальных или горизонтальных связей;
- б) как стратифицированность или гомогенность общества;
- в) как дифференциация или сходство (близость) социальных статусов;
- Γ) как концентрация в одних руках или относительно равномерное распределение власти, богатства.

Все эти бинарные оппозиции универсальны, и это позволяет редуцировать возможные аспекты сравнения до единственного реально доступного. Поскольку принадлежность неродственных друг другу культур к эгалитарному или иерархическому типу далеко не всегда можно связать со взаимовлияниями, общностью происхождения или сходством развития, обращение к простому сопоставлению представляется вполне оправданным. Более того, именно прямое сопоставление позволяет увидеть типические, универсальные черты, в данном случае эгалитарные ценности, их сходство или различие, и в некоторой степени абстрагироваться от культурного контекста.

Еще одной методологической составляющей такого сравнения является выделение «единиц анализа». Так, согласно Чарльзу Регину, их можно подразделить на «единицы наблюдения» и «единицы обобщения». Первые актуализируются при сборе и анализе полученных данных, вторые — при формулировании выводов. Обычно они относятся к уровням индивида и общества соответственно [Ragin, 1987]. Этим уровням также соответствуют количественная и качественная формы анализа. Однако количественный анализ, предполагающий в качестве единиц наблюдения отдельных индивидов, при изучении устойчивых

моделей поведения практически неприменим, так как предполагает вычисление неисчисляемых (или, точнее, трудно исчисляемых) единиц — отдельных поведенческих актов. Для данного исследования доступен лишь уровень обобщения, указывающий на общепринятые модели культурного поведения. Поэтому качественный анализ представляется единственно возможным, и тогда единицами анализа будут отдельные культуры.

В качестве примеров для такого кросс-культурного сравнения нами были выбраны традиционная культура хадза, небольшого общества охотников-собирателей, проживающих в районе озера Эяси в Танзании, с одной стороны, и культура сложного модернизированного европейского общества – шведов – с другой. Эгалитарные ценностные установки у тех и у других формировались, вероятно, не изолированно, а в близком контакте с соседними культурами, имеющими схожие черты. Для субсахарской Африки, помимо хадза, это культуры койсанских народов, проживающих в пустыне Калахари – !кунг (дзу / хоанси), !кви, таа и др. (кликсы в щелкающих языках отображаются восклицательным знаком – !кунг, !кви и т. д.). Для Северной Европы это национальные скандинавские культуры – финская, норвежская, датская. Ситуация внутри обеих групп имеет существенные отличия. Скандинавские культуры связаны друг с другом языковым единством (кроме финнов), единством происхождения и общностью исторической судьбы. С африканскими все гораздо сложнее. Их объединение в особую группу культур эгалитарных охотников-собирателей носит условный характер. Между пустыней Калахари, где проживают койсанские народы, и районом озера Эяси, местом компактного проживания хадза, более двух тысяч километров. Хадза, наряду с народом сандаве, являются единственными, кроме койсанов, носителями «щелкающего» языка. И хотя оба танзанийских языка, хадза и сандаве, являются изолятами, специалистами прослеживаются их лингвистические связи с бушменскими языками Калахари, в первую очередь южно-койсанскими – !кви, таа, кхойкхой [Старостин, 2013]. Само по себе употребление щелкающих согласных (кликсов) говорит о культурной близости хадза и койсанских народов в глубокой древности.

Выбор пал именно на эти народы прежде всего потому, что между культурами хадза и шведов нет историко-генетической связи, траектории их социального развития также имеют мало общего. Взаимовлияния

можно исключить, поскольку после выхода человечества из Африки и до эпохи географических открытий, народы, проживающие южнее Сахары, находились в изоляции. Хадза, видимо, в течение длительного периода контактировали лишь с бантуязычными культурами – иракв, исанзе, сукума, а также нилотоязычными скотоводами-датога, и вплоть до 1931 года не были известны науке. Таким образом, комплексы эгалитарных ценностей хадза и шведов имеют независимое друг от друга происхождение, а значит, если кросс-культурный анализ выявит общие сущностные черты, это может свидетельствовать об универсальном характере их структуры. Вместе с тем обе культуры, шведская и хадза, несмотря на очевидную несхожесть, признаются специалистами выраженно эгалитарными. Выбор именно хадза и шведов не случаен и еще по одной причине – помимо прочего, формы их эгалитарного поведения хорошо описаны, эти народы являются своеобразными образцами, наиболее ярко воплощающими идеалы социального равенства. Но необходимо еще раз подчеркнуть, что речь не идет о сходстве институтов или социальной организации. Эгалитарные общества уровня бэндов, или локальных групп, развивались настолько непохоже на привычные нам сценарии, что говорить о какой-то схожести с устройством современных обществ не имеет смысла. Сравнению могут быть подвергнуты исключительно ценностные установки, позволяющие реализовать эгалитаризм, вне зависимости от культурных различий, возникающих в результате разных траекторий социальной эволюции.

Эгалитарные ценности в культурных практиках

Хадза. Значительный вклад в изучение этого небольшого народа внес британский антрополог и исследователь эгалитаризма Джеймс Вудберн. Будучи в первую очередь специалистом по хадза, в своих работах он приводит данные и по другим обществам охотников-собирателей. Автор данной статьи, опираясь на анализ культурных практик, проведенный Вудберном, дополнил его собственной терминологией, описывающей отдельные эгалитарные ценностные установки.

Хадза крайне эгалитарны – любой человек, принадлежащий к этому обществу, мужчина, женщина или ребенок, имеет равный доступ к любым имеющимся на их территории ресурсам – растениям, охотничьей добыче, воде. Причем в независимости от того, добыл ли он пищу сам, или это сделали другие. Это коррелирует с обязательной

моральной нормой, принятой в культурах охотников-собирателей: «Добыл – поделись!»

Индивидуализм и экономическая автономия личности. Для обществ охотников-собирателей в принципе характерна относительная автономия и мобильность отдельных индивидов. Возможность смены места жительства рассматривается ими как безусловная ценность. Так, например, у варлпири в Центральной Австралии существовала пословица: «Нет ничего хуже, чем прожить всю жизнь с одними и теми же людьми, словно животные в загоне». Эта установка ярко проявляется в культурных практиках хадза:

- состав локальных групп, которые они образуют для осуществления хозяйственной деятельности, текуч и подвижен. Любой участник группы волен выбирать, хочет ли он уйти или остаться, и никто не может ему препятствовать;
- внутри локальной группы каждый может выбирать, с кем общаться во время занятий охотой и собирательством, в процессе торговли и обмена;
- хадза не несут долгосрочных взаимных обязательств, отношения между ними: родственные, экономические или любые другие, включая дележ или обмен, ограничены во времени [Woodburn, 1982]. Это касается и семейных обязательств – муж и жена добывают пищу независимо друг от друга. Собирая растения и время от времени охотясь на мелких животных, женщины не часто приносят добытое к семейному очагу. Так же ведут себя и мужчины на охоте – практически вся дичь, кроме относительно крупной, требующей дележа, если она была подстрелена вдали от лагеря, обычно съедается на месте. Это не признак жадности – хадза готовы делиться по первому требованию, скорее, это проявление экономической независимости. В лагере охотничья добыча распределяется между всеми, кто там находится, и тогда же может состояться совместный праздник. В то же время Вудберн говорит, что у хадза семейные трапезы редки, и часто можно увидеть взрослого или ребенка, поджаривающего и съедающего свою порцию мяса в одиночестве во внеурочное время.

Запрет на проявления авторитаризма. В обществе хадза нет вождей, лидеров в нашем понимании этого слова. Те, кого можно таковыми считать, избираются на короткий срок, и их влияние очень ограниченно. Схожая ситуация наблюдается среди бушменов !кунг, которые говорят, что, их старейшины — это просто уважаемые люди.

Пока все в порядке, в них никто особо не нуждается, но если вдруг дела в общине пошли плохо, каждый считает своим долгом подойти к такому неформальному лидеру и высказать недовольство [Lee, 1979].

Если авторитарная личность захочет подчинить своему влиянию других членов группы, люди могут попросту перейти в другую. В обществе хадза (как и у !кунг), смена места жительства приветствуется, и переходы из группы в группу – обычное дело. Текучесть состава локальных групп доходит до 30 % в год [Woodburn, 1982]. Как и везде, среди хадза время от времени появляются личности, имеющие авторитарные наклонности. Однако общество активно препятствуют стремлению таких людей добиться большей власти, богатства или более высокого статуса. Чтобы пресечь такие поползновения, хадза выработали специфические культурные практики. Ситуации, в которых авторитарный мужчина посягает на чужое имущество, чужих жен или стремится навязать другим свою волю, могут оказаться для него фатальными. У хадза доступ к луку и отравленным стрелам, есть у любого мужчины, даже у мальчика, и это охотничье оружие смертельно опасно не только для животных, но и для человека. Даже если пострадавший от авторитарной личности постарается избежать прямого конфликта с агрессором, он может устроить засаду в буше. Это угроза, избежать которой практически нереально, и, как свидетельствует Вудберн, некоторые люди, стремившиеся к доминированию, поплатились жизнью. Возможность тайно устранить того, кто угрожает благополучию окружающих, эффективно ограничивает хищничество [там же]. Еще одна практика, не позволяющая добиться доминирования, – это отсутствие жестких границ между охотничьими территориями. Несмотря на то, что охотничья территория считается принадлежащей ядру локальной группы, фактически она не является собственностью в нашем понимании. Скорее люди ассоциируют себя со своей землей. Однако никто не может запретить человеку, перешедшему из другой локальной группы, охотиться на новом месте. Поскольку размеры группы и ресурсы ежегодно меняются, такая модель позволяет наиболее успешно заниматься охотой и собирательством, не давая одной группе накопить больше ресурсов и возвыситься над другими [Lee, 1979].

Относительное равенство благосостояния. Для всех охотниковсобирателей характерен отказ от избытка предметов движимого имущества. Необходимо следовать за добычей, регулярно менять расположение лагеря – все это проще сделать налегке. Поэтому предпочтение отдается небольшим и легким предметам, и их немного. Но хадза пошли еще дальше. Накоплению у них препятствует устойчивая культурная практика. В сухой сезон, в период вынужденного бездействия мужчины большую часть времени проводят в лагере, предаваясь азартным играм. Самыми ценными предметами у них являются отравленные стрелы с металлическими наконечниками. Но и другие ценные вещи - каменные курительные трубки, одежда, ножи, топоры – всё, что может быть предметом обмена или торговли, принимаются в качестве ставок в этой игре. Ее суть в том, что участники по очереди бросают диски-спилы, покрытые корой, в сторону дерева, и от того, как они упадут, зависит выигрыш. Это игра на удачу в чистом виде, у игроков не много шансов повлиять на результат. Умение бросать имеет некоторое значение, но оно нивелируется, поскольку победитель не имеет права метать в следующем коне игры. Наименее азартные, выиграв, стараются вовремя выйти из игры и оставить выигрыш себе. Но проигравшие ходят за таким счастливчиком по пятам и требуют отыграться. В итоге за период сухого сезона наиболее ценные вещи, перетекая от лагеря к лагерю, равномерно распределяются по всей территории хадза. Отсутствие возможности накопления материальных ценностей приводит к тому, что человек, стремящийся к влиянию на других, не сможет завербовать себе сторонников. Так, игра, целью которой является обогащение, парадоксальным образом препятствует накоплению материальных ценностей и не дает возникнуть зависимости в отношениях между людьми [Woodburn, 1982]. Главным событием, когда люди в этих обществах зарабатывают очки, которые могут быть накоплены или распределены в целях укрепления статуса, является успешная охота на крупных животных. Добытое мясо широко распространяется в лагере посредством его раздачи. Причем успешных охотников меньшинство, и зачастую именно они так и остаются теми, кто чаще всего делится. Успешные платят больше, чем менее успешные, и обязаны поступать так всегда. Таким образом, дележ охотничьей добычи является механизмом выравнивания. У !кунг для того, чтобы зафиксировать отчуждение добычи от охотника, существует устойчивая практика охоты с помощью чужих стрел. По традиции считается, что убитая дичь принадлежит владельцу стрелы, и хотя порой охотники пытаются уклониться от этого

обычая, общественное мнение этому препятствует. Так, Маршалл полагает, что «общество, кажется, старается всячески аннулировать концепцию мяса, принадлежащего охотнику» [Marshall, 1976, с. 297].

Запрет на публичные проявления гордости. Если успешный охотник, допустим, добывший в одиночку крупное животное, жирафа или слона, захочет похвастаться своим успехом в лагере, он будет публично высмеян и опозорен. Хадза говорят, что об искусстве охотника должна сказать кровь добычи на наконечнике его стрелы. Мужчины, во всеуслышание заявляющие о своих охотничьих достижениях, не пользуются успехом у противоположного пола. Любая публичная гордость направлена на повышение личного статуса того, кто гордиться, а это осуждается обществом [Lee, 1979].

Ювенильная свобода. Дети в обществе хадза воспитываются в условиях, когда им предоставляется свобода в выборе занятий. Никто не заставляет ребенка что-то делать, и родители или родственники всегда его накормят. Но общественное мнение таково, что охота является наиболее престижным занятием, и зачастую мальчики возраста 10—11 лет вполне могут сами добывать дичь. С того момента, как у них появляются отравленные стрелы, изготовленные собственноручно или одолженные у взрослых, они становятся охотниками. Но заставлять детей делать что бы то ни было не принято — это противоречит эгалитарным установкам хадза. Детей обучают личному принятию решений, уверенности в себе, щедрости в раздаче ресурсов, но при этом независимости от дележа или раздачи. Для хадза характерны следующие воспитательные императивы:

- каждый имеет право на то же, на что имеют право другие;
- делай то, что считаешь нужным, но не ограничивай свободу других;
 - никогда не гордись, гордость ставит человека выше других;
 - будь щедрым, и ничего не требуй от других;
- добыв дичь, ты обязан поделиться, но больше ты никому ничего не должен [Woodburn, 1982].

Гендерное равенство (отсутствие мужского доминирования). Сам факт того, что между мужчинами и женщинами в обществе хадза распределены социальные роли: мужчины — охотники, а женщины — собирательницы, не позволяет утверждать о полном гендерном равенстве. Однако высокая степень автономности индивидов на практике

приводит к тому, что фигура домохозяина у них отсутствует. Как было сказано выше, жена и муж очень редко объединяют добытые ресурсы. Вдобавок сама мужская гендерная роль оспаривается в ежегодном ритуале женской инициации. Специально исследовавшая гендер у хадза, Камилла Пауэр пишет о том, что распределение статуса и власти среди обоих полов находятся в постоянной динамике [Power, 2015]. Эпеме – тайный мужской ритуал, представляющий совместное употребление сакрализованного мяса инициированными мужчинами, уравновешивается так же тайным женским ритуалом майтоко. Это обряд инициации девочек, проходящий в достаточно жесткой форме. Однако все участницы этого ритуала подчеркивают добровольный характер испытания майтоко. В отличие от других африканских народов, практикующих женское обрезание, у хадза мужчины никак не влияют на поддержание этой традиции [там же]. Такое поведение, объясняющееся теорией дорогостоящих сигналов, формирует сетевые связи и солидарность среди женщин хадза. И если эпеме представляет собой мужской «секрет», то майтоко – это «секрет» женский. Финал майтоко представляет собой ритуализированное избиение инициированными девушками юношей и мальчиков как символическое выражение женского превосходства.

Отказ от эксклюзии. Вудберн говорит о том, что хадза демонстрируют социальную открытость и готовность принять в свое общество любого, кто будет действовать, исходя из принятых представлений о равенстве. В качестве наиболее яркого примера он приводит ситуацию с больными проказой. В отличие от соседних этнических групп, изгоняющих таких больных из своих деревень и помещающих их в лепрозории, хадза оставляют прокаженных в лагере. Это не связано с каким-то особенным сочувствием или гуманностью. Над неуклюжестью больных могут даже подшучивать, но изгнать такого человека из группы никто не имеет прав [Woodburn, 1982].

Сутью всех описанных практик является стремление не дать возможности отдельным личностям или группам добиться большего престижа, более высокого статуса, оказывать влияние на других людей. Всё это воспринимается как опасность для общества, пронизанного эгалитарными ценностями. Важно отметить, что тысячелетиями проживая бок о бок с другими народами, для которых неравенство в статусе, власти и материальном богатстве — обычное дело, хадза

прекрасно осведомлены о том, к чему это приводит. И они сознательно отстаивают свой эгалитаризм.

Шведы. Вместе с рядом других скандинавских стран, Швеция характеризуется высоким уровнем социального равенства, находящем отражение как в обыденных культурных практиках, так и в национальном законодательстве. Во многом это связано с тем, что эгалитарные ценностные установки в Швеции, с одной стороны, восходят к традиционной культуре свободных землевладельцев-бондов и особому устройству сельских общин с эпохи позднего Средневековья, с другой – являются результатом целенаправленной государственной политики, по крайней мере, с середины 60-х годов XX века.

Относительное равенство благосостояния. Характерной чертой шведского общества является низкая дифференциация по уровню доходов среди домохозяйств, хотя различия между социальными слоями всё-таки есть. Однако соотношение зарплат между наименее и наиболее оплачиваемыми группами составляет приблизительно 1:3. Так, по данным 2021 года, средняя зарплата сотрудника клининговой компании, т. е. уборщика – 24 938 крон, в то же время управляющие крупными предприятиями в среднем получают 75 800 крон. В целом средняя зарплата колеблется в пределах от 25 до 40 тыс. крон¹. Такой тип распределения доходов связан с доминирующей в стране доктриной государства «всеобщего благосостояния» (Walfare state). Она базируется на принципах равенства возможностей, справедливого распределения благ и общественной ответственности за малоимущих и не имеющих возможности обеспечить себе минимальные условия достойного уровня жизни. И эта ситуация наблюдается с конца 60-х годов XX века. Более раннее положение недостаточно документировано, что не позволяет проследить распределение доходов в исторической ретроспективе [Roine, Waldenström, 2006]. Равенство благосостояния у шведов опирается на распространенные в обществе ценности, закрепленные в устойчивых поведенческих паттернах, получивших названия Lagom и Jantelagen.

Российский лингвист А. Н. Иванов, исследуя шведскую картину мира, выделяет устойчивые ценности или константы культуры, к которым он относит индивидуализм и своеобразную шведскую концепцию «современности». Помимо этих императивов, российский

 $^{^1}Ostrovrusa.\ 06.10.2019.\ URL:\ https://ostrovrusa.ru/srednyaya-zarplata-v-shvetsii$

исследователь пишет, что шведы – убежденные противники излишества. Поэтому одним из базовых понятий шведской культуры является слово lagom, которое означает «в меру», «достаточно». Смысловой нюанс в том, что умеренность – это не показатель усредненности, под lagom god («в меру хорошо») подразумевается высшая похвала. Lagom выступает как поведенческий императив и требование фактически к чему угодно и стало в настоящее время символом шведской умеренности. «Lagom är bäst» в дословном переводе на русский означает «в меру – лучше всего». Общественное мнение считает неприемлемыми как излишнее богатство, так и бедность. В этом состоит основная причина того, что шведская социал-демократическая партия уже более полувека побеждает на выборах под девизом «Никто не останется позади» («Alla skamed») [Иванов, 2009, с. 237]. Для среднего шведа погоня за богатством не является приоритетом, поскольку отнимает свободное время, необходимое для досуга, саморазвития, семьи, общения с друзьями и т. д. Денег должно быть lagom, но не более того [Иванов, 2009].

Индивидуализм. С понятием lagom тесно связан имеющий глубокие исторические корни шведский индивидуализм. Эта ценностная установка отразилась в шведском фольклоре — «Одиночка силен» (Ensam är stark) [там же, с. 238]. Стиль жизни средневековых шведских бондов — отдельными хуторами в значительном удалении друг от друга — оказал глубокое влияние на культуру. «В Швеции ценности индивидуализма не подвергаются сомнению, и в отношении этого мы, шведы, не lagom, а экстремальны», — пишет стокгольмский этнолог Карл Улов Арнсберг [там же, с. 240]. Автономия каждого члена общества и их равноправие по отношению друг к другу являются прямым следствием этого.

Запрет на публичные проявления гордости. Jantelagen переводится как законы «Янте» — это свод правил, по которым жил вымышленный город Янте в романе Акселя Сандемуса «Беглец пересекает свой след». Вот некоторые из них: «1) не думай, что ты что-то собой представляешь; 2) не думай, что ты лучше нас, 3) не думай, что можешь чему-то нас научить». Несмотря на то, что это литературное произведение, в нем отразились устойчивые представления среднестатистического шведа. Считать себя обычным человеком, ориентироваться на мнение соседей воспринимается как добродетель. Причисление

индивида другими к «обычным» людям воспринимается как комплимент. И хотя роман был написан в 1933 году, по мнению доктора Стивена Троттера, сама по себе такая модель поведения в скандинавских культурах утверждалась столетиями. «Янтелаген – это механизм социального контроля, - утверждает он. - Тут дело не только в богатстве, тут речь о том, чтобы не притворяться кем-то большим, чем ты есть на самом деле, и не делать чего-то, что не подобает твоему положению в обществе. Вы можете рассказывать о своей даче в лесу, про то, как сделали там обогреваемые полы и дворик. Никто этому не удивится, это принято у скандинавов, многие имеют загородные дома, – говорит он. – Но если сказать, что вы потратили те же деньги на два «Ламборджини», над вами начнут насмехаться» [Savage, 2019]. По сути, «Янтелаген» представляет собой запрет на индивидуальные проявления гордости в обыденной жизни. Любая публичная демонстрация своих достижений воспринимается как признак дурного тона. У шведов не приято публично гордиться своей родиной, хотя они и считают, что Швеция достаточно «lagom» хороша. Довольно долго не было официального национального дня Швеции, и даже после его появления он так и не стал выходным. Таким образом запрет на гордость проявляется и на коллективном уровне.

Гендерное равенство и экономическая автономия. При отборе кадров работодатели считают своим долгом учитывать не только профессиональные способности претендента, но и соотношение полов на рабочем месте, заботясь о наличии равного количества вакансий как для мужчин, так и для женщин. Большое число женщин занято в профессиях, которые традиционно считались «мужскими» — водители, пилоты, военные, спортивные комментаторы и т. д. И наоборот, шведские мужчины вполне могут работать воспитателями в детских садах, продавцами в магазинах. Недавние исследования показывают, что гендерное распределение среди студентов, обучающихся в аспирантуре и докторантуре, сегодня даже более, чем равно: 60 % студентов, поступающих в аспирантуру, составляют женщины, и две трети всех степеней присуждаются женщинам. По-видимому, в Швеции даже больше женщин, чем мужчин, участвуют в системе высшего образования [Duong Pham, 2016].

Важной составляющей гендерного равенства является отпуск по уходу за детьми. «Если я женщина и я смотрю на то, как члены

мужской команды вокруг меня становятся отцами, и никто из них не берет отпуск по уходу за ребенком, я буду чувствовать, что я исключение, когда забеременею и мне понадобится отпуск по уходу за ребенком», — говорит главный операционный директор одной из шведских компаний Мортен Вело. Когда был принят закон, предоставляющий оплачиваемый двухмесячный отпуск по уходу за ребенком отцам, это вызвало серьезные социальные изменения. Компании теперь готовы к тому, что сотрудники будут брать декретный отпуск независимо от пола. Изменение роли отцов воспринимается как фактор снижения числа разводов и увеличения совместной опеки над детьми [Bennhold, 2010]. Все это приводит к трансформации представлений о маскулинности. «Многие мужчины больше не хотят, чтобы их определяли только по их работе», — сказал Бенгт Вестерберг, который долгое время выступал против квот, но в качестве заместителя премьер-министра в 1995 году взял отпуск по уходу за ребенком [там же].

Отсутствие давления на детей. Всякое насилие («дисциплина») в отношении детей строго осуждается. Швеция была первой страной в мире, которая запретила эту практику в 1979 году. Родители редко заставляют детей выбирать определенный карьерный путь, по крайней мере, открыто. Говорить детям, что они должны свободно выбирать, чем они хотят заниматься, – является нормой. Детям рекомендуется становиться независимыми личностями. Это отражено в распространенных шведских выражениях, таких как «хороший человек заботится о себе» – «En bra karl reder sig själv» [Waller, 2019]. Большинство шведов испытывают трудности к вхождению в разного рода коллективы, поскольку с раннего возраста воспитываются в духе индивидуализма. Чтобы не быть отвергнутым, индивиду приходится проявлять чрезвычайную осторожность в выражении собственных мнений (отсюда распространенный стереотип о застенчивости и нерешительности шведов в общении с представителями других наций).

Отказ от эксклюзии. На протяжении второй половины XX — начала XXI века в шведской политике интеграции сохраняется преемственность. Сейчас шведское правительство преследует цель экономической самодостаточности и аккультурации мигрантов. И все же, несмотря на зачастую сомнительные успехи, получение экономической помощи и вид на жительство для беженцев и трудовых мигрантов не зависят от результатов интеграции. В шведском обществе

по-прежнему существует довольно широкий политический консенсус в отношении того, что получение гражданства способствует интеграции, а введение ограничений ее сдерживает. Согласно концепции хорошего гражданина, господствовавшей в конце 1960-х годов, предполагалось, что предоставление всем без исключения основных социальных прав заставит чувствовать принадлежность к стране. Вновь прибывшие захотят оправдать ожидания, и, прежде всего, обязанность работать. Был принят закон, гарантирующий, что на них распространяются те же положения о социальном обеспечении, что и на шведских граждан. И вплоть до кризиса беженцев и миграции 2015—2016 годов шведское общество не отказывалось от идеи интеграции ради успешности государства всеобщего благосостояния, хотя, возможно, сейчас эта ситуация будет меняться [Skodo, 2018].

Заключение

Даже сравнительно беглый обзор демонстрирует, что для воспроизводства эгалитарной модели общества требуются значительные культурные усилия. И эти усилия предпринимаются одновременно в различных направлениях. Каждая из описанных выше практик направлена на достижение такого состояния, которое социальные акторы рассматривают как желанное, т. е. детерминированное той или иной ценностью. Однако, хотя каждая из ценностей желанна сама по себе, только реализация всех их вместе позволяет эгалитарному обществу функционировать как системе. Эгалитарные ценности, рассматриваемые в фокусе кросс-культурного анализа, с одной стороны очень конкретны, с другой – их эгалитарность не вполне очевидна. Возможно, включение в их число индивидуализма и экономической автономии индивида на первый взгляд выглядит спорно. Однако именно культурные практики, в которых манифестируются экономическая автономия и индивидуализм, обладают тем мощным социально выравнивающим эффектом, благодаря которому ювенильная свобода и гендерное равенство обретают бытийность в качестве ценностей и моральных императивов. Основной вывод, который может быть сделан на основе проведенного сравнения, состоит в том, что культуры хадза и шведов, вне зависимости от культурного контекста, демонстрируют общий набор ценностей, позволяющих на практике реализовывать эгалитаризм. Это уже упомянутые выше:

- индивидуализм;
- экономическая автономия личности;
- гендерное равенство (отсутствие социального доминирования мужчин);
 - ювенильная свобода (отказ от давления на детей);
 - запрет на публичную гордость;
 - запрет на проявления авторитаризма;
 - отказ от социальной эксклюзии (никто не может быть исключен);
 - относительное равенство благосостояния.

Естественно, в этих обществах перечисленные ценности реализуются разными способами. Например, хадза достигают относительного равенства благосостояния за счет того, что делают накопление невозможным, а раздачу мяса – обязательной. А шведы – за счет принятия законов, регулирующих оплату труда, и прогрессивного налогообложения. По-разному воплощается в жизнь и отказ от эксклюзии. У хадза он выражается в практике обязательного дележа добычи, в сохранении социального статуса за людьми, больными проказой. У шведов – в признании и реализации прав меньшинств, проведении миграционной политики, рассчитанной на максимально успешную адаптацию мигрантов. Для того, чтобы противодействовать авторитарности отдельных индивидов, хадза вынуждены порой прибегать к насилию, а в шведском обществе с этой опасностью успешно справляются действующие демократические институты. Тем не менее сколь бы ни были различны эти культуры, успешно функционирующий эгалитаризм в них обеспечивается очень схожим, если не идентичным, комплексом эгалитарных ценностей. Их сходство позволяет говорить о конвергентной природе ценностных установок эгалитаризма, проявляющейся при обращении к сравнительному анализу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- 1. *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука, 1979.
- 2. *Григорян А. А.* Об эгалитарности и иерархичности. Гендерный аспект // Вестник Ивановский государственный энергетический. 2005. Вып. 2. С. 1–3.
- 3. *Рыков Ю.* Г. Виртуальное сообщество как социальное поле: неравенство и коммуникативный капитал // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4. С. 44–60.

- 4. *Бутовская М. Л.* Биосоциальные предпосылки социально-культурной альтернативности // Цивилизационные модели политогенеза / под ред. Д. М. Бондаренко, А. П. Коротеева. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований, 2002. С. 35–57.
- 5. *Ragin C*. The comparative method: moving beyond qualitative and quantitative strategies // The regents of the University of California. 1987. P. 1–18.
- 6. *Старостин Г. С.* Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. М.: Языки славянской культуры, 2013. Т. 1. Методология. Койсанские языки. С. 461–475.
- 7. Woodburn J. Egalitarian Societies // Man. New Series. 1982. Vol. 17. № 3. P. 431–451.
- 8. *Lee R. B.* The !Kung San: men, women, and work in a foraging society. Cambridge University Press, 1979.
- 9. *Marshall L.* 1976. The !King of 'Nyae Nyae. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press.
- 9. *Power C.* Hadza gender rituals epeme and maitoko considered as counterparts // Hunter Gatherer Research. 2015. Vol. 1 (3). P. 333–358.
- 10. *Roine, J., Waldenström D.* The evolution of top incomes in an egalitarian society: Sweden, 1903–2004 // SSE / EFI Working Paper Series in Economics and Finance. April 6, 2006. № 625.
- 11. *Иванов А. Н.* Константы шведской культуры в свете тезаурусного подхода // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 237–241.
- 12. Savage M. Jantelagen: Why Swedes won't talk about wealth? // BBC Worklife. 10 Oct. 2019. URL: https://www.bbc.com/worklife/article/20191008-jantelagen-why-swedes-wont-talk-about-wealth
- 13. *Duong Pham, Thuy.* Culture and sexuality in modern Swedish society // MUI 1626. 2016.
- 14. Bennhold K. In Sweden, men can have it all // New York Times. 9 June 2010.
- 15. *Waller J.* How do Swedes raise their children? // Quora. 2019. URL: https://www.quora.com/How-do-Swedes-raise-their-children
- 16. Skodo A. Sweden: by turns welcoming and restrictive in its immigration policy, migration information source // The online journal of the Migration Policy Institute. 06.12.2018. URL: https://www.migrationpolicy.org/article/sweden-turns-welcoming-and-restrictive-its-immigration-policy Dec. 6, 2018.

REFERENCES

- 1. Zhirmunsky, V. M. (1979). Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Zapad = Comparative literary studies. East and West. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
- 2. Grigoryan, A. A. (2005). Ob jegalitarnosti i ierarhichnosti. Gendernyj aspekt = About egalitarianism and hierarchy. Gender aspect. Bulletin of IGEU, 2, 1–3. (In Russ.)

- 3. Rykov, Yu. G. (2013). Virtual'noe soobshhestvo kak social'noe pole: neravenstvo i kommunikativnyj capital = Virtual community as a social field: inequality and communicative capital. Journal of sociology and social anthropology, XVI (4), 44–60. (In Russ.)
- 4. Butovskaya, M. L. (2002). Biosocial prerequisites of socio-cultural alternativeness. In D.M.Bondarenko, A.P.Koroteev (Eds.), Civilizational models of politogenesis (pp. 35–57). Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies. (In Russ.)
- 5. Ragin, C. (1987). The comparative method: moving beyond qualitative and quantitative strategies. Oakland: The Regents of the University of California.
- 6. Starostin, G. S. (2013). Languages of Africa. The experience of building a lexicostatistical classification (Vol. 1. Methodology. Koisan languages). Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)
- 7. Woodburn, J. (1982). Egalitarian Societies. Man. New Series, 17(3), 431–451.
- 8. Lee, R. B. (1979). The !Kung San: men, women, and work in a foraging society. Cambridge University Press.
- 9. Marshall, L. 1976. The !King of 'Nyae Nyae. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- 9. Power, C. (2015). Hadza gender rituals epeme and maitoko considered as counterparts. Hunter gatherer research, 1(3), 333–358.
- 10. Roine, J., Waldenström D. (2006). The Evolution of Top Incomes in an Egalitarian Society: Sweden, 1903–2004. In SSE / EFI Working Paper Series in Economics and Finance (no 625, April 6).
- 11. Ivanov, A. N. (2009). Constants of Swedish culture in the light of the thesaurus approach. Knowledge. Understanding. Skill, 3, 237–241. (In Russ.)
- 12. Savage, M. (2019). Jantelagen: Why Swedes won't talk about wealth? BBC Worklife. https://www.bbc.com/worklife/article/20191008-jantelagen-why-swedes-wont-talk-about-wealth
- 13. Duong Pham, Thuy. (2016). Culture and sexuality in modern Swedish society. MUI 1626.
- 14. Bennhold, K. (9 June, 2010). In Sweden, men can have it all. New York Times.
- 15. Waller, J. (2019). How do Swedes raise their children? Quora. https://www.quora.com/How-do-Swedes-raise-their-children
- 16. Skodo, A. (2018). Sweden: by turns welcoming and restrictive in its immigration policy, migration information source. The online journal of the Migration Policy Institute. https://www.migrationpolicy.org/article/sweden-turns-welcoming-and-restrictive-its-immigration-policy

Информация об авторе

Рафиев Т.О. – аспирант кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Rafiev T. O. – Postgraduate student of the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 05.07.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята к публикации 02.08.2021.

The article was submitted 05.07.2021; approved after reviewing 30.07.2021; accepted for publication 02.08.2021.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК VESTNIK

Московского государственного of Moscow State
лингвистического университета Linquistic University

Гуманитарные науки Humanities Выпуск 11 (853) Issue 11 (853)

Над выпуском работали: доктор филологических наук профессор *Р. К. Потапова* кандидат филологических наук доцент *А. В. Анишенко*

> Редактор М. М. Сингал Верстка Г. П. Лопатиной Дизайн обложки А. Г. Проскурякова

> > ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 28.11.2021 Усл. печ. л. 16,5. Формат 60х90/16 Заказ № 98/21

Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1 Тел.: (499) 245 33 23 E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Ссылка на издание обязательна